

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1885.

ОКТЯБРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлера . . . . . 417—459

Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета (Дроздова) вострогдствіи митрополита Московскаго (1809—1819) (продолженіе). И. Корсунскаго . . . . . 460—485

Письма изъ Германіи. Нѣмецкій штундизмъ и русская штунда (Письмо второе). Діакона П. Румянцова . . . . . 486—496

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Безсмертіе души (продолженіе). Профессора Московской духовной академіи В. Будрявцева . . . . . 308—317

Лантанцій и его философскія сужденія. Свящ. Т. Буткевича . . . . . 318—341

Изреченія дрезнѣйшихъ греческихъ мыслителей, выбранныя изъ сочиненій Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др. (продолженіе). И. К. . . . . 342—348

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Циркулярный указъ за № 9 о доставленіи изъ всѣхъ епархій свѣдѣній о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности.—Распоряженіе Епархіальнаго начальства о точномъ исполненіи 67 ст. Зак. Гражд. Т. X. ч. 1.—Журналь съѣзда духовенства Ахтырскаго училищнаго округа отъ 3—4 сентября 1885 года.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Совѣта Пятигорскаго Общества помощи недостаточнымъ больнымъ.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленіе.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАВА, нѣмецкая № 26.

1885.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ чловѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ Архіерейскомъ Монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ, Московская, № 7; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Фералонтова; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлый 1884 годъ, по прежней цѣнѣ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТАТЕЙ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОГО ЖУРНАЛА

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

т. II.—ч. II.

ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ.

Идеализмъ и реализмъ (продолженіе).—Профессора Кіевской духовной академіи *И. Липицкаго* (стр. 1—22, 103—142, 159—176, 449—481 и 575—593) *).

Какъ преподается философія въ нѣкоторыхъ философскихъ факультетахъ западно-европейскихъ университетовъ.—*Т. Б.* (23—34).

Философскія письма.—Письмо пятое.—*В. А. Болтинной* (стр. 35—39).

„ „ Письмо шестое. „ „ (стр. 433—438).

Изреченія древнѣйшихъ греческихъ мыслителей, выбранныя изъ сочиненій Диогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др. (продолженіе).—*И. К.* (стр. 40—46, 154—158, 202—210, 342—348, 402—408, 439—448 и 594—598) **).

Исторія философіи въ отношеніи къ откровенію (продолженіе).—*М. Остроумова* (стр. 47—72) ***).

Ученіе Фейербаха о сущности и происхожденіи религіи (продолженіе).—*И. Святлова* (стр. 73—96 и 143—153) ****).

Письма философа Сенеки (продолженіе) ** (стр. 97—101, 253—258, 295—302, 493—496 и 544—546) *****).

Абсолютное начало бытія можетъ-ли быть безсознательнымъ?—*Алексяя Гаворскаго* (стр. 177—201).

*) См. въ 1-й части страницы 395—412 и 493—516.

**) См. въ 1-й части страницы 35—51, 145—158, 188—200, 320—335, 485—492 и 578—586.

***) См. въ 1-й части страницы 297—311, 347—377, 443—465 и 539—558.

****) См. въ 1-й части страницы 559—577.

*****) См. въ 1-й части страницы 90—98, 241—246, 291—296, 336—346, 393—394, 436—442 и 528—538.

Безсмертіе души.—Профессора Московской духовной академіи *В. Кудрявцева* (стр. 211—229, 259—276, 303—317, 349—372, 497—524 и 547).

Сущность и происхождение философіи Іоанна Скота Эригены.—Доцента Московской духовной академіи *І. Татарскаго* (стр. 230—252 и 277—294).

Лактанцій и его философскія сужденія.—Свящ. *Т. Буткевича* (стр. 318—341 и 373—401).

Философское міросозерцаніе *Ө. М. Достоевскаго*.—*А. Снѣгирева* (стр. 409—432 и 425—543).

Цицеронъ и его „Тускуланскія бесѣды“.—*Ө. Садова* (стр. 482—492) *).

---

*) См. въ 1-й части стр. 378—392.

Πίστει νοοῦμεν.

Върѣю разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ. Октября 15 дня 1895 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

ИДЕЯ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

XIII.

Наполеонъ былъ далекъ отъ намѣреній, какія предполагалъ съ его стороны князь Кутузовъ. Онъ и не думалъ объ обходномъ движеніи на Медвнъ, а спѣшилъ достигнуть кратчайшимъ путемъ Можайска. Рано утромъ 14 числа императору допесли, что русскіе начинаютъ сниматься съ позицій и отходить по направленію къ Калугѣ, но онъ остался при своемъ прежнемъ рѣшеніи. Казалось, какая-то невидимая сила увлекала его на старую дорогу, обращенную въ пустыню его собственными полчищами. Онъ уже не думалъ болѣе объ истребленіи русской арміи, о покореніи Россіи; всѣ его помыслы, всѣ силы его генія были сосредоточены на одномъ стремленіи, выбраться поскорѣе изъ этой варварской страны, достигнуть преданной ему Польши, навести страхъ на своихъ вассаловъ прибытіемъ во главѣ стотысячной арміи. Парижъ—вотъ конечная цѣль его теперешнихъ стремленій, какъ въ первой половинѣ похода была Москва **). Но удастся-ли ему достигнуть

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 17.

***) Сегюръ справедливо замѣчаетъ, что если при выходѣ изъ Москвы Наполеонъ грѣшилъ недостаткомъ благоразумія, то теперь у него не хватило смѣлости.

этой завѣтной цѣли, спасется-ли онъ, подобно Дарію, изъ этой ужасной Скифіи? Передъ нимъ 250 лье (болѣе 1000 верстъ) пути, и какого пути! И только два пункта, на которыхъ онъ можетъ разсчитывать дать отдыхъ своимъ войскамъ и обновить ихъ силы,—это Смоленскъ и Минскъ. И тамъ, и тутъ у него собраны громадныя депо и магазины; но Смоленску угрожаетъ Витгенштейнъ, а на правомъ флангѣ линіи его отступленія стоитъ Чичаговъ. Наполеонъ все еще надѣется, онъ еще продолжаетъ утѣшать себя и другихъ обманчивыми иллюзіями. Онъ разсчитываетъ на 36000-й корпусъ маршала Виктора, предполагая его уже въ Смоленскѣ; онъ разсчитываетъ, что подкрѣпленія, высылаемыя изъ депо, выздоравливающіе раненые и больные, наконецъ отсталые, изъ которыхъ формируютъ новые баталіоны въ Вильнѣ, пополнятъ убыль въ его войскахъ. Онъ старается увѣрить себя и другихъ, что онъ успѣетъ достигнуть позицій на Двинѣ и Днѣпрѣ, присоединитъ тамъ къ себѣ войска Виктора, Макдональда, Сенъ-Сира, отброситъ Витгенштейна, остановитъ Кутузова и пріобрѣтетъ возможность угрожать Александру въ самомъ Петербургѣ. Наполеонъ не сомнѣвается также, что Шварценбергъ, Дюрутъ, Домбровский и Ревье уничтожатъ до его прибытія Чичагова. Возлагая такія надежды на своихъ генераловъ, Наполеонъ въ то же время не хочетъ сознаться передъ ними въ своей неудачѣ и старается представить имъ положеніе великой арміи въ совершенно ложномъ свѣтѣ. „Подъ Малоярославцемъ, пишетъ онъ маршалу Виктору, армія выдержала побѣдоносное сраженіе; французы потеряли 2000, русскіе 8000 человекъ. Непріятель находится въ полномъ отступленіи, но морозъ и необходимость спасти своихъ раненыхъ побудили меня отказаться отъ преслѣдованія и направиться на Можайскъ и Вязьму. Русская пѣхота

„Онъ усталъ. Эти два казацкихъ налета вызвали въ немъ чувство омерзѣнія (!); участь раненыхъ безпокоила его, всѣ эти ужасы отталкивали его и, какъ человекъ крайнихъ рѣшеній, онъ, не надѣясь болѣе на полную побѣду, рѣшился на преждевременное отступленіе“. Depuis ce moment, il ne vit plus que Paris, de même q'en partant de Paris, il n'avait eu en vue que Moscou. Segur, Histoire de Napoleon et de la grande armée. T. II, стр. 143.

сильно уменьшилась послѣ сраженія при Москвѣ; въ ней насчитывается теперь не болѣе 15000 старыхъ солдатъ“ *).

Итакъ морозъ, который надѣлалъ потомъ столько бѣды французамъ, начинаетъ играть, по словамъ Наполеона, свою роковую роль уже подъ Малоярославцемъ. Трудно себѣ представить болѣе возмутительную ложь, но мы такъ слѣпо вѣрили и вѣримъ и теперь нашимъ эlegantнымъ учителямъ, что продолжаемъ повторять ее съ ихъ словъ и по настоящее время **). А между тѣмъ подъ Малоярославцемъ погода была еще теплая и прекрасная, о морозѣ-же не было и помину. Вообще, если что-либо, то именно погода благопріятствовала въ 1812 г. какъ нельзя болѣе предпріятію Наполеона. Осень въ этомъ

---

*) Совершенно подобныя-же небялицы завесены были впоследствии по волѣ Наполеона и въ его мемуары, писанные на островѣ св. Елены. „Если-бы, говорится тамъ, дѣло было въ августѣ, а не въ ноябрѣ (?), то армія пошла-бы на Петербургъ. Она отступала на Смоленскъ не потому, что была разбита, а потому что хотѣла занять зимнія квартиры въ Польшѣ. Если-бы было лѣто, то ни Чичаговъ, ни Кутузовъ не приблизились-бы и на десять переходовъ къ французской арміи, не подвергаясь опасности быть уничтоженными“. См. замѣчанія Шамбре на это мѣсто мемуаровъ. Шамбре, Т. III, стр. 243. Онъ называетъ его прямо гасконадою.

**) Легенда о морозѣ повторялась во всѣхъ нашихъ учебникахъ до самаго послѣдняго времени. Только въ самомъ повѣйшемъ руководствѣ русской исторіи, (Трачевскаго), мы встрѣчаемъ отступленіе отъ традиціи. Тамъ сказано: „Наполеонъ долженъ былъ возвращаться съ обносившимися и голодными войсками при наступающей зимѣ, которая впрочемъ залоздала и не была сурова“. *Трачевскій*. „Учебникъ русской исторіи“, стр. 413. Наполеонъ утверждалъ впоследствии, что если-бы зима наступила 15 днями позже, то война 1812 г. окончилась-бы для него самымъ блестящимъ образомъ. Это нелѣпое хвастовство было опровергнуто уже Шамбре въ его книгѣ, изданной еще въ самомъ началѣ 20 годовъ. Шамбре замѣтилъ, что сильные холода были только отъ 9 до 13 ноября включительно во время пребыванія арміи въ Смоленскѣ; и что затѣмъ сильный морозъ наступилъ только послѣ переправы черезъ Березину въ самыхъ послѣднихъ числахъ ноября. Несмотря на эти категорическія замѣчанія добросовѣстнаго историка, позднѣйшіе писатели продолжали повторять сказку о морозѣ до самаго послѣдняго времени. Беригарди въ своихъ „Воспоминаніяхъ Толля“ опровергъ ее окончательно. См. Беригарди, Т. II, стр. 259 и въ другихъ мѣстахъ. Свѣдѣнія о морозахъ собраны между прочимъ въ статьѣ Д. В. Давыдова, соч. Т. I стр. 1—20 и въ соч. Липранди, „Нѣкоторыя замѣчанія о причинахъ гибели Наполеоновыхъ войскъ“. Спб. 1855 г. стр. 79 и слѣд. Слѣдуетъ, впрочемъ замѣтить, что въ самой Россіи ходило во время самыхъ событій крайне преувеличенное мнѣніе о влияніи мороза на гибель непріятельской арміи. Мы увидимъ, что самъ императоръ Александръ держался такого неосновательнаго мнѣнія.

году была необычайно продолжительная и теплая. Зима наступила очень поздно и далеко не принадлежала къ числу суровыхъ. Въ окрестностяхъ Москвы въ другіе годы нерѣдко уже устанавливается съ половины октября санной путь. Теперь наоборотъ, не было еще ни морозу, ни снѣгу, солнце ярко сіяло и грѣло днемъ, а ночью термометръ ни разу не опускался еще ниже нуля. Вообще въ первые дни отступленія французская армія не испытывала еще никакихъ особенныхъ бѣдствій или лишеній, а между тѣмъ уже въ это время началось ея страшное внутреннее разложеніе. Психологическій элементъ игралъ въ этомъ дѣлѣ разрушенія первенствующую роль. Настроеніе солдатъ было самое тяжелое и подавленное съ той минуты, когда отданъ былъ роковой приказъ отступить. Бодрость духа, поддерживаемая наступательнымъ движеніемъ, быстро уступила мѣсто какому-то тупому, безотрадному чувству отчаянія. Солдаты шли, понурия голову, какъ будто сознавая неслыханное униженіе, обрушившееся на нихъ и на ихъ непобѣдимаго вождя *). Невообразимый беспорядокъ, царствовавшій въ арміи уже во время выхода изъ Москвы, достигъ теперь крайней степени. Дисциплина пала окончательно. Дикіе инстинкты эгоизма и самосохраненія вступили въ свои права. Самъ императоръ подавалъ дурной примѣръ своимъ войскамъ. Всѣ замѣчали, что уже въ эти первые дни отступленія онъ заботился не столько о спасеніи арміи, сколько—своей дорогой особы. Онъ не дѣлалъ подобно другимъ полководцамъ трудовъ, опасностей и лишеній съ своими солдатами. Онъ не старался воодушевить ихъ своимъ присутствіемъ и словомъ. Онъ почти не показывался войскамъ, рѣдко садился на коня, ѣхалъ почти всегда въ закрытой каретѣ, окруженный своимъ коваемъ. Еще о преслѣдованіи со стороны русскихъ не было и помину, а уже императоръ старался уйти какъ можно дальше впередъ съ своею гвардіею. Онъ, то и дѣло, торопилъ своихъ генераловъ, а генералы и маршалы думали въ свою очередь больше всего о своемъ собственномъ спасеніи и о своихъ удобствахъ.

*) „La grande armée marchait les yeux baissés, comme honteuse et humiliée“. Segur, Т. II, стр. 143.

Такіе факты не могли, разумѣется, укрыться отъ вниманія солдата, не могли не отозваться самымъ пагубнымъ образомъ на его настроеніи.

Чѣмъ ближе подвигались колопны французской арміи къ Можайску, тѣмъ ужаснѣе и безотраднѣе становилась окружающая ихъ мѣстность. Великая армія входила въ область смерти, въ страну, опустошенную до-тла французами и русскими, въ совершенную пустыню, гдѣ не было и признаковъ жизни, гдѣ царило гробовое молчаніе. Многочисленныя села и деревни по пути лежали въ развалинахъ, лишь кое-гдѣ торчали лачуги и сараи, удѣлѣвшія какимъ-то чудомъ отъ разоренія. Въ небольшихъ городкахъ стояло еще не мало домовъ, но они были пусты, окна и двери выломаны, запасы уничтожены, сады и огороды опустошены *). Нигдѣ на разстояніи десятковъ верстъ отъ дороги нельзя было встрѣтить живой души. Жители скрывались съ своими семействами и пожитками въ лѣсахъ, вдали отъ путей, по которымъ тянулись непріятельскія колонны. Поля и нивы были повсюду вытоптаны, опустошены, мѣстами даже выжжены. Нигдѣ невозможно было найти ни фуража, ни подножнаго корма для лошадей и скота.

Армія тащила съ собою огромное количество съѣстныхъ припасовъ, но солдаты видѣли, что никто изъ начальствующихъ лицъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на правильное распредѣленіе этихъ припасовъ. Въ одномъ полку было еще много быковъ, но совершенно недоставало хлѣба, въ другомъ хлѣбъ былъ въ избыткѣ, но не было вовсе мяса. Подобное-же неравенство существовало нерѣдко въ одномъ и томъ же полку. Однѣ роты умирали съ голоду, тогда какъ другія утопали въ изобиліи. Командиры, то и дѣло, отдавали приказанія раздѣлить равномерно провіантъ; но эгоизмъ подчиненныхъ находилъ тысячи средствъ обойти и не исполнить этихъ приказаній **). Сохраненіе припасовъ всецѣло зависѣло отъ лошадей, а между тѣмъ эти послѣднія, не получая почти ни-

*) См. м. пр. Fezensac, Souvenirs militaires, стр. 280.

***) „Les chefs ordonnaient le partage, mais l'egoisme employait tous les moyens pour tromper leur surveillance et se soustraire a leur autorité“. Fezensac стр. 281.

какой пищи, быстро выбывались изъ силъ и сотнями падали по дорогамъ *). Уже съ первыхъ дней отступленія пришлось взрывать на воздухъ зарядные ящики, бросать на дорогѣ пушки и фуры съ добычею и даже припасами. Все напоминало скорѣе беспорядочное бѣгство, нежели правильное отступленіе **). Сознаніе близкой опасности, грозившей арміи, тяжкое предчувствіе гибели проникало въ душу каждаго солдата, вызывало одичаніе и полнѣйшую деморализацію въ арміи. Количество больныхъ, отсталыхъ, мародеровъ росло въ ужасающей прогрессіи. Вестфальцы въ теченіи двухъ переходовъ потеряли 400 человекъ. Обозы Вестфальцовъ и молодой гвардіи спутались на дорогѣ и не въ состояніи были тронуться съ мѣста. Солдаты молодой гвардіи, не думая долго, бросились на повозки съ стѣстными припасами, принадлежавшія Вестфальцамъ, и силою присвоили ихъ себѣ. Случалось нерѣдко, что солдаты одного отряда захватывали скоть и провіантъ другихъ отрядовъ. Очень часто дѣло доходило при этомъ до драки, до употребленія оружія, до настоящихъ сраженій между различными частями арміи. Тамъ, гдѣ дѣло шло о захватѣ провіанта, о поддержкѣ собственнаго жалкаго существованія, тамъ солдаты великой арміи уже въ эти первые дни отступленія превращались въ дикую, свирѣпую орду башибузуковъ ***).

Императоръ Наполеонъ наблюдалъ съ возрастающимъ безпокойствомъ эти страшные симптомы. Хуже всего было то, что онъ самъ начиналъ сознавать свое собственное безсиліе передъ этою разнузданностью. Считая себя по обыкновенію непогрѣшимымъ, онъ не допускалъ мысли, что главнымъ виновникомъ безпорядка и упадка дисциплины былъ ни кто иной, какъ онъ самъ. Этого мало! И теперь онъ продол-

*) Наполеонъ распустилъ въ послѣдствіи басню о 30000 лошадахъ, погибшихъ въ одну ночь отъ лютаго мороза. Шамбре замѣтилъ по этому поводу, что лошади гибли вовсе не отъ холоду, а отъ недостатка пищи. Отъ Фезензака и другихъ свидѣтелей мы узнаемъ, что лошади падали сотнями съ голоду уже въ первые дни отступленія, когда о морозѣ не было и помнью. См. Fezensac, стр. 281.

**) „De les premiers jours enfin cette retraite ressemblait a une deroute“, т. е. „уже съ первыхъ дней это отступленіе походило на бѣгство“. См. Fezensac, стр. 281.

**) См. Беригардъ, Toll's Denkwürdigkeiten, Т. II, стр. 267; Лоссбергъ, Briefe in die Heimath, стр. 237.

жалъ издавать приказы, которые должны были убить въ солдатѣ всякое чувство дисциплины и порядочности и превратить армію въ стаю дикихъ звѣрей, выпущенныхъ на волю. Именно въ это время Наполеонъ началъ вести ту систематическую войну истребленія, которую онъ порѣшилъ еще въ Москвѣ; онъ началъ, по словамъ одного изъ своихъ сподвижниковъ *), изливать свою месть на дома и постройки. Маршалъ Даву, шедшій съ аррьергардомъ арміи, получилъ приказъ истреблять остатки городовъ, селъ и деревень, лежавшихъ по пути отступленія. Никогда еще варварскій приказъ не находилъ болѣе точнаго и безпощаднаго исполнителя, какъ въ данномъ случаѣ **). Столбы дыма и пламени поднимались днемъ и ночью въ тылу и по бокамъ аррьергарда великой арміи. Были организованы особыя команды поджигателей, онѣ рыскали по обѣимъ сторонамъ дороги на разстояніи десятковъ верстъ. Помѣщичьи усадьбы, крестьянскія избы, сельскія церкви,—все дѣлалось добычею пламени. Какъ слѣдуетъ смотрѣть на этотъ варварскій приказъ? Слѣдуетъ-ли считать его простымъ актомъ злобы и безсильной мести, или-же онъ вызывался какою-нибудь необходимостью и не лишенъ былъ такъ называемаго военнаго смысла? Справедливость требуетъ сознаться, какъ замѣтилъ это уже Бернгарди, что пожары и опустошенія въ тылу арміи имѣли прежде всего цѣль затруднить преслѣдованіе, что слѣдовательно они могутъ быть рассматриваемы какъ чисто военная мѣра, вызванная необходимостью. Но дѣло имѣетъ и свою обратную сторону. Подобные приказы, отдаваемые и исполняе-

*) Fezensac, Souvenirs militaires, стр. 281.

**) „Le prince d'Еckmühl, commandant l'arrieregarde, etait chargé de mettre partout le feu, et jamais ordre ne fut exécuté avec plus d'exacritude et meme de scrupule“. Fezensac, стр. 281. Даву заботился, впрочемъ, объ одномъ, чтобы войска, шедшія впереди аррьергарда, не смѣли грабить и жечь. „Это, писалъ онъ маршалу Бертье, лишитъ аррьергардъ средствъ, въ которыхъ онъ такъ нуждается. На немъ одномъ должна лежать обязанность жечь населенія, и императорская армія извлечетъ изъ такого распоряженія большую пользу“. См. письмо герцога Екмюльскаго къ князю Певшательскому и Вагранскому. Шамбре, Т. 3, стр. 448. Желаніе Даву было тотчасъ-же исполнено. См. письмо Бертье отъ 29-го октябрия. Шамбре. Т. II, стр. 477. Объ этихъ опустошеніяхъ и ихъ вредныхъ послѣдствіяхъ для самихъ французовъ говоритъ также неоднократно Дабомъ. Rel. de la camp. de Russie, стр. 274—275 и во многихъ другихъ мѣстахъ.

мы и безъ того уже одичалыми солдатами, должны были окончательно убить въ войскахъ послѣдніе остатки порядка и дисциплины и подготовить гибель арміи. Дикіе инстинкты грабежа и разрушенія, не сдерживаемые съ самаго начала похода, выпущенные на полный просторъ въ Москвѣ, поддерживались и развивались до чудовищныхъ размѣровъ этими разбойническими наѣздами, этими грабежами и поджогами, предпринимаемыми по приказанію тѣхъ самыхъ властей, на обязанности которыхъ лежало прежде всего сдерживать животныя, хищническіе порывы солдата. Наполеонъ испытывалъ кромѣ того уже съ давняго времени всѣ ужасы народной войны. Ежедневно со времени вступленія въ Москву онъ узнавалъ, какимъ ужаснымъ образомъ расправлялись озлобленные русскіе крестьяне, а иногда и казаки съ его одиночными солдатами, съ его мелкими отрядами, имѣвшими несчастье попасть къ нимъ въ руки. Онъ давно уже возстановилъ противъ себя русскихъ простолюдиновъ; теперь своими поджогами и разрушеніями онъ рисковалъ раздуть тѣ же чувства дикой, яростной мести и въ русскомъ солдатѣ. Но быть можетъ онъ думалъ этимъ систематическимъ истребленіемъ навести страхъ на русскій народъ, заставить его не принимать участія въ партизанской войнѣ. Возможное дѣло, — тѣмъ болѣе, что Наполеонъ не имѣлъ никакого понятія о характерѣ русскаго народа, считалъ его вмѣстѣ съ другими французами толпою грубыхъ, забитыхъ рабовъ, лишенныхъ всякаго человѣческаго чувства. Страшно впрочемъ, что Наполеонъ, котораго мы привыкли считать чуть не съ дѣтства олицетвореніемъ политической и военной мудрости, опустилъ изъ виду при этомъ случаѣ самое простое и элементарное правило военнаго искусства, — именно, что паническій страхъ на населеніе можетъ навести лишь тотъ, кто идетъ впередъ побѣдоносно и гонитъ передъ собою непріятельскія арміи, а не тотъ, кто самъ припужденъ искать спасенія въ послѣднемъ отступленіи, въ бѣгствѣ. Наполеонъ ошибался точно также и на счетъ послѣдствій предписанныхъ имъ опустошеній. Онъ не сообразилъ, что эти опустошенія распространились въ сущности лишь на весьма незначительное разстояніе по обѣимъ сторонамъ дороги, что преслѣдующая русская

армія все-таки могла въ случаѣ нужды найти отдыхъ и убѣжище отъ стужи въ петронутыхъ его поджигателями селахъ и деревняхъ. Такимъ образомъ, съ какой-бы точки зрѣнія ни смотрѣли мы на это дѣло, вездѣ оно окажется одинаково бессмысленнымъ и безразсуднымъ *).

Но Наполеонъ отдавалъ еще и другіе приказы, точное исполненіе которыхъ должно было подѣйствовать еще болѣе пагубнымъ, разрушительнымъ образомъ на его собственныхъ солдатъ. „Видъ этихъ пожаровъ и опустошеній не былъ такъ ужасенъ, какъ то, что происходило на нашихъ глазахъ“, рассказываетъ очевидецъ. „Передъ нами шла колонна русскихъ плѣнныхъ, конвоируемыхъ войсками Рейнской конфедераціи. Имъ не давали другой пищи, кромѣ небольшого куска лошадинаго мяса и конвойные солдаты убивали тѣхъ изъ нихъ, которые не въ состояніи были тащиться далѣе. Мы встрѣчали на пути ихъ трупы, всѣ съ прострѣленными головами. Солдаты моего полка были возмущены этимъ зрѣлищемъ; они хорошо понимали, какое страшное возмездіе повлечетъ за собою это варварство для тѣхъ изъ нихъ, которые попадутъ въ руки непріятелю“ **).

Итакъ, самъ французъ свидѣтельствуетъ, что солдаты великой арміи пристрѣливали конвоируемыхъ ими несчастныхъ русскихъ плѣнныхъ. Изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ, что въ числѣ этихъ плѣнныхъ было очень мало солдатъ или офицеровъ, взятыхъ на полѣ битвы, что огромное большинство ихъ состояло изъ мародеровъ, изъ грабителей, пойманныхъ въ Москвѣ, наконецъ, изъ людей, не имѣвшихъ никакого отношенія къ арміи и взятыхъ въ плѣнъ по какому-нибудь пустому подозрѣнію. Перовскій прямо говоритъ, что въ числѣ ихъ было много всякаго подозрительнаго люда, мѣщанъ, разночинцевъ, мелкихъ чиновниковъ, но ни одного офицера ***). Трудно по-

*) См. Бернгарди, Toll's Denkwürdigkeiten. T, II, стр. 264. „So muss denn allerdings die ruhigste Erwägung wie das empörte Gefühl diese Mordbrennereien als eine sehr schlecht berechnete Massregel verwerfen“.

**) Fezensac, Souvenirs militaires. p. 281--82.

***) „Свидѣтельство Перевского относится, разумѣется, лишь къ той колоннѣ плѣнныхъ, съ которою препровожденъ былъ онъ самъ“. См. „Русскій Архивъ“ 1865 года, стр. 257.

пять, къ чему, съ какою цѣлью приказалъ Наполеонъ собирать подобный сбродъ и отправлять его въ качествѣ военнопленныхъ вмѣстѣ съ арміею. Легко понять, какъ ужасно обращались на пути съ этими пленными; какъ, въ виду общаго недостатка, ихъ кормили самою негодною и скудною пищею. Измученные, голодные, они падали, наконецъ, на пути и тогда солдаты конвоя пристрѣливали ихъ *). Но по чьему приказу? Изъ записокъ Перовскаго мы узнаемъ, что офицеры, командовавшіе конвоемъ, отдавали этотъ приказъ вѣроятно на основаніи сообщенной имъ инструкціи. То-же самое свидѣтельствуется и Вестфальскій полковникъ Ф. Лоссбергъ. Еще въ концѣ сентября, т. е. въ то время, когда о какой-бы то ни было нуждѣ не могло быть и рѣчи, изъ Москвы въ Можайскъ отправлена была партія русскихъ пленнхъ. Ихъ конвоировалъ третій Вестфальскій пѣхотный полкъ. Командиръ этого полка Ф. Лоссбергъ получилъ предъ отправленіемъ приказъ, разумѣется, отъ высшей власти, пристрѣливать тѣхъ изъ пленнхъ, которые не въ состояніи будутъ идти далѣе. Пленные, уже тогда были такъ измучены и обезсилены голодомъ, что перѣдко падали на пути. Самъ Лоссбергъ рассказывалъ объ этомъ въ своихъ письмахъ на родину; онъ-же свидѣтельствуется, какъ пытался онъ обойти исполненіе варварскаго приказа **).

Но Наполеонъ, говорятъ намъ его французскіе и не французскіе поклонники, не способенъ былъ отдавать подобный приказъ. Онъ былъ слишкомъ великъ, душа его была слишкомъ возвышена для подобнаго мелочнаго и бессмысленнаго варварства. Дѣйствительно, говорятъ они, было убито нѣсколько пленнхъ, но вовсе не по приказанію Наполеона, а по совершенно особенному случаю. Въ одной изъ колоннъ пленнхъ вспыхнулъ бунтъ. Мятежники захватили фуру, нагруженную водкою, перепились и пытались отнять оружіе у стражи. Понятно, что конвойные должны были защищаться; естественно, что нѣсколько человѣкъ пленнхъ пали подъ ихъ выстрѣлами. Былъ и еще одинъ печальный случай. На дорогѣ

*) Ужасающія подробности см. у Перовскаго.

***) См. Lossberg, Briefe in die Heimath, стр. 250 и слѣд.

были замѣчены два или три пристрѣленныхъ плѣнника. Наполеонъ узналъ объ этомъ; его благородное сердце было возмущено, онъ приказалъ произвести строжайшее слѣдствіе и наказать виновныхъ *).

Стоитъ только прочесть рассказъ Черовскаго и вспомнить свидѣтельство Лоссберга, чтобы убѣдиться во всей нелѣпости подобныхъ рассказовъ. Что-же касается до возвышеннаго сердца Наполеона, до его благороднаго характера, то развѣ свидѣтельство о пристрѣленныхъ по его приказу русскихъ плѣнныхъ стоитъ въ его исторіи особнякомъ, развѣ оно не есть лишь одно изъ цѣлаго ряда тѣхъ страшныхъ и кровавыхъ дѣлъ, которыя лежатъ на памяти грознаго завоевателя. Что стоило человѣку, игравшему весь свой вѣкъ жизнью и счастіемъ милліоновъ,—человѣку, приказавшему схватить и разстрѣлять герцога Энгіенскаго,—человѣку, устроившему постыдную Байонскую интригу, приказавшему перебить въ Яффѣ массу турецкихъ плѣнныхъ,—что стоило этому человѣку безъ сердца, этому холодному математику, никогда не спрашивавшему о правѣ или не правѣ, о гуманности и безчеловѣчности, а только о вредѣ и пользѣ извѣстнаго поступка,—отдать приказъ пристрѣливать, какъ собакъ, несчастныхъ плѣнниковъ?

Забавно, что даже тѣ изъ французовъ, которые свидѣлствуютъ сами о пристрѣливаніи плѣнныхъ, стараются доказать, что исполнителями варварскихъ приказовъ Наполеона, если они и были даны, не были и не могли быть французы, не способные вѣроятно на подобное дѣло вслѣдствіе возвышенности своей души и благородства характера. Всѣ эти звѣрства совершали, разумѣется, союзники великой націи. По словамъ однихъ, въ пристрѣливаніи плѣнныхъ упражнялись исключительно испанцы и португальцы **), по словамъ другихъ, солдаты Рейнской конфедераціи ***). Что тѣ и другіе являлись и въ томъ и въ другомъ случаѣ лишь слѣпыми исполнителями воли французскихъ властей, что большинство плѣнныхъ шло

*) Всѣ эти назидательныя исторійки мы находимъ у Гурго.

**) Такъ говоритъ Гурго.

***) Такъ свидѣлствуетъ Фезензабъ.

подъ конвоемъ молодой гвардіи, гдѣ не было ни испанцевъ, ни нѣмцевъ, а только одни французы, объ этомъ благоразумно умалчиваютъ писатели великой націи *).

Деморализуемые систематически подобными приказами, превращаемые по волѣ своего императора въ шайки гнусныхъ убійцъ и поджигателей, томимые смутнымъ ожиданіемъ страшныхъ бѣдствій, медленно подвигались впередъ колонны великой арміи. 16-го октября императоръ со старою гвардіею достигъ Можайска и уже на другой день передъ нимъ открылось зрѣлище, которое способно было потрясти до глубины души даже старѣйшихъ ветерановъ арміи, пережившихъ всѣ ужасы этой эпохи. Страшное Бородинское поле во всемъ своемъ могильномъ ужасѣ раскинулось передъ ними. День былъ ясный, солнечный, хотя и довольно холодный. Легкій, прозрачный туманъ стоялъ надъ полемъ битвы; то были ядовитые міазмы, поднимавшіеся отъ 50,000 гнившихъ человѣческихъ и лошадиныхъ труповъ. Не было принято ровно никакихъ мѣръ къ погребенію останковъ страшнаго побоища, хотя съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе 50 дней, хотя французы занимали все время Можайскъ и его окрестности, хотя тутъ пролегала ихъ главный этапный путь. Трупы лежали совершенно въ такомъ-же порядкѣ, или, лучше сказать, безпорядкѣ, въ какомъ уложила ихъ смерть въ день 26-го августа. Кое-гдѣ валялись отдѣльные остовы и тѣла, въ другихъ мѣстахъ трупы навалены были цѣлыми грудами **). Раздѣтые до-гола, они такъ ярко блестѣли на солнцѣ, что казались издали стадами бѣлыхъ овецъ ***). Медяной ужасъ проникалъ въ душу солдатъ при видѣ страшныхъ останковъ ихъ товарищей. Понуря головы, стараясь не глядѣть по сторонамъ, спѣшили они черезъ это ужасное поле; во обломки и осколки оружія, разбитыхъ

*) „Развѣ, замѣчаетъ, по этому поводу Бернгарди, тиранія нуждалась когда-либо во Франціи въ орудіяхъ, все равно въ чьихъ рукахъ на находилась она, въ рукахъ-ли Карла IX-го, конвента, или Наполеона“. Бернгарди. Т. II, стр. 270.

***) „Нѣкоторые утверждали, говоритъ Фезензакъ, что среди труповъ найдены были и живые раненые; но я не могу этому вѣрять, да это и не было доказано“. См. Fezensac, стр. 282. Разсказъ о живомъ раненомъ, найденномъ на Бородинскомъ полѣ, находимъ у Лабона, стр. 277—78.

****) См. Aus dem Leben des Generals v. Brandt. Т. I, стр. 457.

лафетовъ зарядныхъ ящичковъ, фуръ, груды тряпья всякаго рода, попадались имъ ежеминутно подъ ноги, напоминали, то и дѣло, въ какомъ мѣстѣ и по чьимъ костямъ приходится имъ спѣшить не впередъ, куда манитъ добыча и слава, а назадъ, гдѣ, можетъ быть, удастся найти имъ спасеніе отъ лютой смерти. „Сердца наши сжимались, говоритъ очевидецъ, при видѣ этого поля, гдѣ легло столько нашихъ. Храбрецы эти воображали, что они умираютъ за побѣду и миръ. Тихо проходили мы мимо ихъ, какъ-бы боясь, чтобы они не узнали о нашемъ отступленіи“ *). Одинъ за другимъ тянулись корпуса великой арміи черезъ роковое поле. Солдаты, пораженные ужасомъ, бросали послѣдній печальный взглядъ на колоссальное кладбище **), но мысль о собственномъ положеніи, о грозномъ будущемъ быстро изгладилла и это впечатлѣніе.

Но вотъ и другая, быть можетъ, еще болѣе ужасная картина! Войска достигли Колоцкаго монастыря, превращеннаго въ день битвы въ госпиталь для раненыхъ. Теперь это тоже было ужасное кладбище, наполненное умершими, умирающими, разлагающимися за-живо людьми. И тутъ царствовала смерть, какъ на Бородинскомъ полѣ, но въ болѣе потрясающемъ и отвратительномъ видѣ. Тамъ дѣло смерти было уже покончено, борьба прекратилась и спокойствіе могилы воцарилось навѣки; здѣсь борьба продолжалась, здѣсь смерть преслѣдовала жертвы, пытавшіяся спастись отъ нея. И не было никакихъ средствъ противостать ей, вырвать изъ ея пасти тысячи несчастныхъ. Недостатка въ энергическихъ распоряженіяхъ не было и тутъ, но некому было исполнять ихъ, да и не было средствъ для борьбы со смертью ***).

*) См. Fain, Manuscrit de 1812. Т. II, стр. 258.

**) Segur, Histoire de Napoleon et de la grande armée. Т. II, стр. 160.

***) Segur, Histoire de Napoleon et de la grande armée. Т. II, стр. 164—165. „Мы пришли вечеромъ 29-го, говоритъ Фелензакъ,—въ Колоцкій монастырь. Превращенный прежде въ госпиталь, онъ походилъ теперь на большое кладбище. Единственная постройка, уцѣлѣвшая въ городѣ Гжатскѣ, служила также госпиталемъ для нашихъ больныхъ. Полковникамъ отданъ былъ приказъ разыскать тамъ людей своихъ полковъ. Больные были брошены тутъ безъ всякаго призора, безъ медикаментовъ, безъ припасовъ. Я едва могъ пробраться черезъ груды всевозможнаго сора и грязи, покрывавшихъ лѣстницы, корридоры и самыя залы. Я

Что испытывалъ Наполеонъ при видѣ этихъ ужасовъ? Чрезъ Бородинское поле онъ проѣхалъ поспѣшно, не останавливаясь, не оглядываясь по сторонамъ *). Въ Колоцкомъ онъ остановился на короткое время и отдалъ приказъ забрать на маркитантскія фуры и на другія повозки тѣхъ раненыхъ, которые могли еще переносить движеніе. Что руководило имъ при этомъ случаѣ, — спрашиваетъ очевидецъ, — гуманность, самолюбіе, или желаніе спасти опытныхъ старыхъ солдатъ. Какъ-бы то ни было, но мѣра эта имѣла гибельныя послѣдствія и для арміи и для несчастныхъ раненыхъ. Не трудно было предвидѣть, что раненые не перенесутъ предстоящихъ имъ лишеній и бѣдствій, что не хватитъ провіанта для ихъ продовольствованія, что люди, которымъ назязали насильно этихъ несчастныхъ, постараются отдѣлаться отъ нихъ тѣмъ или инымъ способомъ при первомъ-же удобномъ случаѣ **).

Безъ сомнѣнія, Наполеонъ не вдумывался особенно въ возможные послѣдствія своего распоряженія. Его голова занята была въ это время совершенно иными заботами. Что значили для него всѣ эти мертвецы и полумертвецы, когда судьба видимо заносила уже свой серпъ надъ нимъ самимъ и надъ его арміею? Уже 15-го октября послѣ долгой, теплой погоды въ воздухѣ внезапно похолоднѣло и термометръ впервые упалъ ночью до 4 градусовъ мороза. Зима начала показывать свою ледяную руку. Правда, послѣ холодной ночи наступилъ вновь довольно теплый день и солнце опять явилось во всемъ своемъ блескѣ, но уже и это первое незначительное пониженіе температуры отозвалось самымъ гибельнымъ образомъ на плохо одѣтыхъ, измученныхъ походомъ и нерѣдко голодныхъ солда-

---

нашелъ здѣсь трехъ человекъ изъ моего полка, снасти ихъ отсюда доставило мнѣ величайшее удовольствіе“. Fezensac, Souvenirs militaires, стр. 282.

*) См. Segur. Т. II, стр. 160.

**) Таково мнѣніе Шамбре. По его словамъ, въ Можайскѣ и Колоцкомъ находилось около 1,500 раненыхъ, и притомъ такихъ, перевозка которыхъ считалась до тѣхъ поръ невозможною. См. Шамбре. Т. II, стр. 356. Уже на первомъ переходѣ маркитанты сбрасывали въ канавы порученныхъ имъ раненыхъ. Только одинъ изъ нихъ, какой-то генералъ, спасся, и черезъ него императоръ узналъ объ этомъ страшномъ преступленіи. Неизвѣстно, наказаны-ли были виновные. См. Сегюръ. Т. II, стр. 164.

тахъ отступающей арміи. Уже теперь вокругъ потухшихъ бивуачныхъ огней можно было видѣть сотни солдатъ, застывшихъ отъ холода, уже теперь начали попадаться люди съ отмороженными членами *).

Но были вещи пострашнѣе зимы! До сихъ поръ армія не подвергалась еще преслѣдованію со стороны непріятеля, теперь впервые начали показываться казаки. На первый разъ они не причиняли еще особеннаго вреда. Они появлялись по сторонамъ большой дороги, обгоняли съ дикимъ гикомъ медленно двигающіяся колонны, хватали отсталыхъ, собирали брошенную добычу. Можно было пока относиться въ нимъ съ обычнымъ презрѣніемъ; ничего не стоило прогнать ихъ отъ дороги нѣсколькими выстрѣлами; но число ихъ возросло съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ; ихъ дерзость, ихъ назойливость усиливались ежеминутно. Это между прочимъ показывало, что недалеко за ними двигаются главные корпуса русской арміи. И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ былъ непріятель, въ какомъ направленіи двигались главныя силы русской арміи, — объ этомъ столь существенномъ вопросѣ не имѣли ни малѣйшаго понятія ни Наполеонъ, ни начальникъ его штаба, маршалъ Бертье, ни командиры отдѣльныхъ частей. Съ тѣхъ поръ какъ французская армія лишилась большей части своей кавалеріи, форпостная и развѣдочная служба пришли въ ней въ крайній упадокъ. Въ шпіонахъ ощущался также полнѣйшій недостатокъ. Не было и не могло быть тогда измѣнниковъ въ средѣ русскаго населенія, а польскіе шпіоны, служившіе Наполеону съ самаго начала кампаніи, не отваживались удаляться ни на шагъ отъ большой дороги, опасаясь попасть въ руки озлобленныхъ крестьянъ. При такомъ положеніи дѣлъ пришлось собирать свѣдѣнія отъ немногихъ русскихъ плѣнныхъ, случайно попадавшихъ въ руки французовъ. Одинъ изъ такихъ плѣнныхъ присланъ былъ 14-го числа маршаломъ Даву въ главную квартиру. Это былъ офицеръ. Онъ утверждалъ, что вся русская армія идетъ поспѣшно на Смоленскъ,

*) Первое появленіе холода побудило Наполеона позаботиться прежде всего о самомъ себѣ. Съ этого дня императоръ, по свидѣтельству Шамбре, облачился въ зимній польскій костюмъ и усѣлся въ закрытую карету. Шамбре. Т. II, стр. 357.

что Кутузовъ думаетъ отрѣзать путь отступленія великой арміи. Показанія плѣннаго о движеніи русскихъ, объ ихъ громаднѣхъ силахъ, не остались тайною, они быстро разнеслись по всей арміи и распространили всеобщее уныніе. Эта непобѣдимая армія, мечтавшая такъ недавно лишь о побѣдахъ и славѣ, дрожала теперь уже при одной вѣсти о приближеніи непріятеля! Наполеонъ подавалъ видъ, что онъ не поддается общему чувству постыднаго страха, что онъ даже радуется близкой встрѣчѣ съ врагомъ. „Если непріятель дѣйствительно идетъ на Смоленскъ, писалъ онъ маршалу Даву *), то тѣмъ лучше; всѣ наши силы теперь соединены, и мы ударимъ ему въ тылъ съ большею арміею, нежели та, которую могли мы противопоставить ему восемь дней тому назадъ“. Но было-ли дѣйствительно таково мнѣніе Наполеона? Очевидно нѣтъ! Наполеонъ проговаривается самъ, и въ томъ-же самомъ письмѣ. Онъ доказываетъ, что показанія плѣнника не могутъ быть справедливы и выражаетъ въ тоже время сожалѣніе, что подобныя ложныя вѣсти распространяются по арміи и наводятъ на нее тревогу. „Плѣнный, присланный вами сюда, писалъ онъ маршалу, не могъ знать ничего о направленіи, принятомъ непріателемъ, такъ какъ онъ отдѣлился отъ него вечеромъ 13 числа, и былъ взятъ въ плѣнъ 14 въ 11 часовъ утра, три часа послѣ того, какъ непріятельскіе форпосты замѣтили наше отступательное движеніе. Крайне жаль, что подобныя слухи распространяются, что ихъ повторяютъ адъютанты, это даетъ арміи крайне далекое отъ истины представленіе о силѣ непріятельскаго войска“.

Что же случилось въ самомъ дѣлѣ за это время съ главною русскою арміею? Уже ночью 13 числа русскимъ сдѣлалось извѣстно, что непріятель очистилъ Малоярославецъ. Всѣ однако-же были твердо убѣждены, что Наполеонъ двинулся со всѣми своими силами по Мединской дорогѣ; никому не приходило въ голову, что онъ отступаетъ на Можайскъ. Милорадовичу тотчасъ-же отданъ былъ приказъ спѣшить къ угрожаемой Мединѣ, но обманутый ложнымъ извѣстіемъ, что не-

*) Письмо написано отъ имени маршала Бертье, черезъ котораго велъ Наполеонъ свою корреспонденцію съ генералами. См. Шамбре, Т. II, стр. 477.

пріятель направляется туда по поперечной дорогѣ отъ Малоярославца, онъ двинулся проселочными путями на Адамовское. Изъ источниковъ не видно, какъ далеко прошелъ онъ въ теченіи 14 числа. Главная-же армія двинулась къ селенію Полотнянымъ Заводамъ, намѣреваясь преградить здѣсь непріятелю путь на Калугу. Только 17 октября разсѣялись, наконецъ, послѣднія опасенія на счетъ Калуги, только въ этотъ день получены были въ русской главной квартирѣ несомнѣныя извѣстія, что французы очистили окончательно Москву, что Наполеонъ находится въ полномъ отступленіи. Но по какому пути? На этотъ счетъ все еще существовали сомнѣнія. Невозможно было, повидимому, допустить, что Наполеонъ избралъ для своего отступленія опустошенную Смоленскую дорогу; и логика и здравый смыслъ заставляли предполагать, что онъ пойдетъ на Зубцовъ, Бѣлое и Духовщину. Необходимо было, слѣдовательно, организовать преслѣдованіе непріятели въ этомъ направленіи, надо было двинуть русскую армію параллельно съ непріятельскою и преградить ей путь у одного изъ выше сказанныхъ пунктовъ. Таково было мнѣніе Толля, Коновницына и другихъ офицеровъ генеральнаго штаба, такъ думалъ, наконецъ, и самъ главнокомандующій. „Я думаю, писалъ онъ 16-го числа Витгенштейну, причинить наибольшій вредъ непріятелю параллельнымъ преслѣдованіемъ и дѣйствовать на его операціонную линію“. Но заявляя такія намѣренія, Кутузовъ, согласно всей своей системѣ, вовсе не думалъ спѣшить преслѣдованіемъ. Въ теченіи двухъ дней главная армія сдѣлала два небольшихъ перехода и достигла Кременскаго. Милорадовичъ и Платовъ, шедшіе впереди, убѣдились наконецъ, что непріятель повернулъ на старую Смоленскую дорогу. Съ этого момента преслѣдованіе вступаетъ въ новую рѣшительную фазу. Вся русская армія поворачиваетъ отъ Кременскаго влѣво къ Спась-Куссову; Милорадовичъ направляется на Гжатскъ и Красное, Платовъ слѣдуетъ непосредственно за непріятелемъ по большой Смоленской дорогѣ *).

*) О движеніяхъ русской арміи см. вромѣ Богдановича и Бернгарди также сочиненіе Попова: „Отъ Малоярославца до Березины“, помѣщенное въ „Русской Ста-

Между тѣмъ Наполеонъ ускоряетъ, по возможности, свое отступление. Старая самоувѣренность, вѣра въ свою звѣзду окснчательно оставляютъ его. И онъ, подобно своимъ солдатамъ, дрожитъ при мысли о встрѣчѣ съ непріателемъ, и его ужасаетъ возможность встрѣтитъ на пути своего отступления всю русскую армію. Въ теченіи двухъ дней 17 и 18 октября Наполеонъ съ гвардіею и Вестфальцами достигъ до Вязьмы, его остальные корпуса тянулись на протяженіи между Грядневымъ и Вязмою. Поспѣшность отступления начала отзываться самымъ гибельнымъ образомъ на состояніи арміи. Число отсталыхъ и безоружныхъ быстро росло съ каждымъ днемъ; лошади погибали тысячами. Невозможно было тащить далѣе громадный обозъ и колоссальную артиллерію. Нея первый понялъ суровую необходимость, онъ первый началъ совѣтовать императору бросить часть артиллеріи, чтобы тѣмъ вѣрнѣе спасти остальную. Наполеонъ отвергъ съ негодованіемъ этотъ разумный совѣтъ. Надменный, избалованный счастіемъ, онъ не могъ и теперь примириться съ мыслью о потерѣ своей артиллеріи, или, лучше сказать, онъ предпочиталъ предоста-вить этотъ позоръ на долю своихъ маршаловъ *). И дѣйстви-тельно, въ тотъ самый день, когда императоръ отвергъ пред-ложеніе Нея, маршалъ Даву принужденъ былъ бросить на дорогѣ 27 орудій и взорвать цѣлую массу зарядныхъ ящиковъ. Это было только начало. Съ этихъ поръ путь отступления великой арміи обозначался не одними только трупами людей и животныхъ, не одними брошевыми обозными фурами, но и покинутыми орудіями и взорванными зарядными ящиками.

рпнѣ“ за 1877 г. См. въ особенности стр. 261 и слѣд. Для лучшаго пониманія движенія русскихъ и французскихъ войскъ отъ Малоярославца до Смоленска къ этой статьѣ прилагается карта, перечерченная въ уменьшенномъ размѣрѣ съ карты, приложенной къ третьему тому сочиненія Богдановича.

*) Шамбре замѣчаетъ по этому поводу: „Со времени прибытія въ Москву гордость этого завоевателя держала его въ полномъ самообольщеніи на счетъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ; онъ представлялъ себѣ это положеніе согласно своимъ желаніямъ и соотвѣтственно этому дѣлалъ свои распоряженія. Ни одинъ изъ генераловъ не пытался вывести его изъ такого заблужденія; да онъ и не принималъ добрыхъ совѣтовъ, пока не принуждала его къ тому повелительная необходимость“. См. Шамбре. Т. II, стр. 367.

КАРТА
 ДВИЖЕНІЙ ВОЙСКЪ ОТЪ
МАЛОЯРОСЛАВЦА
 ДО
СМОЛЕНСКА.

Машинами въ Амал. войнѣ 25 вер. 25 в.

Наполеонъ достигъ Вязьмы среди признаковъ наступающей зимы. Уже термометръ падалъ по временамъ до 8 градусовъ ниже нуля, и какъ ни незначителенъ былъ самъ по себѣ этотъ холодъ, но солдаты великой арміи уже начинали страдать отъ него самымъ чувствительнымъ образомъ. Прошло какихъ нибудь 8 дней отъ начала отступленія, армія не лишена еще была въ это время средствъ къ существованію, холодъ былъ пока еще умѣренный, о преслѣдованіи со стороны непріятеля не было и рѣчи, — а между тѣмъ грозное полчище, передъ которымъ дрожала еще такъ недавно вся Европа, стояло уже на краю гибели. Въ Вязьмѣ Наполеонъ сосредоточилъ большую часть своей арміи, за исключеніемъ корпуса Даву; но во всѣхъ этихъ корпусахъ числилось всего лишь 37,500 ч. Передъ выступленіемъ же изъ Москвы въ рядахъ этихъ войскъ насчитывали 73,000 человѣкъ. Движеніе къ Малоярославцу сопряжено было съ самыми ничтожными потерями; въ сраженіи подъ Малоярославцемъ легло на мѣстѣ 8000 человѣкъ, все остальное погибло, или, вѣрнѣе сказать, потерялось въ эти первые немногіе дни роковаго отступленія. Лишь немногіе изъ этихъ потерянныхъ погибли отъ усталости, недостатка пищи и стужи; всѣ остальные сдѣлались жертвами безпримѣрной деморализаціи, поразившей великую армію. Истомленные, одичалые солдаты сбрасывали съ себя послѣднюю узду дисциплины и порядка, оставляли самовольно свои мѣста въ рядахъ, бросали оружіе и тысячами присоединялись къ безпорядочной, дикой толпѣ, сопровождавшей армію уже изъ самой Москвы. Въ этой толпѣ жилось, повидимому, легче и привольнѣе. Тутъ можно было поживиться при случаѣ чужими припасами, тутъ можно было свободно рыскать и грабить по окрестностямъ. Правда, и здѣсь припасы оскудѣвали съ каждымъ днемъ, а грабежъ становился все опаснѣе и опаснѣе, съ тѣхъ поръ какъ по обѣимъ сторонамъ дороги начали показываться, то и дѣло, казачьи разъѣзды и партіи вооруженныхъ крестьянъ. Ежедневно одиночные грабители попадали во время своихъ поисковъ за припасами въ руки ожесточенныхъ непріятелей, но ихъ гибель нисколько не устрашала остальныхъ. Къ тому же служба во фронтѣ сдѣлалась такъ тяжела, что въ срав-

неніи съ нею потеряли свой ужасъ и плѣнь и даже самая смерть.

Прибывъ въ Вязьму, Наполеонъ съ удовольствіемъ убѣдился, что русская армія, вопреки тревожнымъ слухамъ, не успѣла предупредить его въ этомъ пунктѣ. Онъ пробылъ въ Вязьмѣ въ теченіи всего 20 октября, а о русскихъ все еще не было слышно. Только одни казаки бродили вокругъ города. Въ виду такой пріятной неожиданности, Наполеонъ вновь начинаетъ впадать въ свои прежнія иллюзіи, вновь начинаетъ обманывать другихъ и самого себя на счетъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ. „Отступленіе великой арміи, писалъ онъ изъ Вязьмы маршалу Виктору, добровольное; это стратегическій маневръ, долженствующій вновь приблизить центръ къ флангамъ. Императоръ намѣревъ расположиться зимними квартирами между Двиною и Днѣпромъ“ *). Между тѣмъ въ той-же Вязьмѣ и отъ того-же самаго Виктора Наполеонъ получилъ крайне непріятныя извѣстія. Онъ узналъ, что корпусъ Сень-Сира, тѣснимый войсками Витгенштейна, принужденъ былъ очистить Полоцкъ, что Викторъ со всѣми своими войсками выступилъ къ нему на помощь изъ Смоленска, и что армія адмирала Чичагова идетъ на линію отступленія великой арміи. Всѣ эти извѣстія ясно показывали, что русскіе намѣреваются отрѣзать Наполеону путь отступленія, что на Березинѣ ему придется встрѣтиться съ новыми силами непріятеля, въ то самое время какъ главная армія Кутузова будетъ тѣснить его съ фланговъ и съ тыла. Какъ ни грозны были всѣ эти вѣсти, но Наполеонъ не сомнѣвался ни на минуту, что ему удастся ускользнуть изъ сѣтей, разставленныхъ ему противникомъ. Онъ рассчитывалъ, что соединенныя силы Виктора и Сень-Сира успѣютъ остановить Витгенштейна, что армія Чичагова будетъ задержана Шварценбергомъ, что самъ

*) Въ такомъ-же смыслѣ писалъ Наполеонъ Шварценбергу, Макдональду, губернаторамъ Мнѣскому, Могилевскому и Виленскому. „Отступленіе это—добровольный маневръ; цѣль его приблизиться на сто лье къ фланговымъ арміямъ. Съ тѣхъ поръ какъ армія оставила окрестности Москвы, она не встрѣчала другихъ слѣдовъ непріятеля, кромя нѣсколькихъ казаковъ“. См. Шамбре, Т. II, стр. 359.

онъ, благодаря медленности и церѣшительности Кутузова, успѣлъ достигнуть Смоленска безъ сраженія и безъ особыхъ потерь.

Ожиданіямъ Наполеона не суждено было, однако-же, оправдаться вполнѣ. 21 октября, рано утромъ Вестфальцы и молодая гвардія выступили вмѣстѣ съ императоромъ изъ Вязьмы. Старая гвардія и корпусъ Нея оставались въ Вязьмѣ, поджидая прибытія остальныхъ войскъ, Понятовскій и вице-король подходили уже къ самой Вязьмѣ; только корпусъ Даву былъ еще далеко позади. Тѣснимый постоянно казаками *), принужденный бросать имъ, то и дѣло, въ добычу свои орудія и обозныя фуры, Даву пробирался съ величайшимъ трудомъ по узкой и топкой плотинѣ у Царева - Займища. Вдругъ сбоку его, влѣво отъ большой дороги, появились массы русской пѣхоты и регулярной конницы. То были войска Милорадовича, настигнувшія, наконецъ, непріятеля. Странное и совершенно неожпданное для нихъ зрѣлище представилось тутъ русскимъ войскамъ. Передъ ними былъ тотъ самый непріятель, который оказалъ имъ такое упорное сопротивленіе подъ Малоярославцемъ, но въ какомъ видѣ! Баталіоны, проходившіе по плотинѣ, имѣли все еще внушающій и воинственный видъ, но безоружныя толпы, среди которыхъ было не мало и женщинъ, придавали всему непріятельскому арьергарду видъ полудикой орды, спѣшащей спастись съ своею добычею отъ преслѣдованія грознаго врага. Въ дикомъ безпорядкѣ тѣснились толпы бѣглецовъ вокругъ отступающихъ баталіоновъ. Повидимому, они заняты были одною мыслью: какъ-бы скорѣе и хотя чѣмъ

---

*) Преслѣдованіе казаковъ началось отъ Колоцкого монастыря, гдѣ Платовъ впервые энергически атаковалъ Даву. Спустя два дня послѣ этого, атаманъ доносилъ фельдмаршалу: „Непріятель преслѣдуемъ столь живо, что послѣ вчерашняго донесенія могу теперь довести, что онъ бѣжитъ такъ, какъ никогда никакая армія ретироваться не можетъ. Онъ бросаетъ по дорогѣ всѣ свои тяжести, больныхъ, раненыхъ, и никакое перо историка не въ состояніи изобразить картины ужаса, которыя онъ оставляетъ по большой дорогѣ. Но истиннѣе сказать, что нѣтъ десяти шаговъ, гдѣ бы не лежалъ умирающій, мертвый или лошадь. Въ сіи два дня онъ поднялъ на воздухъ въ виду нашемъ болѣе ста ящиковъ; такое-же число принужденъ былъ оставить на мѣстѣ за быстрымъ нашимъ преслѣдованіемъ“. См. Донесеніе Платова отъ 20-го октября. „Русская Старина“ за 1877 г. февраль, стр. 27.

нибудь утолить пожирающій ихъ голодь. Вотъ изнуренная артиллерійская лошадь, выбившись изъ силъ, падаетъ въ грязь; тотчасъ-же сотни оборванцевъ бросаются на нее подобно стаѣ хищныхъ волковъ, рвутъ ее на части, вырываютъ другъ у друга дымящіяся, окровавленные куски мяса. Тамъ нѣсколько солдатъ набросились на маркитантскую фуру, подъ которою пали лошади и спѣшатъ истребить съѣстные припасы и водку. Внезапное появленіе русскихъ наводитъ настоящую панику на всю эту толпу *). Всѣ спѣшатъ спастись, укрыться куданибудь дальше; пѣшіе, конные, фуры мечутся какъ безумные по плотинѣ, толкаютъ, давятъ другъ друга, увязаютъ въ грязи. Милорадовичъ, принцъ Евгенийъ Виртембергскій и сопровождающіе ихъ офицеры убѣждаются во-очію, въ какомъ жалкомъ видѣ находятся еще недавно столь грозныя полчища. Они рѣшаются немедленно-же атаковать непріятеля, они даютъ знать о своемъ намѣреніи фельдмаршалу и просятъ его поддержать ихъ главными силами арміи **).

Кутузовъ имѣлъ полную возможность подать помощь своему авангарду, такъ какъ вся его армія находилась въ это время у Дубровы, на боковомъ съ большою дорогою пути, въ небольшомъ разстояніи отъ Вязмы. Вмѣшательство фельдмаршала, быть можетъ, имѣло-бы самыя рѣшающія послѣдствія, повлекло-бы вѣроятно, за собою катастрофу непріятельской арміи, но Кутузовъ держался, по прежнему, своего мнѣнія, что не слѣдуетъ доводить до отчаянія отступающаго непріятеля, что надо еще предоставить времени и обстоятельствамъ довершить свое разрушительное дѣло падъ непріятельскими полчищами.

*) Такое-же смятеніе произвело появленіе горсти казаковъ въ корпусѣ вице-короля, медшемъ впереди Даву. Лабомъ, стр. 284.

***) Милорадовичъ сдѣлалъ, безъ сомнѣнія, важное упущеніе, не атаковавъ непріятеля въ дефилеяхъ Царева-Займища, но не надо упускать изъ виду, что въ этотъ день у него было еще очень мало войска.—О смятевіи на плотинѣ см. между прочимъ Сегюра. Т. II, стр. 170—171. Изъ записокъ Ермолова оказывается, что виновникомъ несостоявшаго нападенія былъ принцъ Евгенийъ Виртембергскій. Онъ слишкомъ рано подошелъ къ большой дорогѣ и завязалъ перестрѣлку. Непріятель, въ первый разъ увидавшій, что его преслѣдуютъ не одни казаки, но и пѣхота, не остановился на почлегъ и посильнѣе двинулся далѣе. См. подробности у Ермолова. Записки. Т. I, стр. 239.

Какъ подъ Малоярославцемъ, такъ и подъ Вязьмою фельдмаршалъ твердо былъ намѣренъ не завязывать генеральнаго сраженія съ отступающимъ непріятелемъ, а старался нанести ему наибольшій вредъ, не рискуя съ своей стороны ничѣмъ, и не подвергая свои войска особымъ потерямъ *). Съ этой цѣлью Кутузовъ далъ Милорадовичу разрѣшеніе атаковать корпусъ Даву, онъ отправилъ къ нему на помощь генерала Уварова съ двумя кирасирскими дивизіями и придвинулъ всю свою армію къ с. Быкову на дорогѣ отъ Юхнова къ Вязьмѣ, въ десяти верстахъ отъ этого послѣдняго города.

Благодаря осторожности стараго фельдмаршала, сраженіе при Вязьмѣ не могло дать рѣшительныхъ результатовъ. Большинство числа было и здѣсь на сторонѣ французовъ. Милорадовичъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи всего лишь 24000 ч. и вопреки ожиданіямъ ему пришлось имѣть дѣло не съ однимъ корпусомъ Даву, а съ большею частью непріятельской арміи **). Едва только наши войска атаковали непріятельскій арьергардъ, какъ войска вице-короля, Понятовскаго и маршала Нея поспѣшили на помощь къ Даву. Завязался ожесточенный, но въ тоже время крайне безпорядочный бой. Одно время корпусъ Даву былъ совершенно отрѣзанъ отъ остальныхъ непріятельскихъ войскъ, но подъ конецъ французамъ удалось прорваться черезъ русскія линіи и найти убѣжище въ лѣсахъ, окружающихъ Вязьму. Милорадовичъ продолжалъ тѣснить отступающаго непріятеля; уже при наступленіи темноты наши войска взяли штурмомъ Вязьму, пылавшую на всѣхъ концахъ. Потери обѣихъ сторонъ были не равномѣрны. У насъ выбыло изъ строя всего лишь 1800 человекъ, тогда какъ непріятель потерялъ одними убитыми и ранеными около 4000 человекъ.

---

*) Кутузовъ видѣлъ, что непріятель бѣжитъ и что не стоитъ надобности нападать на него и рисковать. Это было ясно и вполне достаточно для него, и на всѣ представленія Толля онъ отвѣчалъ своею общиною поговоркою: „бѣгущему непріятелю надо строить золотые мосты“. Беригарди, Т. II, стр. 278.

***) Шамбре такъ опредѣляетъ численность французскихъ войскъ, принимавшихъ участіе въ дѣлѣ подъ Вязьмою: 1-й корпусъ 13000, 3-й корпусъ 6000, 4-й корпусъ 12000, 5-й корпусъ 3500, 1-й и 3-й корпуса кавалеріи 3000, итого 37500.

У него взято было кромѣ того 3000 плѣнныхъ, одно знамя и три орудія *).

Несравненно важнѣе этихъ чувствительныхъ потерь было нравственное впечатлѣніе, произведенное этимъ неожиданнымъ боемъ на непріятельскія войска **). Войска вице-короля и маршала Нея сдѣлались въ этотъ день невольными свидѣтелями той страшной дезорганизаціи, которая проѣла уже насквозь корпусъ Даву. Этотъ примѣръ подѣйствовалъ на нихъ самымъ разлагающимъ образомъ. „Самое дурное изъ всѣхъ послѣдствій этого дня, доносилъ маршалъ Ней Наполеону, было то, что мои войска были очевидцами безпорядка перваго корпуса. Такой пагубный примѣръ парализуетъ нравственную силу солдатъ“ ***). „Первый и четвертый корпусъ“, говоритъ Фезензакъ, одинъ изъ полковниковъ въ корпусѣ Нея,—„проходили въ величайшемъ безпорядкѣ черезъ наши бивуаки. Я не подозрѣвалъ до сихъ поръ, что они пострадали такъ сильно и что ихъ дезорганизація подвинулась уже такъ далеко. Только одна итальянская гвардія шла еще въ кое-какомъ порядкѣ; все остальное было окончательно потрясено и подавлено вынесенными страданіями. Огромное количество отсталыхъ, по большей части безоружныхъ, тянулись въ страшномъ безпорядкѣ за этими корпусами; многіе изъ нихъ остались на ночь въ лѣсу у нашихъ бивуаковъ. Тщетно пытался я убѣдить ихъ слѣдовать за своими полками; страшная усталость дѣлала ихъ

---

*) Таковъ былъ дѣйствительный ходъ Вяземскаго сраженія. Совершенно иначе изображается онъ у такихъ французскихъ авторовъ, какъ Гурго, Водонкуръ и другіе. По ихъ словамъ, французы одержали подъ Вязьмою блестящую побѣду. „Около трехъ часовъ по полудни русскія дивизіи были опрокинуты, часть русскихъ даже отрѣзана отъ своихъ главныхъ силъ и принуждена бѣжать къ Сичевкѣ“. Осторожнѣе выражается Сегюръ: онъ говоритъ о спасенной чести, но сознается въ громадныхъ потеряхъ. Шамбре замѣчаетъ, что единственный результатъ сраженія для французовъ заключался въ возможности дальнѣйшаго отступленія. Segur. Т. II, стр. 179; Chambray. Т. II, 372.

***) „Сраженіе при Вязьмѣ было еще пагубнѣе своими послѣдствіями, нежели потерями“, замѣчаетъ Шамбре. Т. II, стр. 372.

***) Лучшія распоряженія дали-бы быть можетъ болѣе благоприятный результатъ, писалъ между прочимъ Ней въ этомъ донесеніи. Въ заключеніе онъ объявлялъ, что можетъ отвѣчать за отступленіе лишь въ томъ случаѣ, если аррьергардомъ будетъ командовать онъ одинъ. Шамбре. Т. II, стр. 374—375.

глухими ко всѣмъ совѣтамъ“ *). Настало утро и корпусъ Нея, который по распоряженію Наполеона долженъ былъ составлять теперь арьергардъ великой арміи, началъ выступать изъ бивуаковъ, отсталые солдаты спѣшили присоединиться къ нему. Въ числѣ ихъ было не мало больныхъ и раненыхъ; со слезами умоляли они товарищей не бросать ихъ на жертву непріятелю. „Но у насъ“, говоритъ очевидецъ, „не было средствъ везти ихъ съ собою, и мы должны были давать видъ, что не слышимъ ихъ просьбъ и жалобъ“ **). Не одни впрочемъ больные и раненые, а также и совершенно здоровые бѣглецы тѣснились вокругъ отступающихъ баталіоновъ. Противъ нихъ употреблены были самыя суровыя мѣры. Ихъ гнали прикладами отъ баталіоновъ; имъ объявили, что въ нихъ будутъ стрѣлять въ случаѣ нападенія непріятеля ***).

Въ то время, когда во французскомъ арьергардѣ происходили эти страшныя сцены, императоръ Наполеонъ находился все еще въ странномъ заблужденіи на счетъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ. Онъ все еще считалъ себя неизмѣримо выше непріятеля; попытка русскихъ стать на пути его отступленія и отрѣзать одинъ изъ его корпусовъ казалась ему непростительною дерзостью, вызывавшею кровавое возмездіе. „Какъ осмѣлился непріятельскій корпусъ, задавалъ онъ офиціальныя вопросы своимъ генераламъ,—прервать сообщеніе между нашими дивизіями, почему онъ не былъ взятъ при этомъ въ плѣнъ“ ****). Наполеонъ спѣшилъ исправить ошибку

*) См. Fezensac, Souvenirs militaires, стр. 286. „Ночь, проведенная французами послѣ сраженія въ лѣсу, была самая ужасная по словамъ очевидцевъ. Въ этомъ лѣсу брошены были всѣ раненые, отправленные изъ Москвы. Лошади падали отъ недостатка корма или не могли идти далѣе, проводники ушли и оставили ихъ безъ всякой помощи. И этотъ лѣсъ былъ для нихъ больницей и гробомъ, а нашъ приходъ смертнымъ приговоромъ“. Labaume, Relation de la campagne de 1812. Стр. 293.

***) Fezensac, Souvenirs militaires, стр. 286.

****) J'ordonnai qu'on les repoussât à coups de crosse et je les prévins que, si l'ennemi nous attaquait, je ferais tirer sur eux au moindre embarras qu'ils causeraient. Fezensac, Souvenirs militaires, стр. 286.

*****) Эта фраза находится въ концѣ диспозиціи, продиктованной маршалу Бертье въ Славковѣ 4-го ноября (нов. ст.) См. Шамбре. Т. II, стр. 485. „Что должны были думать и говорить французскіе генералы, преслѣдуемые страшною нуждою и трудностями, выслушивая подобныя странности?“ замѣчаетъ Бертиеръ. Т. II, стр. 286.

своихъ маршаловъ. Онъ порѣшилъ устроить непріятелю засаду между Славковымъ и Дорогобужемъ. Гвардія должна была занять скрытую позицію, Ней долженъ былъ навести на нее непріятеля. „Императоръ повелѣваетъ, говорилось въ диспозиціи, атаковать при ея приближеніи непріятельскую пѣхоту, опрокинуть и захватить въ плѣнъ“ *).

Тщетно доносилъ Ней Наполсону, что подобный планъ не имѣетъ никакихъ шансовъ на успѣхъ, тѣмъ болѣе, что непріятельская армія идетъ вовсе не большою Смоленскою дорогою, а параллельнымъ южнымъ путемъ: Наполеонъ упорно оставался въ теченіи цѣлаго дня въ позиціи между Славковымъ и Дорогобужемъ. Положеніе его войскъ становилось съ каждымъ днемъ все болѣе критическое. Вестфальцамъ розданы были въ этотъ день послѣдніе съѣстные припасы. И какіе припасы! Не много хлѣба, еще меньше сухарей и два фунта мяса на человѣка,—и всего этого должно было хватить на нѣсколько дней пути до самаго Смоленска **). Въ этотъ же день войска Понятовскаго, вице-короля, Даву и Нея продолжали отступление. Вице-король дошелъ до Рыбокъ; Ней, постоянно преслѣдуемый, достигъ до Землева. Во всѣхъ этихъ корпусахъ господствовала страшная нужда. Въ войскахъ вице-короля не было другаго провіанта кромѣ лошадиного мяса. Только у офицеровъ главной квартиры можно было найти еще немного муки или сухарей.

Между тѣмъ въ главной русской квартирѣ происходили чрезвычайно важныя совѣщанія на счетъ дальнѣйшаго преслѣдованія непріятеля. Выдающуюся роль въ этихъ совѣщаніяхъ игралъ по прежнему любимецъ Кутузова, Толль. Онъ доказывалъ, что Наполеонъ останется въ Смоленскѣ лишь самое короткое время, что онъ будетъ продолжать поспѣшно свое отступление, и на этотъ разъ, въ виду разстройства непріятельской арміи, усмотрѣннаго подъ Вязмою, никто не

*) La volonté de l'empereur est, si l'infanterie ennemie suit l'armée dans son mouvement, de marcher à sa rencontre, de l'attaquer, de la culbuter et de la faire en partie prisonnière. Такими словами начиналась диспозиція, составленная Наполеономъ. См. Шамбре. Т. II, стр. 483—486.

***) Lossberg. Briefe in die Heimath.

рѣшался противорѣчить словамъ Толля. Трудно допустить, развивалъ далѣе свой планъ Толль, „чтобы Наполеонъ пошелъ и отъ Смоленска по прежней опустошенной дорогѣ. Надо думать, что онъ во что бы то ни стало постарается найти себѣ иной путь... Три возможности представлялись при этомъ: или Наполеонъ повернетъ уже у Дорогобужа на юго-западъ и пойдетъ черезъ Ельню и Мстиславль на Могилевъ; или онъ выступитъ изъ Смоленска по правому берегу Днѣпра; или-же, дойдя до Краснаго, повернетъ въ юго-западномъ направленіи на Могилевъ. Необходимо, слѣдовательно, предупредить всѣ эти возможности, заградить во что бы то ни стало непріятелю путь въ болѣе южныя, еще не тронутыя войною области“.

Для достиженія этой цѣли Толль предложилъ фельдмаршалу направить главную армію изъ Быкова на Ельню и Прониву къ Красному и Оршѣ. Этимъ движеніемъ мы могли преградить Наполеону путь и у Ельни и у Краснаго, или же принудить его къ битвѣ подъ Оршею. Планъ Толля былъ вполне одобренъ главнокомандующимъ. Главная армія немедленно-же выступила на Ельню. Милорадовичъ, Платовъ и партизаны должны были преслѣдовать непосредственно непріятеля и тревожить особенно его лѣвый флангъ. Приняты были самыя рѣшительныя мѣры, чтобы заградить непріятелю всѣ пути на югъ. Калужскому ополченію, усиленному двумя казацкими полками и регулярною кавалеріею, приказано было выступить, какъ можно скорѣе къ Ельнѣ и соединиться тамъ съ ополченіемъ Смоленскимъ. Тульское ополченіе должно было занять Рославль; ополченіямъ малорусскихъ губерній предписано было слѣшить къ Могилеву. Генералъ Ертель, занимавшій съ самаго начала войны съ своимъ отрядомъ Мозырь, долженъ былъ двинуться на Бобруйскъ. Адмиралу Чичагову предложено было, оставивъ небольшой отрядъ противъ австрійцевъ, слѣшить съ своими главными силами какъ можно скорѣе къ Минску, а оттуда къ Борисову. Соответствующія инструкціи посланы были и генералу Витгенштейну *).

*) Объ этихъ распоряженіяхъ Кутузова см. Богдановичъ. Т. III, стр. 85—86; Берпгарди. Т. II, стр. 287—288; А. Н. Поповъ, „Русская Старина“ 1877, февраль, стр. 278, 279.

Вслѣдствіе новаго плана Толля, отступающая великая армія подвергалась теперь пока преслѣдованію лишь небольшой части русскихъ силъ. За нею гнались непосредственно только войска Милорадовича, казаки Платова и мелкіе отряды партизановъ, всего на-всего какихъ-нибудь 30000 человекъ; но уже и этого преслѣдованія было вполне достаточно, чтобы наносить непріятелю ежедневно громаднѣйшій уронъ, забирать тысячи плѣнныхъ, массы орудій и повозокъ и не давать ни минуты покоя и отдыха войскамъ Нея, шедшимъ въ непріятельскомъ арьергардѣ *). Не одни только преслѣдующіе враги, но и сама природа ополчилась въ это время рѣшительно противъ остатковъ Наполеоновыхъ полчищъ. Погода становилась съ каждымъ днемъ все холоднѣе и холоднѣе, и хотя морозъ вовсе не былъ особенно великъ (около 8 градусовъ), но онъ давалъ себя чувствовать легко одѣтымъ и изнуреннымъ скудною пищею людямъ, Еще ужаснѣе было другое обстоятельство. 25 октября небо, до тѣхъ поръ совершенно безоблачное, вдругъ покрылось тяжелыми свинцовыми тучами; снѣгъ повалилъ хлопьями и перешелъ вскорѣ въ настоящую мятель. Все въ природѣ измѣнилось съ этого момента, все приняло какой-то суровый, могильный оттѣнокъ. „Казалось, небо, — говоритъ очевидецъ, — спустилось на насъ и присоединилось къ этой землѣ и къ этимъ непріязненнымъ народамъ, чтобы завершить нашу гибель. Все смѣшивается и становится неузнаваемымъ; предметы измѣняютъ свой видъ. Мы двигаемся впередъ, не зная гдѣ мы, не видя передъ собою цѣли. Все становится препятствіемъ. И въ то время, какъ солдаты силится проложить себѣ путь наперекоръ урагану, массы снѣгу наполняютъ всѣ углубленія на пути. Въ эти углубленія попадаютъ, то и дѣло, солдаты; многіе изъ нихъ до того слабы, что не

---

*). Платовъ преслѣдовалъ всѣми своими силами непріятеля съ тыла, а его флаги — отрядами въ два полка, съ правой и лѣвой стороны дороги. Сверхъ того ему предписывалось по возможности предупреждать непріятеля своими отрядами и затруднять его движенія, истребляя мосты и переправы. Исключительно съ этою цѣлью посланъ былъ впередъ отрядъ графа Орлова-Денисова. Такой родъ преслѣдованія, писалъ Кутузовъ, приведетъ непріятеля въ крайнее положеніе и лишитъ его большей части артиллеріи и обозовъ. См. „Русская Старина“ 1877 г., февраль, стр.: 278.

въ силахъ уже болѣе подняться на ноги. Болѣе крѣпкіе и выносливые спѣшатъ впередъ; но мятель яростно бѣсть имъ въ лице и пытается остановить ихъ на каждомъ шагѣ. Московская зима въ этомъ повомъ ужасномъ видѣ атакуетъ ихъ со всѣхъ сторонъ; она пронизываетъ ихъ легкія одежды, ихъ разодранную обувь. Ихъ мокрая платья замерзаютъ на нихъ, ледяной покровъ сжимаетъ ихъ тѣло, коченитъ ихъ члены. Жестокій, холодный вѣтеръ мѣшаетъ ихъ дыханію; ледяныя сосульки покрываютъ ихъ усы и бороды“ *).

Напрягая послѣднія силы, тащатся впередъ солдаты великой арміи, но ряды ихъ начинаютъ быстро рѣдѣть. Многіе изъ нихъ падаютъ въ изнеможеніи на дорогѣ и замерзаютъ почти моментально, другіе невольно выпускаютъ оружіе изъ отмороженныхъ пальцевъ и спѣшатъ присоединиться къ жалкой толпѣ безоружныхъ мародеровъ. Но вотъ короткій и сумрачный день склоняется къ вечеру. Густой мракъ 16-ти часовой ночи спускается на бѣлый саванъ земли. Вотъ и бивуакъ! Кругомъ страшная пустыня. Нигдѣ не видно человѣческаго жилья. Только вѣтеръ гудитъ уныло въ мрачныхъ еловыхъ лѣсахъ. Надо останавливаться на ночлегъ, но солдаты долгое время не въ состояніи развести огней. Все ополчается противъ нихъ, и сильный холодный вѣтеръ, и массы снѣгу, и обледѣлыя, усыпанныя снѣгомъ сучья ели. Накопецъ, удается развести костры. Пламя столбами подымается къ небу. Отсталые и голодные мародеры спѣшатъ толпами къ бивуаку. Нѣтъ человѣческихъ силъ прогнать ихъ отъ костровъ. Они лѣзутъ къ огню, не смотря на ругательства, толчки и удары прикладами. Волею или неволею, а приходится раздѣлять съ ними и ночлегъ, и пищу. И какую пищу! Лишь у немногихъ счастливицевъ оста-

---

*) Segur, Histoire de Napoleon et de la grande armée. T. II, стр. 180 и слѣд. Не такъ краснорѣчиво, но съ неменьшею силою говорятъ объ ужасахъ наступающей зимы другіе свидѣтели, напр. Фезензакъ, 288. Шамбре замѣчаетъ, что снѣгъ навелъ страхъ уже потому, что его считали предвѣстникомъ большихъ холодовъ и потому, что онъ не позволялъ болѣе идти по сторонамъ дороги и уничтожилъ послѣдній подножный кормъ для лошадей и скота. См. Шамбре. Т. II, стр. 376. См. также свидѣтельство Лабома, по словамъ котораго армія, вмѣстѣ съ появленіемъ снѣга, утратила свою силу и свою военную осанку. Лабомъ, стр. 300.

лось еще немного муки и вѣскольکو сухарей; всѣ остальные принуждены довольствоваться кускомъ полусырой, полусоженной конины. Утоливъ голодь, солдаты и офицеры жмутся какъ можно ближе къ огню. Глубокое, могильное спокойствіе воцаряется по бивуакамъ. Настаетъ холодное утро. Пережившіе ночь встаютъ и съ трудомъ тащатся далѣе; но многіе успокоились уже навсегда. Вокругъ каждаго потухшаго костра валяются сотни труповъ; весь снѣгъ вокругъ усѣянъ обглоданными лошадиными костями, остатками добычи, которая утратила уже всякое значеніе, разломаннымъ и брошеннымъ оружіемъ, лохмотьями и отбросками всякаго рода *).

Эти мучительные переходы, эти страшные бивуаки распространяютъ отчаяніе въ войскахъ, убиваютъ послѣднее чувство долга и привычки дисциплины. До сихъ поръ составляли ряды только солдаты, теперь беспорядокъ и упадокъ духа вѣдряются и въ корпусѣ офицеровъ. Въ толпѣ безоружныхъ, отсталыхъ и мародеровъ можно встрѣтить и офицеровъ всѣхъ степеней, и полковниковъ **). Они утратили уже всякое сознаніе и воинской чести, и человѣческаго достоинства. Они плетутся впередъ въ перемежку съ простыми солдатами, они пристають то къ одной, то къ другой колоннѣ, и бродятъ по сторонамъ, разыскивая гдѣ-нибудь кусокъ брошенной лошадиной падали. Ихъ примѣръ дѣйствуетъ

*) Не одни только французскія, но и русскія свидѣтельства полны разсказами объ ужасахъ, сопровождавшихъ отступленіе великой арміи. „Мы шли большою Смоленскою дорогою отъ Вязмы къ Смоленску, говоритъ русскій очевидецъ, и съ ужасомъ видѣли на ней безпрерывное кладбище или какъ-бы дѣйствіе опустошительной чумы: на каждой верстѣ лежали по нѣскольکو десятковъ лошадей и трупы погибшихъ французовъ; между ними или опрокинутыя фуры, или взорванные пороховые ящики. Видѣли, какъ у многихъ околѣвшихъ лошадей вырѣзано было мясо, видѣли, о ужасъ! въ брюхѣ одной такой лошади француза, схватившагося обѣими руками за печеньку, и, видно, хотѣвшаго ѣсть ее, но лютой морозъ окаменилъ его въ этомъ положеніи. Иные несчастные, оставшіеся на дорогѣ, хотя и были живы, но отъ сильнаго изнуренія и голода потеряли употребленіе языка и только слабымъ движеніемъ рукъ обнаруживали въ себѣ остатокъ жизни“. См. „Записки артиллериста“. Т. I, стр. 252.

***) Segur, Histoire de Napoleon et de la grande armée. Т. II, стр. 191. „Солдатъ, замѣчаетъ Лабомъ, — не повиновався болѣе своимъ офицерамъ, офицеръ избѣгалъ своего генерала; цѣлыя полки разстроились и превратились въ толпы мародеровъ“. Лабомъ, стр. 300.

самымъ гибельнымъ образомъ на солдатъ, остающихся еще въ строю. Къ чему сражаться? задаютъ себѣ вопросъ лучшіе изъ этихъ послѣднихъ. Неужели только для того, чтобы прикрывать отступленіе этихъ безчестныхъ и слабыхъ трусовъ? И какая участь ожидаетъ ихъ, оставшихся вѣрными знамени? Тяжелые переходы и убійственныя схватки съ непріателемъ въ теченіи дня, голодъ и стужа ночью, бивуаки болѣе страшныя, нежели самый бой, полнѣйшее отсутствіе покоя и отдыха. А конечная награда и исходъ? Вотъ изъ того лѣса раздаются жалобныя, подавленные стоны. Это стоны ихъ раненыхъ, умирающихъ товарищей, оставшихся вѣрными императорскимъ орламъ до конца. Ихъ бросаютъ теперь въ лѣсу на произволъ судьбы, армія лишилась послѣднихъ средствъ везти своихъ раненыхъ и больныхъ. вмѣстѣ съ снѣгомъ и гололедицею исчезъ послѣдній фуражъ, начали падать тысячами некованныя лошади, пришлось бросать по неволѣ и орудія, и добычу, и солдатъ, отслужившихъ свою службу.

Какой смыслъ оставаться далѣе въ рядахъ при такихъ условіяхъ? Къ чему умирать въ батальонахъ и рядахъ, когда можно еще поддерживать жизнь въ одиночку? *) Такъ разсуждаютъ солдаты, а тысячи покидаютъ ежедневно ряды. Но и бѣглецы нерѣдко страшно ошибаются въ своихъ расчетахъ. Сбросивъ съ себя узду дисциплины, они подобно волкамъ рыщутъ по сторонамъ, разыскивая себѣ повсюду добычу. Они идутъ на всякій дымокъ днемъ, на всякій огонекъ ночью, въ надеждѣ найти теплый уголокъ или кусокъ хлѣба. Тщетная надежда! Все по обѣимъ сторонамъ выжжено и опустошено ими самими нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Этотъ дымъ, этотъ огонь разложенъ или такими же несчастными мародерами, какъ они сами, или что еще хуже, непріателями. И счастье, если они попадаютъ на бивуакъ регулярнаго русскаго солдата. Этотъ добродушный воинъ не въ состояніи уже относиться съ ненавистью къ побѣжденному, безоружному врагу **). Онъ не прогонитъ этихъ жалкихъ бродягъ, умоляю-

*) См. Segur. Histoire de Napoléon et de la grande armée. T. II, стр. 191.

***) „Такіе ужасы производили непріятное впечатлѣніе. Хотя французы были наши враги и разорители, однакоже мщеніе не могло заглушить въ насъ чувства

щихъ о кускѣ хлѣба отъ своего костра, онъ даже подѣлится съ ними своею пицею. Иное дѣло попасть въ руки казакамъ. Эти не знаютъ уже состраданія, они оберутъ бѣглецовъ до гола и бросятъ на дорогѣ. Но страшнѣе, ужаснѣе всего попасть въ руки русскаго крестьянина! Эти добродушные люди окончательно вышли изъ колеи съ тѣхъ поръ, какъ непріятель уничтожилъ огнемъ и мечемъ ихъ осѣдность, съ тѣхъ поръ какъ онъ наругался надъ ихъ святынею и обратилъ въ конюшни храмы Божіи. Крестьяне Смоленской губерніи давно, уже съ самаго лѣта, поселились въ лѣсахъ. Одни успѣли отправить свои семьи подальше въ глубь страны, куда не заходило нашествіе; другіе устроили для своихъ притоны въ непроходимыхъ труппахъ, въ лѣсахъ и болотахъ. Всѣ давно уже обзавелись оружіемъ. Многіе раздобыли ружья, другіе вооружились казацкими пиками, топорами, вилами, рогатинами. Нѣкоторые пристали къ казакамъ и партизанамъ, другіе ведутъ войну на свой страхъ, сами охотятся на француза. Разсвирѣпѣлые, одичалые, потерявшіе все, они не знаютъ ни пощады, ни состраданія. Цѣлыми шайками бродятъ они по сторонамъ большой дороги, день и ночь раздаются въ лѣсахъ ихъ ружейные выстрѣлы, неустанно работаютъ ихъ топоры и пики. Одинокіе мародеры и отсталые, цѣлыя партіи непріятельскихъ фуражировъ попадаютъ въ ихъ руки. Съ плѣнными они расправляются по своему. Съ начала, когда французы попадались понемногу, съ ними возились долго, убивали нерѣдко изысканнымъ способомъ: обматывали соломкою и сжигали живьемъ, отдавали на потѣху бабамъ и ребятишкамъ. Но вотъ отсталые, измученные французы начали чуть не сами идти въ руки, да и не десятками, а цѣлыми сотнями. Тутъ уже понадобилась иная расправа. Стоняли плѣнныхъ въ сараи и сжигали тамъ сотнями, топили въ прорубяхъ, зарывали живыми въ землю. „Въ началѣ отступленія, рассказываетъ генералъ Вильсонъ, крестьяне захватили у деревни Селино (?)

человѣколюбія въ такой степени, чтобы мы не страдали ихъ бѣдствіямъ. Многіе солдаты отходили отъ этихъ предметовъ ужаса съ сожалѣніемъ, и будучи тронуты свирѣпостью войны проклинали виновника оной, Наполеона“. См., Записки артиллериста“. Т. I, стр. 261.

50 ч. французовъ. Поговоривъ между собою, мужики порѣшили похоронить за-живо своихъ враговъ. При французяхъ былъ маленькій барабанщикъ, еще мальчикъ; безстрашно вскопчилъ онъ первый въ вырытую яму, остальные послѣдовали за нимъ. У одного изъ погребенныхъ осталась собака, каждый день приходила она на могилу съ кускомъ мяса въ зубахъ и жалобно выла,—на силу удалось мужикамъ убить ее“ *). А вотъ и самъ мужичокъ рассказываетъ о своихъ подвигахъ: „Наловили это мы ихъ, французовъ, десятка два и стали думать, что бы съ ними подѣлать, свести что-ли куда, сдать что ли кому, да куда поведешь и кому сдать? Вотъ и приговорили миромъ побить ихъ. Выкопали въ перелѣскѣ глубокую яму, повязали имъ, французамъ, руки и пригнали гуртомъ; стали это они вокругъ ямы, а мы за ними стали и начали они жалостно талалакать, точно Богу молиться; мы наскоро посовади ихъ въ яму да живыхъ и зарыли. Вѣришь-ли, такой живущій народъ, подъ землею съ полчаса ворошились“ **).

Среди всеобщаго разложенія и паники, обуявшихъ когда-то столь грозную армію, оставалось однако-же въ ней еще не мало людей, не покидавшихъ ряды. То были по большей части старыя служаки, ветераны, офицеры, унтеръ-офицеры, солдаты, испытанные и закаленные въ двадцати походахъ и безчисленныхъ битвахъ, душою и тѣломъ преданные своему императору. Эти люди выдерживаютъ бодро сверхъ-человѣческіе труды и лишения и, не смотря ни на что, не теряютъ надежды ***). Они поддерживаютъ другъ друга однимъ магическимъ словомъ „Смоленскъ“. Смоленскъ—это ихъ обѣтованная земля. Тамъ найдутъ они продол-

*) „Мужики показали англійскому генералу мѣсто погребенія и съ радостью рассказывали ему свое дѣло, какъ будто они совершили похвальный подвигъ“. Wilson. Geheime Geschichte des Feldzug's von 1812 in Russland, стр. 326.

**) Мужичокъ рассказывалъ уже послѣ изгнанія французовъ изъ Россіи на постояломъ дворѣ профъшему чпновнику. Совѣсть видимо мучила его. Онъ допытывался можно-ли убивать французовъ и замѣтилъ между прочимъ: „кто точно того, еслибы онъ на тебя съ ножомъ лѣзъ, ничего бы.. а то смотреть какъ баранъ; какъ тутъ быть то? Французъ не баранъ, а все же человѣкъ, врагъ только, землю разорилъ“. См. Разказы изъ исторіи 1812 г. „Русскій Архивъ“ 1868 г. стр. 1869—70.

***) Segur, Histoire de Napoleon et de la grande armée. T. II, стр. 185.

жительный отдыхъ, обильные припасы, сильныя подкрѣпленія, тамъ запасутся они новыми гигантскими силами. Такъ обѣщано имъ самимъ императоромъ, а они привыкли вѣрить ему безусловно.

24-го октября главная квартира Наполеона вмѣстѣ съ старою гвардіею достигла Дорогобужа. Въ теченіи двухъ дней вокругъ этого города сосредоточились всѣ корпуса великой арміи; только Нея съ аррьергардомъ былъ еще позади. Недостатокъ въ припасахъ, возроставшій каждый день, понудилъ Наполеона раздѣлить здѣсь армію на двѣ части. Самъ онъ съ главными силами намѣревался продолжать отступление по прямой дорогѣ къ Смоленску; вице-король съ 4-мъ корпусомъ долженъ былъ повернуть на Духовщину и достигнуть оттуда прямымъ путемъ Витебска *). Судьба обѣихъ частей арміи была далеко не одинакова. Движеніе самого Наполеона сопровождалось лишь обычными лишеніями и бѣдствіями. Преслѣдованіе русскихъ ложилось всею своею тяжестью исключительно на аррьергардъ Нея; только въ этомъ корпусѣ была убыль убитыми и ранеными. Нея оборонялся геройски. Онъ пытался удержаться въ Дорогобужѣ **), но былъ выбитъ оттуда съ большими потерями нашими войсками. И въ слѣдующіе за тѣмъ дни Нею приходилось постоянно бороться съ преслѣдующими его русскими. На Соловьевой переправѣ черезъ Дняпръ онъ вновь пытался задержать своихъ преслѣдователей. Уже силы его солдатъ начали ослабѣвать, когда самъ маршалъ выхватилъ ружье у одного изъ солдатъ и снова повелъ въ атаку своихъ ветерановъ. Принужденный наконецъ отступить и бросить часть своей артиллеріи, Нея тѣмъ не менѣе все же успѣлъ задержать на нѣсколько часовъ преслѣдованіе ***).

*) Шамбре говорятъ, что вице-король долженъ былъ направляться также на Смоленскъ. Т. II, 381. Бернгарди полагаетъ, что путь на Духовщину былъ избранъ въ надеждѣ найти тамъ болѣе припасовъ. Т. II, стр. 290. Лабомъ, свидѣтельство котораго, какъ офицера, находившагося при корпусѣ вице-короля, имѣетъ особое значеніе, утверждаетъ, что вице-король былъ двинутъ на Витебскъ лишь потому, что Наполеонъ не зналъ еще ничего о взятіи этого города русскими. Лабомъ, стр. 312.

**) Подробности объ этомъ сраженіи см. у Фезензака, *Souvenirs militaires*, стр. 290 и слѣд.

***) Подробности у Фезензака, *Souvenirs militaires*, стр. 293—294.

Въ то время какъ солдаты Нея гибли въ отчаянной борьбѣ съ непріателемъ, корпуса великой арміи, шедшіе впереди, страдали по прежнему отъ холода, недостатка припасовъ и недобросовѣстности своихъ вождей. Наполеонъ, погруженный въ свои мысли, потрясенный катастрофою, обрушившеюся на его голову, мало обращалъ въ это время вниманія на образъ дѣйствій своихъ ближайшихъ подчиненныхъ. Страшныя злоупотребленія происходили, можно сказать, на его глазахъ и оставались совершенно безнаказанными. Многие изъ маршаловъ и генераловъ заботились исключительно о себѣ и утопали въ роскоши и изобиліи въ то время, какъ офицеры и солдаты умирали съ голоду. Жюно, подъ начальствомъ котораго находились несчастные Вестфальцы, заботился только о сохраненіи громадной добычи, награбленной имъ въ Москвѣ. Несчастные солдаты должны были по цѣлымъ ночамъ стоять на стражѣ у его обоза. Понятно, что они замерзали цѣлыми сотнями, неудивительно, что изъ всего корпуса по прибытіи въ Смоленскъ уцѣлѣло какихъ-нибудь 1000 человекъ. Этотъ же Жюно подавалъ всѣмъ другимъ примѣръ дьявольской жестокости. Онъ приказывалъ разстрѣливать солдатъ, заподозрѣнныхъ въ кражѣ его драгоценностей *); онъ истреблялъ безжалостно русскихъ плѣнныхъ, находившихся при его колоннѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ дѣйствовалъ, впрочемъ, подобно другимъ генераламъ на основаніи прямыхъ распоряженій императора. Наполеону приходилось отдѣлываться не отъ однихъ плѣнныхъ, а и отъ той добычи, которую тащилъ онъ съ такимъ трудомъ до сихъ поръ. Гололедица, истощившая послѣднія силы лошадей, заставила его, скрѣпя сердце, расстаться съ своими сокровищами... У Землева онъ приказалъ потопить въ озерѣ множество орудій, крестъ, снятый съ Ивана Великаго, украшенія Кремлевскихъ церквей, похищенные военные трофеи. „Трофеи, добыча, слава, для которыхъ мы пожертвовали всѣмъ“, замѣчаетъ очевидецъ, „все погибло; дѣло шло уже не объ украшеніи, а о спасеніи жизни. Въ этомъ великомъ крушеніи, армія, преслѣдуемая страш-

---

*) Lossberg. Briefe in die Heimath, стр. 238.

нѣйшею изъ бурь, бросала, не колеблясь, въ море снѣга и льда все, что могло затруднить или задержать ея движеніе“ *).

25 октября главная квартира Наполеона перенесена была въ Михалевку, неподалеко отъ Смоленска. Императора ожидали тутъ крайне непріятныя вѣсти. Маршалъ Викторъ увѣдомлялъ его о неудачномъ сраженіи при Чашникахъ и объ отступленіи своего отряда къ Сяну. Въ своемъ отвѣтѣ маршалу Наполеонъ не счелъ уже возможнымъ скрывать отъ него истину. „Его Величеству угодно“, писалъ маршалъ Бертъ, „чтобы вы, собравъ ваши шесть дивизій, безотлагательно атаковали непріятеля, отбросили его за Двину и овладѣли Полоцкомъ... Это движеніе весьма важно: черезъ нѣсколько дней вся страна въ тылу у васъ можетъ быть наводнена казаками. Армія и главная квартира завтра прійдутъ въ Смоленскъ, но мы очень утомлены безъостановочнымъ походомъ въ пятьсотъ верстъ. Дѣйствуйте наступательно, отъ этого зависитъ спасеніе арміи, всякій потерянный день есть бѣдствіе. Кавалерія наша спѣшилась, всѣ лошади пали отъ стужи“ **).

Поглощенный заботами минуты, Наполеонъ получилъ въ это время и другую вѣсть, разомъ отвлекшую его вниманіе въ далекій, почти недосыгаемый для него Парижъ. Онъ узналъ, что нѣсколько человекъ: одинъ сумасшедшій и три искателя приключеній, предприняли неслыханно дерзкую попытку опрокинуть его тронъ, устранить его династію и провозгласить вновь республику ***). Вѣсть была настолько невѣроятна, на

* Segur. Histoire de Napoleon et de la grande armée. T. II, стр. 185. Въ Землевское озеро брошена была, впрочемъ, лишь небольшая часть московской добычи. По свидѣтельству Лабома, крестъ съ Ивана Великаго былъ брошенъ гораздо позже подъ Вильною, стр. 418.

** Письмо къ Виктору напечатано у Шамбре. Т. II, стр. 379—380.

***) Заговоръ Мале. Мале былъ человекъ крайнихъ революціонныхъ убѣжденій, но въ тоже время психически больной. Онъ страдалъ маніею устраивать заговоры и производить государственные перевороты. Уже въ 1807 году онъ былъ арестованъ какъ заговорщикъ и посаженъ въ тюрьму. Сидя въ тюрьмѣ, онъ составилъ новый заговоръ, но на этотъ разъ былъ признанъ на судѣ душевно больнымъ и заключенъ въ домъ умалишенныхъ. Въ домѣ умалишенныхъ Мале пользовался, однако-же значительною свободою и имѣлъ возможность вступитъ въ близкія сношенія съ нѣсколькими фанатиками и авантюристами. Въ ихъ числѣ былъ нѣкто Лазонъ, тайный агентъ Бурбоновъ, человекъ занозорѣнный также въ помѣшательствѣ, Рато, капралъ муниципальной гвардіи и исаванскій патеръ Команьо. Въсѣтъ съ этими

столько чудовищна, что никто не хотѣлъ ей вѣрить въ первый моментъ. Наполеонъ пораженъ былъ какъ громомъ. И такъ, эта страна, на которую онъ привыкъ смотрѣть какъ на незыблемую основу своего могущества, еще не пережила окончательно своей революціонной эры. Порядокъ, который казал-

лицами Мале составилъ планъ свергнуть съ престола Наполеона и возстановить республику. Составивъ предварительно подложные манифесты и декреты сената, въ которыхъ возвышалась смерть Наполеона, устранялась отъ престола его династія и учреждалось временное правительство, заговорщики рѣшились приступить къ дѣлу осенью 1812 г., когда въ теченіи двухъ недѣль не приходило никакихъ извѣстій изъ Россіи, и въ Парижѣ начали ходить слухи о смерти Наполеона. Ночью подъ 23-е октября н. с. Мале ушелъ изъ своего заточенія, надѣлъ генеральскій мундиръ, сѣлъ на заранѣе приготовленную лошадь и въ сопровожденіи Рато отправился въ казарму одной изъ когортъ національной гвардіи. Онъ приказалъ прочесть подложные манифесты. Солдаты и офицеры повѣрили ему и вмѣстѣ съ нимъ отправились въ тюрьму Ла-Форсъ, гдѣ сидѣли подъ стражею республиканскіе генералы Гвидалъ и Лагори. Мале освободилъ ихъ и объявлялъ, что первый изъ нихъ назначенъ министромъ полиціи, а второй префектомъ парижской полиціи. Не только освобожденные генералы, но и всѣ присутствующіе сѣвшили исполнять приказы Мале. Раббе, командиръ одного изъ пѣхотныхъ полковъ парижской гвардіи, немедленно же занялъ своими войсками городскія ворота, зданія сената, банка и государственнаго казначейства. Лагори и Гвидалъ арестовали между тѣмъ министра полиціи Саваря, префекта Пакле, отправили ихъ въ тюрьму, а сами вступили въ ихъ должности. Все преклонялось передъ заговорщиками. Наполеоновскіе чиновники, умѣвшіе только повиноваться и утратившіе всякую способность мыслить и разсуждать, даже не задавали себѣ вопроса, откуда могъ взять Мале свои полномочія и сѣвшили исполнять приказанія чловѣка, извѣстнаго имъ до тѣхъ поръ за сумасшедшаго и арестанта. Одинъ изъ нихъ Сенскій префектъ, Фрипо, дошелъ въ своемъ рвеніи угодить новому правителю до того, что приготовилъ въ городской ратушѣ залу для засѣданій временнаго правительства. Только случай помѣшалъ заговорщикамъ овладѣть окончательно Парижемъ. Когда Мале отправился на Вандомскую площадь и хотѣлъ арестовать тамъ городского коменданта Гюлена, то бывшіе при этомъ національные гвардейцы не сразу исполнили его приказъ, а Гюлень даже потребовалъ, чтобы ему предъявили декретъ объ его арестѣ. Въ отвѣтъ на это требованіе, Мале ранилъ Гюлена выстрѣломъ изъ пистолета; но въ тотъ же моментъ онъ былъ узнавъ присутствующимъ полицейскимъ комиссаромъ и арестованъ при помощи солдатъ. Арестъ Мале разстроилъ все предпріятіе заговорщиковъ. Уже въ 9 часовъ утра окончилась эта небывалая комедія. Парижское населеніе держало себя все время совершенно пассивно. Никому изъ гражданъ не приходило даже въ голову выступить на защиту законнаго правительства. Мале и 14 его товарищей были приговорены къ смертной казни. Казнь была исполнена уже 29-го октября. Только двое изъ заговорщиковъ Рато и Раббе успѣли добгтсь передъ судомъ отсрочки казни и были впоследствии помилованы императоромъ.

ся ему несокрушимымъ, на построение котораго онъ затратилъ лучшія силы своего генія, построено было въ дѣйствительности на песокъ; онъ зашатался при первомъ слабомъ дуновеніи вѣтерка. Только счастливый случай, только машинальная вѣрность батальона національной гвардіи предупредила полную катастрофу. Его сановники потеряли голову, его учрежденія оказались несостоятельными. Онъ думалъ, что у него такъ много вѣрныхъ, а никто изъ этихъ вѣрныхъ даже не подумалъ въ моментъ опасности о его сынѣ, о Наполеонѣ II *). „Да, замѣтилъ онъ, обращаясь къ Дарю, хорошо-бы было, если-бы мы остались въ Москвѣ“ **). Оставшись наединѣ съ своими приближенными, Наполеонъ далъ полную волю своимъ чувствамъ. Его гнѣвъ, его удивленіе, его презрѣніе къ людямъ, готовымъ продать его при первомъ-же случаѣ, вылились цѣлымъ потокомъ энергическихъ восклицаній и жестовъ. Успокоившись нѣсколько, императоръ призвалъ къ себѣ многихъ изъ генераловъ. Онъ сообщилъ имъ страшную новость, пытаясь при этомъ подмѣнить, какія впечатлѣнія произведетъ она на нихъ. Понятно, что всѣ спѣшили выразить свое негодованіе, удивленіе, презрѣніе, но были и такіе, замѣчаетъ Сегюръ, которые радовались въ душѣ. Этотъ случай, думали они про себя, побудитъ императора возвратиться поскорѣе во Францію; быть можетъ, онъ удержитъ его и напередъ отъ такихъ рискованныхъ предпріятій, какъ эта ужасная московская экспедиція ***).

Какъ-бы то ни было, но страшная нужда момента не замедлила отвлечь вниманіе всѣхъ отъ далекаго Парижа и безумнаго похода Малле. До Смоленска оставался всего только одинъ переходъ, но этотъ переходъ сопряженъ былъ съ величайшими трудностями. 27 октября морозъ увеличился до 12 градусовъ, при этомъ дулъ сильный, пронзительный вѣтеръ. Невозможно было усидѣть на лошади, трудно было выдержать

*) Gain. Manuscrit de 1812. T. II, стр. 285. „Императоръ пораженъ не разговоромъ, а тѣмъ, что послѣ 12 лѣтъ правленія, послѣ его брака, послѣ рожденія сына, слухъ о его смерти могъ послужить предлогомъ къ революціи“. — „А Наполеонъ II, сказалъ онъ, о немъ значить и не подумали“!

**) Segur. T. II, стр. 188. Дарю въ свое время совѣтовалъ Наполеону зловать въ Москвѣ.

***) Segur. Histoire de Napoleon et de la grande armée. T. II, стр. 189.

даже въ открытомъ экипажѣ. Наполеонъ и его свита принуждены были слѣзть съ лошадей и идти пѣшкомъ нѣсколько верстъ *). Но вотъ показался и Смоленскъ, обѣтованная страна, конецъ всѣхъ страданій и лишеній. Солдаты ликовали, завидя его башни, его полуразрушенныя стѣны; но ихъ восторгъ сразу охладѣлъ, когда они узнали, что на первый разъ войдетъ въ городъ только старая гвардія, что всѣ остальные корпуса должны остановиться передъ Смоленскомъ, или обойти его. Само собою понятно, что это распоряженіе имѣло свой смыслъ. Наполеонъ хотѣлъ регулировать раздачу припасовъ солдатамъ, онъ желалъ также, чтобы всѣ части арміи сосредоточились предварительно подъ стѣнами Смоленска.

Въ теченіи четырехъ слѣдующихъ дней части великой арміи медленно стягивались къ Смоленску. Одинъ изъ послѣднихъ подошелъ къ городу корпусъ Нея. Начальникъ непріятельскаго арьергарда, полагая, что сзади его нѣтъ уже болѣе французскихъ войскъ, только что началъ располагать свои войска на высотахъ у самаго города, какъ вдругъ на лѣвомъ его флангѣ показались цѣлая толпа безоружныхъ бѣглецовъ. Пораженные паническимъ страхомъ, они бросались внизъ по крутизнамъ, скользили, падали, давили другъ друга. Объятые изумленіемъ, солдаты Нея не могли понять первое время, откуда взялись эти несчастные, но вскорѣ загадка разъяснилась! Среди бѣглецовъ вдругъ явились казаки, съ дикимъ крикомъ преслѣдовали они свою добычу. Еще нѣсколько минутъ, и на горизонтѣ показались колонны четвертаго корпуса. Онѣ шли, сомкнувшись, окруженные отовсюду казаками. Видно было, что они потерѣли тяжелую катастрофу, въ ихъ рядахъ не видно было ни артиллеріи, ни багажныхъ фуръ. Только немногіе солдаты шли съ оружіемъ въ рукахъ, большинство брело безъ оружія; подобно стаду испуганныхъ овецъ, жались они за своихъ вооруженныхъ товарищей **).

---

*) „9 ноября императорская квартира выступила изъ Бредихина. Пикто не могъ удержаться на лошади. Наполеонъ шелъ пѣшкомъ со всею своею свитою... Обычная улыбка исчезла съ устъ придворныхъ, сопровождавшихъ императора. Все приняло мрачный видъ“. *Fain. Manuscrit de 1812. Т. II, стр. 267.*

***) *Segur. Т. II, стр. 195.*

Что-же случилось съ вице-королемъ и съ его войсками? Неужели они сдѣлались жертвою казацкаго преслѣдованія? Маршалъ Ней и его сподвижники съ негодованіемъ отвергали эту мысль, но вскорѣ имъ пришлось убѣдиться въ этой горькой, позорной для нихъ истинѣ. Несчастія вице-короля начались съ того момента, когда онъ свернулъ у Дорогобужа на Духовщинскую дорогу. Уже при подъемѣ на правый крутой берегъ Днѣпра войскамъ его пришлось бороться почти съ непреодолимыми трудностями. Тщѣтно пытались они долгое время втащить по обледенѣлому подъему свои тяжелыя орудія и громадныя фуры, нагруженныя припасами, а еще болѣе добычею. Пришлось запрягать подъ орудіе по 12 и 16 лошадей, пришлось бросить нѣкоторыя изъ нихъ и множество фуръ. Солдаты, давно уже потерявшіе послѣдніе остатки дисциплины, немедленно-же принялись за грабежъ, не смотря на то, что казаки Платова были педалеко. Грабежъ и беспорядокъ продолжались, усиливаясь, и въ теченіи слѣдующаго перехода. Путь, по которому двигались войска вице-короля, былъ усыпанъ брошенными повозками и оружіемъ, чемоданами, одеждою, обломками и обрывками всякаго рода. Грабители бросали добычу, найденную въ фурахъ, но дрались за захваченные припасы. Припасовъ этихъ оказалось въ концѣ концовъ очень мало; они могли предохранить лишь немногихъ отъ изнеможенія и голодной смерти. Люди и лошади падали цѣлыми сотнями и устилали дорогу своими трупами. Между тѣмъ казаки настигли отступающихъ. Они рыскали по обѣимъ сторонамъ дороги, хватали всѣхъ отсталыхъ, забирали брошенныя орудія и добычу. Своимъ внезапнымъ появленіемъ и дикимъ крикомъ они наводили панику на голодныхъ и окочевѣлыхъ италянцевъ. Непосредственно за отступающими колоннами двигалось нѣсколько казачьихъ орудій. Поставленныя на легкія сани, они, то и дѣло, подѣзжали на близкое разстояніе и открывали убійственный огонь по непріятелю. Вице-король принужденъ былъ нѣсколько разъ останавливать свои батареи и отстрѣливаться отъ утомимыхъ преслѣдователей *).

*) Объ этихъ первыхъ бѣдствіяхъ вице-короля мы узнаемъ изъ собственноручныхъ его донесеній, перехваченныхъ нашими казаками. Донесенія напечатаны

Такъ тащились они впередъ, ежеминутно уменьшаясь въ числѣ и падая духомъ *), пока не добрались до небольшой рѣчки Вои, притока Днѣпра **). Тутъ ожидало ихъ непреодолимое препятствіе: Вои сама по себѣ рѣчка ничтожная. Въ августѣ они перешли черезъ нее свободно въ бродъ и забыли давно уже о ея существованіи. Но теперь съ сильныхъ осеннихъ дождей и снѣга Вои превратилась изъ жалкаго ручья въ шумный и широкій потокъ. Она заняла почти всю свою ложбину; крутые, обледенѣлые берега ея представляли неодолимую преграду для истощенныхъ, кованыхъ на туше шипы непріятельскихъ лошадей. Вице-король, предувѣдомленный объ этихъ обстоятельствахъ, отправилъ изъ Дорогобужа впередъ генерала Пуатвена съ саперною командою для устройства моста черезъ Вои. Мостъ былъ дѣйствительно построенъ, но ночью съ 27 на 28 октября вода поднялась внезапно и разорвала мостъ на части ***). Утромъ 28 октября войска подошли къ рѣкѣ, казаки гнались за ними по пятамъ, и не было ни времени, ни возможности исправить мостъ. Въ страшномъ безпорядкѣ столпились колонны вице-короля на берегу. Казаки, замѣтивъ смятеніе непріятели, начали тѣснить его съ тылу; многіе изъ нихъ переправились черезъ рѣку и показались на противоположномъ берегу. Вице-король, опасаясь быть окруженнымъ и предполагая, впрочемъ неосновательно, что вслѣдъ за казаками идутъ регулярныя русскія войска, приказалъ переправляться въ бродъ. Дивизія Брусье должна была удерживать казаковъ, остальныя войска бросились въ рѣку и по грудь въ водѣ подъ сильнымъ огнемъ непріятели перебрались на ту сторону. Необходимо было спасти артиллерию и обозъ. Первыя

у Богдановича. Т. III, стр. 432—435. Главнѣйшимъ источникомъ является для всей экспедиціи вице-короля свидѣтельство Лабома, непосредственнаго очевидца и участника.

*) „Не скрою отъ вашего высочества“, писалъ вице-король, „что эти три дня страдаій такъ убили духъ солдатъ, что я считаю ихъ въ этотъ моментъ мало способными къ какому-бы то ни было усилю. Много людей погибло отъ голода и холода, другіе въ отчаяніи сдались непріятели“. См. допесніе вице-короля у Богдановича. Т. II, стр. 434—35.

**) См. Географическій словарь Семенова. Т. I, стр. 547.

***) Подробности о постройкѣ и разрушеніи моста см. у Лабома, стр. 315.

орудія перевезены были благополучно, но вскорѣ образовались на днѣ рѣки глубокія выбоины, нѣсколько орудій завязли въ нихъ и преградили единственно доступный бродъ. Между тѣмъ казаки съ удвоеннымъ жаромъ тѣснили непріятельскій арьергардъ. Объятые страхомъ, войска вице-короля и масса безоружныхъ тѣснились какъ безумные къ броду. Артиллерія, обозы, раненые, больные,—все было брошено на произволъ судьбы. Всѣ бросали свои экипажи и повозки и спѣшили нагрузить на верховыхъ и упряжныхъ лошадей болѣе цѣнную часть награбленной добычи. Другіе, забывъ объ опасности, спѣшили утолить свой голодъ и поживиться на чужой счетъ. Они грабили и разбивали фуры, разыскивая повсюду муку и водку *). Артиллеристы старались заклепать свои орудія—и взрывали на воздухъ зарядные ящики. Земля дрожала отъ взрывовъ и непрерывающейся перестрѣлки. Короткій осенній день склонялся къ вечеру. Опоздавшіе и отсталые въ страшномъ безпорядкѣ тѣснились къ броду. Повозки, лошадиные и человѣческіе трупы загрохотали рѣку. Къ ночи всѣ непріятельскія войска успѣли переправиться на противоположный берегъ; но массы безоружныхъ и отсталыхъ всю ночь толпились у бродовъ, оглашая окрестность своими отчаянными воплями и столами. Положеніе переправившихся было не менѣе ужасное. Голодные, оборванные, босые, изнуренные до крайности, солдаты, принуждены были проводить ночь на голомъ снѣгу, подъ холоднымъ леденящимъ вѣтромъ. Лѣса по сосѣдству не было, окрестныя деревни сожжены были до-тла; негдѣ было достать ни матеріала для костровъ, ни пищи. Только немногіе счастливы успѣли добыть нѣсколько полубогорѣлыхъ бревенъ и развести огни. Тысячами толпились солдаты у этихъ жалкихъ костровъ; на нихъ жарили они конину, на нихъ старались они высушить свое измокшее платье. А между тѣмъ казаки не дремали. Толпа-

*) „Едва только кто собирался бросить свой экипажъ, какъ уже толпа солдатъ наступала со всѣхъ сторонъ и не давала собственнику время выбрать изъ своего имущества то, что казалось ему пригоднѣе. Они завладѣвали всѣмъ и грабили, но предпочитали всему хлѣбъ и водку. Крики переходившихъ черезъ рѣку, вопли женщинъ, плачь дѣтей, отчаяніе самыхъ солдатъ, все это производило такую раздражающую сцену, одно воспоминаніе о которой наводитъ ужасъ на всѣхъ, бывшихъ ея свидѣтелями“. Лабомъ, стр. 318.

ми окружали они непріятельскіе бивуаки; ихъ выстрѣлы, ихъ дикіе крики не давали ни минуты покоя войскамъ вице-короля *).

На разсвѣтъ 29-го октября переправилась и дивизія Брусье. Она принуждена была оставить на лѣвомъ берегу рѣки почти всѣ обозы и 64 орудія. Катастрофа, обрушившаяся такъ внезапно на 4-й корпусъ, повлекла за собою его полнѣйшее разложеніе. Солдаты, пораженные отчаяніемъ, бросали оружіе и никакія усилія начальниковъ не могли заставить ихъ возвратиться къ знаменамъ. Въ рядахъ оставалось не болѣе 6000 вооруженныхъ людей, а между тѣмъ надо было идти неумолимо впередъ, надо было отбиваться отъ яростнаго преслѣдованія казаковъ. У самой Духовщины бѣглецы были остановлены двумя казачьими полками, успѣвшими заградить имъ дорогу. Смятеніе напало на жалкіе остатки корпуса вице-короля; но вице-король приказалъ итальянской гвардіи построиться въ карре и повелъ ее въ штыки на казаковъ. Казаки принуждены были уступить передъ отчаяннымъ натискомъ **), но пятьсотъ человѣкъ плѣнныхъ и нѣсколько орудій остались въ ихъ рукахъ. Въ Духовщинѣ, уцѣлѣвшей отъ пожара, непріятели провели сравнительно спокойную ночь, но уже въ 9 ч. утра передъ городомъ показались казаки и преслѣдованіе возобновилось съ удвоенною силою. Оно не прекращалось до самаго Смоленска; еще за 4 версты отъ этого города казаки вновь атаковали непріятеля и нанесли ему чувствительный уронъ. Съ какою-то дикою радостью привѣтствовали остатки 4 корпуса Смоленскъ, но каково же было ихъ изумленіе, ихъ ужасъ, когда они узнали отъ солдатъ Нея, что императоръ и большая часть арміи уже оставили этотъ городъ, что ихъ надежды на отдыхъ, на продолжительную стоянку, на изобиліе припасовъ обмануты самымъ жестокимъ образомъ.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

*) Подробности о переправѣ черезъ Вошь, этой малой Березини, этого предвѣстника болѣе страшной катастрофы, см. у Сегюра, который при этомъ случаѣ не забываетъ сказать, что это дѣло было постыдно для русскихъ. Т. II стр. 195 и слѣдующія. Шамбре. Т. II, стр. 322—332. Донесеніе Платова Кутузову отъ 29-го октября.

***) Шамбре. Т. II, стр. 391; Лабомъ, стр. 323.

Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета (Дроздова),

въ послѣдствіи митрополита Московскаго

(1809—1819).

(Продолженіе *).

Въ 1814 году, какъ мы замѣтили раньше, Филаретъ достигъ вершины своей проповѣднической славы въ Петербургѣ. Подобно тому, какъ въ 1811 году, но какъ ни въ одинъ ни изъ предшествующихъ, ни изъ послѣдующихъ годовъ, онъ произнесъ за этотъ годъ семь проповѣдей. А между тѣмъ какая разница и съ 1811 годомъ! Въ 1811 году, особенно по началу, онъ проповѣдуетъ еще съ опасеніемъ за свою проповѣдническую репутацію, какъ новичокъ въ дѣлѣ, какъ малоизвѣстный молодой инокъ, къ тому-же преслѣдуемый интригою славившагося быть проповѣдникомъ и тогда весьма вліятельнаго Теофилакта Рязанскаго съ его компанією: теперь, въ 1814 году—дѣло совсѣмъ иное. Не только репутація, но и слава Филарета, какъ проповѣдника, была вполне упрочена рядомъ знаменитѣйшихъ проповѣдей предшествующихъ лѣтъ. Опытность его въ дѣлѣ проповѣди возрасла до необходимой степени совершенства и собственнымъ упражненіемъ въ проповѣдничествѣ и чтеніемъ и изученіемъ всего необходимаго для усовершенствованія себя въ этомъ дѣлѣ и наученіемъ другихъ (учащейся молодежи) тому-же дѣлу, по изреченію: „уча учимся“. Теперь онъ былъ уже не малоизвѣстный инокъ, а почи-

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 18.

таемый всѣми, заслуженный архимандритъ, ректоръ высшаго духовно-учебнаго заведенія, членъ самой комиссіи духовныхъ училищъ, отъ которой въ 1811 году зависѣла его участь, — духовный сановникъ, украшенный звѣздою ордена св. Владимира 2-й степени, пожалованнаго, между прочимъ, именно за „назидательныя и краснорѣчивыя поученія о истинахъ вѣры“ и пр. пр. Въ 1814 году къ тому-же не было въ Петербургѣ и Теофилакта, послѣ борьбы съ Филаретомъ безславно удаленнаго въ концѣ 1813 года на свою епархію. Въ самомъ проповѣдничествѣ Филарету не было равнаго въ Петербургѣ теперь. Болѣе другихъ проповѣдывавшій въ 1814 году здѣсь, извѣстный намъ архимандритъ Иннокентій (Смирновъ) не могъ равняться съ Филаретомъ уже по самому таланту проповѣдническому, не говоря о проповѣднической славѣ. „Сила, красота, достоинство и слава“ не только „духовной академіи“, какъ говоритъ Фотій, но и всего духовнаго сословія въ Петербургѣ за то время „былъ одинъ Филаретъ“. У него ищутъ совѣта и мудрости не только ученики его и учителя ввѣреннаго ему учебнаго заведенія, но и представители власти духовной и гражданской; къ нему прибѣгаютъ за разрѣшеніемъ недоумѣній даже такіе люди, какъ Г. Р. Державинъ, и т. д. и т. д. За то же время и мистическое движеніе среди лицъ во власти стоящихъ переживало лучшую свою пору. Это была, можно сказать, весна его. Не было еще вмѣстѣ съ тѣмъ и того горькаго разочарованія во внутреннемъ благоустройствѣ и благосостояніи государства русскаго, которое наступило позже и наконецъ отравило послѣднее время царствованія великодушнѣйшаго изъ монарховъ. Мы видѣли, съ какимъ восторгомъ говорилъ о настроеніи императора и народа русскаго Филаретъ на день коронаціи въ этомъ 1814 году съ церковной кафедры. Тотъ-же тонъ звучитъ и въ публичной рѣчи Филарета, какъ ректора академіи, произнесенной 13 августа 1814 года въ первомъ торжественномъ собраніи конференціи академической. Въ этой рѣчи Филаретъ также называетъ Александра I „государемъ, котораго никто вѣрнѣе не оправдалъ присвоеннаго ему Церковію именованія благочестивѣйшаго, и котораго Провидѣніе избрало вселенскимъ проповѣдникомъ

благочестія“ и под. ¹⁾). Затѣмъ, такъ какъ не было пока существующихъ перемѣнъ и во внутренней политикѣ государства, то и отношенія Филарета, какъ проповѣдника, къ дѣламъ и лицамъ съ этой стороны остаются прежними. Это можно видѣть отчасти изъ сличенія конца надгробнаго слова его въ память графа Завадовскаго (въ январѣ 1812 года) съ сейчасъ помянутой рѣчью 13 августа 1814 года и съ вышеупомянутой проповѣдью 1814 г. на день коронаціи. То-же должно сказать и объ отношеніяхъ къ лицамъ. Въ домово́й церкви извѣстнаго сторонника мистицизма, друга юности императора Александра, теперь все болѣе и болѣе входившаго въ силу при дворѣ, князя А. Н. Голицына, Филаретъ произноситъ въ 1814 году три проповѣди, изъ которыхъ двѣ, именно: „о гласѣ вопіющаго въ пустыни“ и „слово въ день Сошествія Св. Духа“ на текстъ: *исполняйтесь Духомъ*, болѣе или менѣе уже извѣстны намъ. Въ то-же время Филаретъ произноситъ проповѣдь—„бесѣду“ по освященіи домово́й церкви еще одного изъ друзей юности императора, а вмѣстѣ и друзей князя Голицына,—графа В. П. Кочубея. Наконецъ, какъ мы помнимъ, онъ говоритъ слово опять и въ придворной церкви въ присутствіи императрицы Маріи Ѳеодоровны и ихъ императорскихъ высочествъ,—слово, имѣвшее не совсѣмъ благопріятныя для проповѣдника послѣдствія. О достоинствахъ, совершенствѣ проповѣдей Филарета за 1814 годъ свидѣтельствуемъ одно то, что изъ семи проповѣдей цѣлыхъ четыре,—и въ томъ числѣ послѣднее упомянутое слово,—Филаретъ допустилъ ко внесенію во всѣ позднѣйшія собранія словъ и рѣчей своихъ, а остальные три—въ собранія 1820 и 1821 годовъ, тогда какъ изъ 7 проповѣдей 1811 года только три внесены во всѣ позднѣйшія собранія и ни одно сверхъ этихъ трехъ—въ собранія 1820—1821 годовъ, бывъ напечатаны лишь отдѣльными брошюрами и затѣмъ вмѣстѣ со всѣми,—послѣ кончины святителя,—въ собраніе сочиненій его изданія 1873 и дальн. Критическимъ, а особливо подробнымъ разсмотрѣніемъ нашимъ мы не будемъ касаться всѣхъ проповѣдей 1814 года, отчасти потому, что нѣкоторыхъ

¹⁾ И. А. Чистовичъ. Исторія Петербургской академіи, стр. 281 и дал.

изъ нихъ мы уже касались такъ или иначе въ предшествующемъ разсмотрѣннн, а отчасти потому самому, что большая часть ихъ вошла во всѣ собранія проповѣдей Филарета. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ слово „о гласѣ вопіющаго въ пустыни“, кромѣ вышепоказаннаго значенія его по отношенію къ событіямъ отечественной войны, разсматриваются, какъ образцы, въ различныхъ учебныхъ руководствахъ и пособіяхъ по церковной и свѣтской словесности ¹⁾. Мы обратимъ вниманіе лишь на четыре проповѣди изъ всѣхъ семи, къ разсмотрѣнію которыхъ привлечемъ нѣкоторыя отчасти ранпѣйшія, а отчасти позднѣйшія, еще не разсмотрѣнныя, однородныя съ ними проповѣди.

Первою изъ означенныхъ четырехъ проповѣдей Филарета по времени произнесенія ихъ 1814 году, за исключеніемъ трехъ уже разсмотрѣнныхъ, является слово въ недѣлю 24-ю, говоренное въ Александро-Невской лаврѣ, на текстъ: *и рече Иисусъ: кто есть коснувшійся Мене?* (Лук. 8, 45), о томъ, „подлинно ли Тотъ, который есть Божія сила, такъ предавъ во власть человѣковъ, что единнымъ нѣкакимъ прикосновеніемъ они могутъ извлекать изъ Него для себя сію Божественную силу“ ²⁾. Слово это читается во всѣхъ позднѣйшихъ собраніяхъ словъ и рѣчей Филарета, что избавляетъ насъ отъ необходимости приводить полностію текстъ ея. Въ этомъ словѣ проповѣдникъ, изъяснивъ напередъ (во вступленіи) смыслъ текста, взятаго въ основаніе его, мыслію о соединеніи во Христѣ Божества съ человѣчествомъ, въ самомъ изслѣдованіи темы раскрываетъ сначала обширность и благотворность чудодѣйственной силы Богочеловѣка, явленной между прочимъ въ исцѣленіи кровоточивой, прикоснувшейся къ краю ризы Его, а затѣмъ останавливается на силѣ другаго рода, — силѣ, которая въ человѣкѣ привлекаетъ къ себѣ чудодѣйственную силу Божию, —

¹⁾ См. напр. Я. К. Амфиатрова, „Чтеніе о церковной словесности или Гомилетика“. Ч. I, стр. 101. Кіевъ; 1846; — Поторжинскаго, „Образцы русск. церк. проповѣди XIX в.“, стр. 627. Кіевъ, 1882 и др.

²⁾ Соч. Фил. т. 1, стр. 75 цвт. изд. Срав. на ту же недѣлю и на тотъ же текстъ проповѣдь Анастасія Братановскаго во II части поучит. словъ его, стр. 160 и дал.

на силѣ вѣры (*дерзай души, вѣра твоя спасе тя*). Достигши этого пункта въ своей проповѣди, витія самъ исполняется неземнымъ одушевленіемъ и такъ заключаетъ свое слово: „О, коль близъ есть насъ Христосъ повсюду, и наипаче въ Церкви Своей! Только твари, окружая насъ отъсюду, и, подобно какъ въ ономъ приключеніи евангельскомъ, тѣсняся между Нимъ и нами, не допускаютъ насъ прикоснуться къ Нему. Но дерзай, ищущая своего спасенія душа! Не уступай сей смятенной толпѣ, которая сама не знаетъ, куда влечетъ тебя. Употребляй всѣ усилія проложить себѣ прямой путь къ возделѣнному твоему Спасителю; простирай къ Нему то крѣпкіе вопли покаянія, то тихія воздыханія молитвы, то пламенные желанія любви. Подвизайся, елико можешь, достигнуть хотя края Его ризъ: Овъ не умедлитъ и въ нихъ открыть для тебя токъ живоносной силы Своей. Приближайся къ Нему преимущественно въ семь домѣ молитвы и таинствъ, гдѣ хотя Онъ также закрываетъ Свое присутствіе нѣкоторыми наружными видами, но вмѣстѣ и являетъ оное торжественнѣйшимъ образомъ. Здѣсь ежедневно слышатся глаголы Его, которые хотя для чувственныхъ человѣковъ суть чувственные звуки и письмена, но для вѣрующихъ *духъ суть и животъ суть* (Іоан. 6, 63). Здѣсь тайно дѣйствуется тѣло Его, коего святое пріобщеніе не токмо приближаетъ къ Нему вѣрующихъ, но и совершенно съ нимъ соединяетъ, по слову Его: *ядый Мою плоть и пій Мойю кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ* (Іоан. 6, 56). Погружайся, вѣрующая душа, всею мыслию и сердцемъ во глубину сихъ таинствъ вѣры и въ нихъ наипаче обрѣтай твоего Спасителя, приступай къ Нему, прикасайся Ему, соединишься съ Нимъ! *Дерзай, вѣра твоя спасетъ тя. Аминь*“ ¹⁾).

Что можетъ быть выше, глубже, сильнѣе, назидательнѣе этихъ заключительныхъ словъ? Какъ мудро, съ какою непреодолимою силою дается здѣсь истинно - христіанскій урокъ любвеобильнаго пастыря всѣмъ внимавшимъ его проповѣди, а особенно—тѣмъ, которые мнили приближаться ко Христу и соединяться съ Нимъ помимо св. Церкви съ ея таинствами и

¹⁾ Тамъ, же стр. 79.

обрядовыми учрежденіями! Мы помнимъ, что уже и въ раннѣйшихъ проповѣдяхъ своихъ Филаретъ, еще тогда глубоко и не входившій въ духъ и особенности мистическаго движенія, настаивалъ на необходимости принимать во вниманіе ученіе не только слова Божія, но и св. Церкви. Теперь онъ ближе ознакомился съ разнохарактерными направленіями мистическаго движенія и, сознавая возможность говорить болѣе твердымъ голосомъ, нежели прежде, считалъ своею нравственною обязанностію говорить прямѣе и яснѣе о томъ, о чемъ прежде говорилъ какъ-бы косвенно и прикровенно. Онъ зналъ, что даже между воспитанниками ввѣреннаго ему учебнаго заведенія, не говоря о множествѣ другихъ обитателей Петербурга, было не мало такихъ, которые съ увлеченіемъ читали сочиненія Эккартсгаузена, Штиллина, Бема и др., которыя отнюдь не привлекали читателей своихъ къ Церкви истинной съ ея таинствами и обрядами, а напротивъ отвлекали отъ нея и погружали не „во глубину сихъ таинствъ вѣры“, а въ заманчивую, но не истинную область самоосвященія безъ Церкви. А зная это, онъ и въ Александро-Невской лаврѣ, гдѣ была академія, не счелъ себя въ правѣ лишить слушателей своихъ назиданія въ томъ, что наиболѣе потребно было душѣ ихъ за то время. Съ этой стороны къ разсмотрѣнной проповѣди примыкають двѣ другія проповѣди, произнесенныя въ томъ-же году, именно: говоренная вскорѣ послѣ нея (13 ноября) „бесѣда изъ псалма 83 (ст. 2: *Коль возлюбленна селенія Твоя, Господи силъ!*), по освященіи храма Казанской иконы Богородицы, устроеннаго въ домѣ графа В. П. Кочубея и „слово на день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы“, говоренное въ домовой церкви кн. А. Н. Голицына, на текстъ: *слыши дщи и оиждь* и пр. (Псал. 44, 11—12). Первая изъ этихъ проповѣдей самымъ уже текстомъ, избраннымъ для бесѣды, побуждалась, если можно такъ выразиться, ко внушенію необходимости получать освященіе, утѣшеніе въ храмѣ Божіемъ, въ богослуженіи церковномъ и потому еще шире, нежели проповѣдь на 24-ю недѣлю по 50-цѣ, раскрываетъ урокъ, предлагаемый въ этой послѣдней. „Нѣкоторые, — говоритъ проповѣдникъ въ бесѣдѣ, — въ темномъ ощущеніи познають важность олтарей и, повидимому, не

чуждаются дома Божія, но не разумѣютъ ни того, какъ должно въ него входить, ни того, какъ обращаться въ немъ. Поставивъ тѣло во храмъ, увѣряютъ себя, что уже пребываютъ съ Богомъ, но находящіеся въ семъ положеніи не болѣе иногда принадлежатъ дому Божію, какъ — если позволено такъ изъясниться — истуканы, украшающіе только наружность его. Служать Богу, какъ рабы, не столько для того, чтобы совершить волю Его, сколько для того, чтобы токмо уклониться отъ гнѣва Его. Работаютъ Ему въ уреченное время, какъ наемники, дабы получить отъ Него плату земныхъ благословеній, и потомъ на враговъ Его, — на міръ и плоть, — иждивать дары Его. Какое несообразное съ величествомъ и благодію Божіею богослуженіе! Какое нестроеніе въ сравненіи съ благолѣпными славословіями вѣрныхъ рабовъ Божіихъ, друзей Его и присныхъ Его дома! Кто желаетъ истинно приблизиться къ Богу, тотъ все существо свое долженъ устроить въ священный органъ, дабы воспѣвать сію пѣснь дома Божія: *колы возлюбленна селенія Твоя, Господи силъ! — Сердце мое и плоть моя възграшася къ Богу живу.* Не рабскій страхъ гонитъ меня къ служенію Твоему, Господи, но паче Твоя любовь, изгоняя страхъ мой, влечетъ во слѣдъ Тебѣ. Не сокровищъ и даровъ Твоихъ алкаютъ мои желанія, — мнѣ вожделѣнны и возлюбленны Твои селенія, Твоя близость, Твое общеніе. Не мню я приблизиться къ Тебѣ одними устами, — Твоя любовь обдержитъ всего меня и все бытіе мое восхищаетъ къ Богу живому“ и т. д. ¹⁾. Такъ и не посѣтителемъ только храма Александро-Невской лавры даетъ намъ проповѣдникъ помянутый выше урокъ, а и вельможнымъ слушателямъ бесѣды своей. Если прежде, въ 1812 году, при освященіи храма въ домѣ кн. А. Н. Голицына, Филаретъ болѣе говорилъ объ освященіи внутренняго нашего храма, какъ мы видѣли, и даже какъ бы нарочито отвлекалъ вниманіе слушателей отъ обрядовой стороны освященія храма къ этому мысленному освященію храма души нашей: то здѣсь и теперь, въ 1814 году, Филаретъ нашелъ нужнымъ, чтобы слушатели (въ числѣ которыхъ, безъ

¹⁾ Тамъ-же стр. 199—200.

сомнѣнія, былъ и князь Голицынъ, другъ Кочубея) не пренебрегали и обрядовою стороною освященія храма и вообще храмоваго богослуженія, не только отвлекали свои мысли отъ внѣшняго, возводя ихъ на высоту внутренняго созерцанія таинъ, облеченныхъ этимъ внѣшнимъ покровомъ, а и смиреннѣе относились къ своимъ обязанностямъ самаго внѣшняго посѣщенія храмовъ Божіихъ и совершающагося въ нихъ богослуженія, *изволяли приметатися въ дому Бога паче, неже жити въ селениихъ грѣшничихъ* ¹⁾ и т. д. Весьма близко къ этой „бесѣдѣ“ въ томъ же отношеніи, произнесенное 30 іюля 1816 г. „слово по освященіи храма Воскресенія Христова, устроеннаго при домѣ графа А. К. Разумовскаго“. Оно произнесено на текстъ: *едино просихъ отъ Господа, то възвѣщу: еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего, зрѣти красоту Господню, и постыцати храмъ святой Его* (Псал. 26, 4), „о близости къ Богу“. „Чего хочетъ онъ искать? скажутъ можетъ быть“,—говоритъ напимѣръ въ этомъ словѣ нашъ проповѣдникъ. — „Если Богъ вездѣсущъ, то и домъ Его вездѣ. Долго-ли надобно искать того, чего потерять негдѣ? Тѣ, которые стали-бы говорить такимъ образомъ, чрезъ сіе самое признались-бы, что еще они, какъ должно, не искали жительства въ дому Господнемъ. Иначе не думали-бы обладать онымъ такъ безопасно... Богъ вездѣсущъ, и наипаче здѣсь во храмѣ *есть имя Его, и очи Его, и сердце Его* (3 Цар. 9, 3): но да не будетъ сіе сказано въ оскорбленіе сего священнаго мѣста,—всѣ-ли точно и здѣсь приступаютъ къ престолу вездѣсущія? Умолчимъ, какъ о не сущихъ отъ двора сего, о тѣхъ, которыхъ можетъ приводить сюда лицемѣріе или нѣчто сему подобное. Нѣтъ-ли даже между искренними любителями дома Божія такихъ, которые во храмѣ рукотворенномъ, въ семъ чувственномъ и осязательномъ представленіи вездѣсущія, едва-едва обрѣтаютъ нерукотворенный храмъ Божія присутствія; удерживаются долу тѣмъ самымъ, что долженствовало-бы воскресилъ ихъ горѣ; слышатъ глаголы Божіи, но не ощущаютъ въ нихъ *духа и живота* (Іоан. 6, 36); пред-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 203.

стоятъ при славословіяхъ, но не могутъ еще съ Давидомъ сказать себѣ самимъ: *возстани слои моя, возстани псалтирю и гусли* (Псал. 107, 3); или, наконецъ, когда и обрѣтаютъ нѣчто здѣсь, не умѣютъ того износить отселѣ въ напутствіе себѣ? И въ заключеніе: „Близъ еси намъ, Господи, паче, нежели мы себѣ самимъ. Введи убо насъ во святое и страшное, но вкупѣ и вождельное вездѣсущіе Твое, и даждь *еще жизни* въ семь дому Твоему *вся дни живота нашего. Отврати очи наши, еже не видѣти суеты* (Псал. 118, 37): по устрой ихъ зрѣти не созданную красоту Твою. Возбуди насъ отъ смертнаго сна грѣховнаго, и даруй намъ *утреневати* Тебѣ вѣрою и любовію какъ въ часы моленія въ видимомъ храмѣ святыни Твоея, такъ и выпу, въ невидимомъ святилищѣ благодатнаго присутствія Твоего. Аминь“ ¹⁾. Филаретъ потому теперь, т. е. въ 1816 году, еще болѣе прѣжняго строго настаиваетъ на необходимости прилѣпляться къ св. Церкви, въ ея храмовомъ богослуженіи находить для себя духовное освященіе, а не искать его, полагаясь на вездѣсущіе Божіе, гдѣ-бы то ни было, хотя напримѣръ въ какомъ-либо обыкновенномъ человѣческомъ жилищѣ,—что въ это время союзъ Татаринской былъ свѣжею новинкою для Петербурга. Уже съ 1815 года она поселилась, съ Высочайшаго соизволенія, въ Михайловскомъ дворцѣ и съ того-же года начала свои радѣнія. Если и раньше того въ Петербургѣ, особенно подъ вліяніемъ восторженной мечтательницы, г-жи Крюдеперъ, имѣвшей, какъ извѣстно, огромное вліяніе на императора Александра I, знакомые и незнакомые намъ мистики, масоны, обыкновенные піетисты и пр. занимались усерднымъ „исканіемъ всемірной истины, долженствовавшимъ объединить всѣ религіозныя убѣжденія, обобщить всѣ обряды богослужебныя“ ²⁾, то теперь еще болѣе. Если прѣжде подобныя напряженныя стремленія, такое усердное исканіе обнаруживалось оффиціально еще подъ благовидными формами, какъ напримѣръ при учрежденіи Библейскаго общества въ декабрѣ 1812 года: то теперь, съ 1815 года, оно стало обна-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 227—229.

²⁾ П. И. Бартевскъ. XIX вѣкъ, ч. 1, стр. 221. Москва, 1872.

руживаться уже въ болѣе грубыхъ и неблаговидныхъ формахъ, и притомъ опять съ дозволенія и даже одобренія правительства. Въ такъ называемомъ духовномъ союзѣ Татариповой, во время радѣній, совершалась воочію всѣхъ то, въ чемъ прямо обнаруживалась попытка замѣнить таковыми радѣніями храмовое богослуженіе. Въ Михайловскомъ дворцѣ для этой цѣли обыкновенно собирались въ квартирѣ Татариновой соревнователи ея союза „по воскресеньямъ и притомъ съ шести часовъ утра“ ¹⁾, слѣдовательно какъ разъ въ то время, когда св. Церковь наиболѣе всего призываетъ чадъ своихъ къ храмовому богослуженію. „Въ комнатѣ, гдѣ собираются, повѣшенъ на стѣнѣ большой образъ Тайной Вечери“ ²⁾, какъ разъ образъ обыкновенно видимый въ св. храмахъ надъ царскими вратами алтаря. „Когда соберутся всѣ, то садятся вокругъ комнаты, встаютъ, читаютъ въ слухъ „Отче нашъ“ и проч., потомъ изъ Евангелія св. Іоанна, а затѣмъ, ставъ на колѣни, поютъ всѣ на распѣвъ слѣдующіе стихи:

Дай намъ Господа!
 Дай намъ Іисуса Христа,
 Дай намъ сына Твоего!
 Господь, помилуй грѣшныхъ насъ,
 Изъ Твоея полноты,
 Дай, Создатель, теплоты;
 Народи изъ насъ пророка,
 Чтобы силы подкрѣпить;
 Засуди судомъ небеснымъ
 И не дай врагу мѣшать.
 Испосли живое слово
 Здѣсь просящимъ всѣмъ сердцемъ;
 Ты Христось, Ты нашъ Спаситель--
 Инаго Бога нѣтъ у насъ.
 Твоей сплой уврѣнимся;
 За Тобой во слѣдъ идемъ.
 Примь слезы Твоей твари
 И поставь всѣхъ на пути.

„Во время этой молитвы одинъ изъ присутствующихъ становится на средину и вертится кругомъ на востокъ; по окон-

¹⁾ „Историческій Вѣстникъ“ 1884 г. № 3 (мартъ), стр. 578.

²⁾ Тамъ-же.

чаніи-же молитвы подходитъ къ каждому и пророчить, большею частію лестными предсказаніями, послѣ чего всѣ расходятся по домамъ. Пророчествуютъ болѣе женщины и сама Татаринова“¹⁾. А изъ ревностныхъ посѣтителей Татариновой „отставной маіоръ Пилецкій и отставной придворный музыкантъ Ѳедоровъ во время собраній, послѣ чтенія св. Евангелія, говорятъ проповѣди по смыслу чтенія“²⁾. Однимъ словомъ,—своего рода богослуженіе, только отнюдь конечно не истинное и тѣмъ болѣе не православное, хотя въ 1817 году Татаринова приняла даже и православіе³⁾. И между посѣтителями Татариновскихъ радѣній были такія лица, какъ князь А. Н. Голицынъ, извѣстный проповѣдникъ священникъ Маловъ и др. Самъ императоръ благоволиительно относился къ этимъ радѣніямъ и на представленіе о нихъ министра полиціи Вязмитинова, чрезъ князя А. Н. Голицына, въ 1817 году официально „указать соизволилъ, что можно оставить оныя безъ вниманія, какъ не заключающія въ себѣ важности“⁴⁾. Такъ Филарету-ли, близко знавшему и глубоко уважавшему князя Голицына, въ тому-же покровительствовавшаго ему, возможно было оставаться равнодушнымъ къ такимъ болѣзненнымъ симптомамъ религіозной ревности князя и другихъ присныхъ ему по духу? Уже прямо по открытіи Петербургскаго Библейскаго общества, президентомъ котораго, какъ намъ извѣстно, былъ избранъ князь Голицынъ и въ члены котораго между прочими лицами греко-россійскаго духовенства приглашенъ былъ и Филаретъ, этотъ послѣдній, усмотрѣвъ космополитическую подкладку задачъ и стремленій общества, открытаго и учрежденнаго по почину и образу Великобританскаго и иностраннаго Библейскаго общества⁵⁾, не убоился сказать твердое слово о томъ, *да не отъимется хлѣбъ чадамъ*⁶⁾, т. е.

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Тамъ-же, стр. 578—579.

³⁾ *Бартеневъ*. XIX вѣкъ, ч. 1, стр. 221—222.

⁴⁾ „Историч. Вѣстникъ“ 1884 г. № 3, стр. 580.

⁵⁾ См. статью *Пыпина*, „Россійское Библ. общество“, въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1868 годъ.

⁶⁾ Письма Филарета къ роднымъ, стр. 171.

чтобы общество имѣло въ виду ближайшія духовныя нужды кореннаго населенія русскаго и удовлетворяло ихъ съ помощію одобренныхъ и одобряемыхъ православною Церковію средствъ. Тѣмъ менѣе, конечно, такого опасенія нужно было ему имѣть въ 1814 году, когда на немъ опиралась главная дѣятельность по изданію славянской Библии отъ имени и на иждивеніи переименованнаго теперь изъ Петербургскаго въ Россійское Библейское общество, и въ 1816 году, когда на него-же возложена была главная дѣятельность по переводу Библии на русскій языкъ,—и все это преимущественно по довѣрію къ нему со стороны князя Голицына, президента общества ¹⁾. Такіе члены Россійскаго Библейскаго общества, какъ римско-католическій митрополитъ Сестренцевичъ - Богущъ, протестантскій генераль-суперъ-интендантъ Рейнботъ, пасторъ англиканской въ Петербургѣ церкви Питтъ, Сарептскаго евангелическаго братскаго общества пасторъ Шейерль, голландскій пасторъ Янсенъ, Патерсонъ, Пянкертонъ и под., конечно тянули каждый свою пѣсню и во всякомъ случаѣ врозь съ православными церковными пѣснями. А такіе члены представители православной Церкви, какъ президентъ князь А. Н. Голицынъ, вице-президенты графы В. П. Кочубей, А. К. Разумовскій и др., секретари В. М. Поповъ и А. И. Тургеневъ, такіе члены переводнаго комитета при Библейскомъ обществѣ, какъ А. Ѡ. Лабзинъ и помянутый Поповъ, преднастроенные уже на мистическій ладъ заранѣе, кромѣ услажденія „исканіемъ всемірной истины, долженствовавшимъ объединить всѣ религіозныя убѣжденія, обобщить всѣ обряды богослужебные“ и не находили никакого высшаго идеала въ такомъ грандіозномъ учрежденіи, какъ „Россійское Библейское общество“. А тутъ еще съ 1815 года подвернулся „духовный союзъ Татариновой“ и tanti quanti; услажденію въ такомъ морѣ блаженства для подобнымъ образомъ настроенныхъ душъ не было конца. Но и этого мало. Не только въ Библейскомъ обществѣ, но и въ Татариновскомъ союзѣ и подобныхъ

---

¹⁾ Срав. наше изслѣдованіе о подвигахъ Филарета въ дѣлѣ перевода Библии на русскій языкъ, во 2-мъ томѣ Фаларетовскаго юбилейнаго сборника.

учрежденіяхъ прямо или косвенно участвовали изъ самыхъ духовныхъ лицъ не только такія, какъ Маловъ, однако же магистръ 1-го курса Петербургской духовной академіи, слѣдовательно ученикъ Филарета, но и Михаилъ (Десницкій), архіепископъ Черниговскій, съ 1814 года присутствовавшій въ Св. Синодѣ и по избранію въ вице-президенты Библейскаго общества дѣятельное участіе принимавшій въ дѣлахъ этого общества, а въ началѣ 1818 года назначенный на Петербургскую митрополию. Онъ не только по воспитанію своему принадлежалъ къ Новиковскому масонскому такъ называемому „Дружескому обществу“, но и по духу своему во многомъ примыкалъ къ нему ¹⁾. Сдѣлавшись митрополитомъ (и при томъ главнымъ образомъ благодаря извѣстности о такомъ настроеніи его), онъ именно, говорятъ, и поручалъ священнику Малову присутствовать на радѣніяхъ Татариновой, такъ какъ самому ему, по его сану, это было не удобно. Но что-же Маловъ могъ сообщать митрополиту, кромѣ своего сочувствія этому союзу, когда и самъ онъ при этихъ радѣніяхъ „иногда плакалъ, слушая ихъ пѣснь“? ²⁾ И Филаретъ не могъ не знать обо всемъ этомъ и не скорбѣть. Отсюда-то уже въ 1814 году, не говоря о 1816 и дальнѣйшихъ, столь настойчивое слово проповѣди его о необходимости освященія чрезъ храмовое богослуженіе православной Церкви. Отсюда-то такое строгое въ томъ же смыслѣ слово даже и къ самому князю Голицыну, конечно вмѣстѣ съ сторонниками его образа, мыслей, произнесенное въ 1814 году и столь не похожее на прежнія проповѣди въ домовой церкви князя. Мы разумѣемъ вышеупомянутое слово на день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы. Находя въ этомъ событіи съ „младенчествоющею Богоцвѣстою нѣкій начатокъ Ея обрученія Святому Духу и потому, нѣкоторымъ образомъ, первый залогъ обрученія всего человѣчества Божеству“ ³⁾ и „обращая къ душѣ“ христіанской „овое про-

¹⁾ О Михаилѣ см. у Филарета Черниг. въ „Обзорѣ рус. дух. литер.“ ч. 2, стр. 206—208; у С. К. Смирнова въ „Исторіи Троицк. лавр. семинаріи“, стр. 529—530 и др.

²⁾ И. И. Бартеевъ. XIX вѣкъ, ч. I, стр. 233. Статья Ю. В. Толстаго.

³⁾ Сочин. Филарета, т. I, стр. 205 цит. изд.

роческое воззваніе: *слыши дщи и виждь* и пр. ¹⁾, нашъ проповѣдникъ, едва не указуя на самого князя Голлицына, истинно отечески вызываетъ къ ней: „*слыши дщи и виждь и приклони ухо твое*. Внимай! Есть многіе и благолѣпныя гласы, поражающіе внутренній слухъ; но не все есть *гласъ Господа Бога, ходяща въ раи*, — дано было въ раи глаголати и змѣю. Есть многіе и свѣтлыя виды, встрѣчающіеся духовному оку, но не все есть истинный союзъ Христовъ, *и сатана преобразуется въ ангела свѣта* (2 Кор. 11, 14). Позвай-же, куда обращаться должно, чтобы не быть увлечену призраками: *приклони ухо твое, или, ясѣе, приклони, съ Давидомъ, сердце твое во свидѣнія* (Псал. 118, 36) Господни. — *Въ наученія странна и различна не прилагайся* (Евр. 13, 9). *Имамы извѣстнѣйшее пророческое и апостольское слово, дабы внимать ему, яко свѣтъильнику* (2 Петр. 1, 19) чистѣйшаго свѣта“ ²⁾. Или, въ заключеніе проповѣди: „*брегись, о дщерь благоволенія, да не преткнешися въ самомъ приближеніи къ Царю твоему. Взирай съ трепетомъ на славу, которую Онъ тебѣ обѣщаетъ, и помыслий, что ты ничѣмъ не можешь заслужить ея, но малѣйшею невѣрностію можешь лишиться ея на вѣки. Поминай послѣднее наставленіе невѣстоводителя Царева: и поклонись Ему. Молися непрестанно *Исполняющему во блазнь желанія твоя*, и, когда Онъ *внимаетъ тебя милостію и щедротами*, ты упадай къ стопамъ Его смиреніемъ. *Да покрывается, по слову блаженнаго, да покрывается любящее сердце твое страхомъ Господнимъ, смиренно-мудрствующее, да не вознесшееся отпадетъ отъ Всещедраго*“ ³⁾. Симвъ вѣрнымъ путемъ и неуклоннымъ шествіемъ отъ міра къ Богу и отъ тьмы ко свѣту — да *приведутся Царю небесному дѣвы души наши, хрістіане, во сладъ приведенныя нынѣ во храмъ преблагословенныя Дѣвы*; и да*

¹⁾ Тамъ-же, стр. 206.

²⁾ Тамъ-же, стр. 211. Припомнимъ подобное же наставленіе Филарета своему зятю въ „Письмахъ къ роднымъ“, стр. 225, письмо отъ 12 апрѣля 1818 года, когда Михайлъ уже былъ митрополитомъ Петербургскимъ.

³⁾ Въ антифонахъ. Примѣч. автора. И такъ не къ иѣснямъ масонскимъ, Татариневскимъ и под., а къ церковнымъ отсылалъ слушателей проповѣдникъ.

оведутся нѣкогда въ нерукотворенный и вѣчный храмъ Царевъ, Его богатію, и щедротами, и челоуѣколюбіемъ. Аминь“ ¹⁾.

Что можетъ быть выше и сильнѣе этого слова по строгости истиннаго православія, по безпристрастію къ лицу князя Голицина, въ каковомъ безпристрастіи многіе заподозрѣвали и доселѣ еще заподозрѣваютъ Филарета? И хотя мы знаемъ за несомнѣнное, что князь Голицынъ оставался и послѣ этой проповѣди благорасположеннымъ къ Филарету и даже до конца своей жизни (въ 1844 году) сохранилъ къ нему неизмѣннымъ свое благорасположеніе ²⁾, однако не потому-ли отчасти онъ съ тѣхъ поръ не приглашалъ Филарета проповѣдывать въ свою домовую церковь? Равнымъ образомъ не въ связи-ли отчасти съ такимъ строго православнымъ настроеніемъ Филарета, вопреки господствовавшему въ Петербургѣ во весь остальной періодъ его дѣятельности здѣсь, стоитъ и самое ослабленіе энергій его проповѣднической собственно дѣятельности съ 1815 г.? Не въ связи-ли отчасти съ этимъ стоятъ и возникшія между имъ и митрополитомъ Михаиломъ недоразумѣнія, не прекратившіяся и тогда, когда Филаретъ уже и не былъ его викаріемъ, т. е. съ августа 1819 года?

Этотъ послѣдній домыслъ побуждаетъ насъ обратиться къ сличенію характера проповѣднической дѣятельности Филарета съ характеромъ таковой-же дѣятельности Михаила.

Проповѣдническая дѣятельность Михаила началась еще въ предпоследнемъ десятилѣтіи 18 столѣтія; но первое собраніе большей части его проповѣдей относится къ 1816—1820 годамъ. Подобно „Сіонскому Вѣстнику“ Лабзина, его проповѣди изданія этихъ годовъ, изданныя „съ дозволенія Святѣйшаго Правительствующаго Синода“, носятъ такой девизъ: „въ прославленіе сладчайшаго имени Богочелоуѣка Иисуса Христа благоговѣнно, и во внутреннее назиданіе вѣрующихъ въ Него

¹⁾ Сочин. Филар. Т. I, стр. 212.

²⁾ Доказательство—то, что проповѣдь на Введеніе внесена въ собранія словъ и рѣчей Филарета изд. 1820 и 1821 годовъ, когда князь Голицынъ еще продолжалъ быть сильнымъ при дворѣ.

съ священнослужительскимъ усердіемъ посвящаются¹⁾. Затѣмъ, пося скромное названіе „Бесѣдъ“, эти проповѣди по большей части суть въ полномъ смыслѣ проповѣдническія поученія съ опредѣленными темами, обыкновенно духовно-нравственнаго характера. Самое раздѣленіе содержанія ихъ показываетъ этотъ характеръ ихъ, несомнѣнно мистическій, хотя и въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Вотъ это раздѣленіе. По началу идетъ основная для всѣхъ дальнѣйшихъ бесѣдъ „Бесѣда о томъ, что истинный Учитель, вѣрный Наставникъ, добрый Пастырь, непремѣняемый Первосвященникъ, вѣчный Архіерей есть Единный Господь Іисусъ Христосъ“. Далѣе слѣдуютъ бесѣды: I—„О внутреннихъ состояніяхъ человѣка“ (XIII Бесѣдъ); II—„о истинномъ покаяніи“ (VI Бесѣдъ); III—„о разныхъ степеняхъ истиннаго покаянія“ (VII Бесѣдъ); это въ I томѣ. Во II томѣ заключаются бесѣды: IV—„о воскресеніи мертвыхъ, основаннаго на воскресеніи Христовомъ“ (VI Бесѣдъ), къ которымъ присовокуплены двѣ бесѣды на день св. Троицы: V—„о внѣшнемъ человѣкѣ, или изображеніе ветхаго, внѣшняго, плотскаго человѣка“ (XV Бесѣдъ). Въ III томѣ слѣдуютъ бесѣды: VI—„о внутреннемъ человѣкѣ, или изображеніе новаго, внутренняго, духовнаго человѣка“ (XVII Бесѣдъ), къ чему присоединены Бесѣды: въ день Преполовенія (о дарѣ слова, данномъ отъ Бога человѣку) и о провидѣніи Божию. Съ IV тома начинается рядъ „Бесѣдъ“, подъ заглавіемъ: „Трудъ, пища и покой духа человѣческаго“, въ первый разъ изданныя еще въ 1799—1801 годахъ въ VII томахъ, когда Михаилъ еще былъ придворнымъ пресвитеромъ Матвеемъ Десницкимъ, а потомъ епископомъ Старорусскимъ, вице-аріемъ Петербургскимъ. Для образчика и въ видахъ сличенія съ только что разсмотрѣнными проповѣдями Филарета возьмемъ изъ III-й группы бесѣдъ послѣднюю: „о истинномъ Богослуженіи“.

Въ основаніи бесѣды поставлено изреченіе изъ литургіи вѣрныхъ: *станемъ добръ, станемъ со стужомъ: вондемъ! свя-*

¹⁾ См. напр. изданіе 1816 года перваго тома, только и бывшаго у насъ подъ руками, а въ полномъ, бывшемъ у насъ подъ руками изданіи 1817—1820 годовъ. на всѣхъ десяти томахъ.

тое возношеніе въ мѣръ приносить. „Какъ небесная Церковь чрезъ священно-начальника Михаила приглашала и побуждала служителей своихъ,—начинаетъ бесѣду Михаилъ,—къ истинному Богослуженію ¹⁾, къ тому, чтобы они не слушали искушителя ихъ, діавола, и не уклонялись ко лжи и злобѣ его, а твердо стояли во истинѣ, истинно служили Единому Богу, ежели хотятъ быть истинными чадами Его; какъ небесная Церковь приглашала ихъ сице взывая: *станемъ добръ, станемъ со страхомъ, вонмемъ!* Такъ точно и земная наша противъ того же искушителя воющая Церковь, подражая небесной, приглашаетъ и побуждаетъ насъ, земныхъ жителей, къ истинному Богослуженію, къ служенію Единому Богу, приглашаетъ и побуждаетъ также чрезъ служителей своихъ, взывая: *станемъ добръ, станемъ со страхомъ, вонмемъ!*

„И по-истинѣ, ежели кто хочетъ быть въ чинѣ святыхъ Ангеловъ, въ числѣ истинныхъ чадъ Божіихъ, въ соборѣ существенно, а не ложно вѣрующихъ христіанъ: то таковой непременно долженъ стоять на Божественной стражѣ, таковой непременно долженъ служить Трѣпостасному Богу. Самая благодарность за то, что мы нынѣ вмѣсто языческаго имени имѣемъ право называться христіанами, что небесный Отецъ, разпростерши объятія свои, готовъ принять насъ во усыновленіе, что Сынъ Божій Иисусъ Христосъ ходатайствомъ своимъ возводитъ человѣковъ и насъ можетъ возвести не только туда, гдѣ разныхъ чиновъ Ангели пребываютъ, но и туда, куда Иисусъ Христосъ, яко Богочеловѣкъ, вознесся, можетъ возвести во святая святыхъ, можетъ поставить на высшемъ степени небесъ,—самая, говорю, благодарность за таковыя благодѣянія требуетъ того, чтобы мы Единому Богу служили.

„Но какъ мы должны служить Богу, въ чемъ должно состоять наше служеніе, какая сущность должна быть нашего истиннаго Богослуженія? Въ томъ-ли оно должно состоять, чтобы намъ только всегда ходить въ церковь или въ наружный храмъ Божій; въ томъ-ли, чтобы намъ въ ономъ класть по

¹⁾ Бесѣды Михаила имѣютъ внутреннюю связь между собою. Предшествующая приводимой была „о истинномъ Богу благодареніи“.

нѣскольку поклоновъ; въ томъ-ли, чтобы намъ прочитывать наизусть нѣкоторыя молитвы, воспѣвать благодарственныя пѣсни и совершать обряды къ воспоминанію таинствъ Христовыхъ служащія? Въ томъ-ли только, чтобы приносить во храмъ какіе наружные дары, свѣщи, епіамъ и другія къ украшенію храма служащія вещи?

„Таковое Богослуженіе есть Богослуженіе наружное; оно есть только знакъ, означеніе, знаменованіе истиннаго Богослуженія, а само собою не составляетъ онаго; слѣдовательно знакъ тогда только бываетъ истиненъ, вѣренъ, дѣйствителенъ, когда бываетъ соединенъ, или по крайней мѣрѣ имѣетъ послѣдствіемъ означаемую вещь; наружное Богослуженіе тогда только бываетъ Богу пріятно, когда соединено съ нимъ внутреннее Богослуженіе, а безъ сего соединенія оно ничто и пользы не имѣетъ.

„Что Богу въ нашемъ частомъ хожденіи во храмъ, ежели мы, приходя наружно, только предстоимъ, а ни страха, ни любви, ни благоговѣнія, ни сострадательнаго воспоминанія смерти Христовой не чувствуемъ и не имѣемъ? Что въ нашихъ Богу поклонахъ, ежели мы, кланаяся тѣломъ, высоки духомъ, надменны сердцемъ, величавы видомъ; ежели мы, творя поклоны, не смиряемся предъ Богомъ сердцемъ, не унижаемъ предъ людьми и не воспоминаемъ въ то время паденія своего? Что во многочисленномъ чтеніи молитвъ и пѣніи пѣсней, когда уста поютъ, а не сердце, языкъ читаетъ, а не духъ.

„Какая пріятность Богу въ томъ, что мы свѣщи предъ Божественнымъ образомъ Его поставляемъ и епіамъ предъ олтаремъ куримъ, когда по примѣру свѣщъ не горитъ наше сердце любовью къ Богу, не благоухаетъ душа добродѣтельными благоуханьями и не возносится духъ нашъ горѣ, якоже епіамъ? Какая пріятность Богу въ томъ, что мы приносимъ Ему злато, и серебро доставляемъ во храмъ, когда тутъ же не приносимъ Ему въ даръ чистоты и непорочности, не приносимъ благоукрашенной души? Какая пріятность Богу въ томъ, что мы нынѣ съ ваіями и вѣтвями, по примѣру іудейскихъ отроковъ, входъ Господень во Іерусалимъ воспоминаемъ, и, *благословенъ градъ въ имя Господне* (Іоан. 12, 13), съ ними взываемъ, подобно

и другіе обряды въ воспоминаніе преданія Его, страстей, смерти, и погребенія отпращиваемъ? Что въ семь, когда мы сами упорствомъ своимъ, ожесточеніемъ своимъ, отступленіемъ своимъ отъ Него, великими грѣхами своими вторично со іудеями распинаемъ Его? Въ такихъ случаяхъ наружное наше Богослуженіе есть ничто, и пріятно Богу быть не можетъ“¹⁾.

Далѣе проповѣдникъ, въ доказательство этой мысли своей, приводитъ свидѣтельства изъ ветхозавѣтныхъ священныхъ Писаній, и, приведши ихъ, дѣлаетъ еще болѣе рѣзкое сужденіе о наружномъ Богослуженіи. „Изъ сего слѣдуетъ, — говоритъ онъ, — что наружные сіи знаки, видимое Богослуженіе само по себѣ ничто, и угодно Богу быть не можетъ“ и т. д.²⁾ Но въ чемъ же, естественно представлялся вопросъ, состоитъ проповѣдуемое здѣсь внутреннее Богослуженіе? Какія жертвы Богу пріятны?— „*Возьмемъ!* Послушаемъ, — отвѣчаетъ на это проповѣдникъ, — какъ научаетъ насъ служить Церковь. *Возьмемъ!* Она чрезъ священноначальниковъ³⁾ говоритъ: *станемъ добръ*, то есть, когда мы приходимъ во храмъ, должны стоять не въ разсѣяніи мыслей, не во обращеніи очей туда и сюда, но должны *стоять добръ*, должны стоять отвлекши мысли отъ суеты мірскихъ“⁴⁾ и пр. Далѣе подобнымъ-же образомъ объясняется выраженіе: *со страхомъ*, то есть, „со уваженіемъ таинствъ, съ почтеніемъ приличнымъ священнослуженію и съ благоговѣніемъ такимъ, каковое только должно имѣть въ присутствіи Самого Бога“ и т. д. Затѣмъ раскрываетъ, въ чемъ должны состоять жертвы наши. Они должны, по словамъ проповѣдника, состоять въ приношеніи „*милости мира и жертвы хваленія*, мира къ ближнимъ и хвалы Богу, любви къ подобнымъ себѣ и благодаренія Высочайшему Существу“. Мы „должны духи свои, восперивъ къ Нему, посвящать Ему со всякимъ уничиженіемъ. *Жертва* бо истинная и пріятная Богу есть, по увѣренію Давидову, *духъ сокрушенъ*.

¹⁾ Бесѣда Михаила т. 1, стр. 414—419. Сиб. 1817. Тоже самое и въ изданіи 1816 года.

²⁾ Тамъ же, стр. 421.

³⁾ Не „священнослужителей“-ли?

⁴⁾ Бесѣда, т. 1, стр. 422.

Единое сердце сокрушено и смиренно Богъ не уничижитъ (Псал. 50, 19) и не презритъ“¹⁾. Эту духовную жертву проповѣдникъ сравниваетъ съ агнцемъ, раздробляемымъ и раздѣляемымъ, хотя въ раскрытіи сторонъ этого сравненія у него нѣтъ необходимой гармоніи логической, много мыслей лишннихъ, не вдущихъ къ дѣлу. Цѣль такого богослуженія—соединеніе съ Богомъ соединеніемъ духовнымъ²⁾. Но для дѣйствительнаго достиженія этой цѣли, по ученію проповѣдника, „мы съ духомъ сокрушеннымъ и сердцемъ смиреннымъ должны служить Богу не только тогда, когда во храмѣ находимся, когда молитвы дѣлемъ, но должны такъ служить всегда, во всякое время, и на всякомъ мѣстѣ. Какъ Богъ нашъ всегда и вездѣ пребываетъ, на всякомъ мѣстѣ владычество Его, такъ и служить мы должны во всякое время, и на всякомъ мѣстѣ. Внутренность наша должна быть походною церковію, а внутренней человѣкъ священникомъ, всегда въ ней предъ Богомъ служащимъ, всегда себя Ему въ жертву въ чистотѣ и святынѣ приносящимъ. О, когда бы намъ достигнуть до такого состоянія! Такое расположеніе сердца, такое положеніе духа, такое служеніе внутренняго человѣка имѣетъ важныя послѣдствія; оно дѣйствительно можетъ участвовать въ соединеніи съ Богомъ, и слѣдовательно въ наслажденіи вѣчнымъ блаженствомъ Его“³⁾. Какъ же достигнуть до сего? ⁴⁾ Достигнуть этого, по ученію проповѣдника, мы можемъ, если будемъ шествовать путемъ, указаннымъ въ 50-мъ же псалмѣ: „каемся истинно во грѣхахъ, и очистимся отъ нечистотъ ихъ, просимъ свѣта Христова, и просвѣтимся имъ; ищемъ обновленія сердца и духа, и освятимся Духомъ Святымъ; благодаримъ за все Бога, и угодны Ему будемъ; служимъ Ему внутренно и соединимся съ существомъ Его“⁵⁾ и т. д. И большая часть бесѣдъ Михаила подобнаго же рода. Нельзя, конечно, не отдать справедливости обилію духа назиданія въ этихъ проповѣдяхъ и значенію ихъ не для того только вре-

1) Тамъ же, стр. 423—424.

2) Тамъ же стр. 427.

3) Тамъ же, стр. 427—428.

4) Стр. 428.

5) Тамъ же, стр. 432.

мени, въ которое онѣ были произносимы, но и для нашего, матеріалистическаго въ особенностяхъ, поколѣнія. Но нельзя не замѣтить и о недостаткахъ ихъ. Какъ очевидно уже и изъ приведеннаго образца, настойчивое проведеніе мыслей, возвышающихъ одно лишь внутреннее богослуженіе и уничижающихъ внѣшнее, могло привести и не къ созиданію (назидавію) Церкви Божіей, а къ разрушенію ея, къ развитію и усиленію въ нѣкоторыхъ членахъ ея того болѣзненнаго явленія, которое мы называли мистицизмомъ. А такія выраженія, какъ послѣднее приведенное изъ бесѣды Михаила: „соединимся съ существомъ Его“¹⁾, если-бы не понимать его съ значительнымъ ограниченіемъ, прямо отзываются тѣмъ своего рода пантеизмомъ, къ которому дѣятельно тяготѣли духоборцы разныхъ порядковъ, а теоретически — ревностнѣйшіе сторонники мистицизма. Мы могли видѣть, какою, напротивъ, мудрою осторожностію, а въ нужныхъ случаяхъ и строгостію, отличается ученіе о томъ-же предметѣ въ проповѣдяхъ Филарета.

Убѣжденный въ необходимости внѣшняго богослуженія вмѣстѣ съ внутреннимъ, дабы „прославлять Бога въ тѣлѣ нашемъ и въ духѣ нашемъ, которые суть Божіи“²⁾, онъ никакъ не рѣшился-бы уничижать первое для того только, чтобы возвысить одно послѣднее. Въ важныхъ случаяхъ, какъ мы видѣли, онъ и прямо даже внушалъ уваженіе къ внѣшнему богослуженію. И со стороны внѣшняго характера нельзя за многое похвалить бесѣды Михаила. Какъ уже отчасти видно и изъ приведеннаго образца, „паставленія Михаила по изложенію не имѣютъ значенія высокихъ ораторскихъ сочиненій. Онѣ утомительны по растянутости слога, по множеству синонимическихъ выраженій и оборотовъ рѣчи, иногда вовсе не нужныхъ; періоды въ 20 и 30 строкъ печатныхъ — наказаніе чтенію“³⁾. Вообще бесѣды Михаила, не смотря на то, что онъ былъ нѣкогда придворнымъ проповѣдникомъ, да и послѣ того славился, какъ проповѣдникъ, не смотря на то, что за свои

¹⁾ Срав. также конецъ бесѣды (стр. 433), гдѣ эта мысль повторяется.

²⁾ См. ученіе о молитвѣ вообще въ катихизисѣ Филарета и притомъ 1-го изданія. Стр. 132—133 церк. печатн. Слб. 1823 года.

³⁾ Филарета Чернигов. „Обзоръ рус. дух. литер.“ ч. 2, стр. 208.

„назидательныя поученія“ оупъ удостоены бытъ въ 1814 году степени доктора богословія ¹⁾, не могли бытъ и не были образцомъ для Филарета, хотя послѣдній несомнѣнно зналъ ихъ и даже имѣлъ подь руками ²⁾, и лично не могъ не уважать достойнаго по высокой жизни архипастыря.

Намъ остается разсмотрѣть еще одну проповѣдь за 1814-й годъ, именно проповѣдь на второй день праздника Рождества Христова, произнесенную въ придворной церкви и имѣвшую извѣстныя намъ послѣдствія для Филарета. Это была третья проповѣдь на праздникъ Рождества Христова въ числѣ проповѣдей Филарета за Петербургскій періодъ. Первую проповѣдь на этотъ праздникъ онъ произнесъ въ 1811 году въ Александро-Невской лаврѣ изъ текста: *веля есть благочестія тайна, Богъ явился во плоти* (1 Тим. 3, 16), темою-же поставилъ раскрытіе нѣкоторыхъ чертъ образа рожденія Иисусава, съ тѣмъ чтобы положить ихъ въ сердцахъ слушателей. Эту проповѣдь можно читать во всѣхъ собраніяхъ словъ и рѣчей нашего проповѣдника. Вторую проповѣдь на тотъ-же праздникъ Филаретъ говорилъ въ 1812 году въ домовоѣ церкви князя Голицына изъ текста: *и се вамъ знаменіе: обрящете младенца повита, лежаща въ ясляхъ* (Лук. 2, 12), о каковой проповѣди мы имѣемъ понятіе уже изъ раньше сказаннаго.

Наконецъ произнесенная въ 1814 году проповѣдь на тотъ же праздникъ, отличающаяся отъ обѣихъ предшествующихъ, всходитъ изъ текста: *Ангель Господень во снѣ явился Иосифу, глаголя: воставъ, поими Отрока и Матерь Его, и бѣжи во Египетъ, и буди тамо, дондеже реку ти: хочетъ бо Иродъ искати Отроцате, да поубитъ Е* (Матѣ. 2, 13) и направляется противъ любви къ міру, явленной въ примѣрѣ Ирода, толико вредной и богопротивной ³⁾. Эта проповѣдь, подобно проповѣди 1811 г., читается во всѣхъ собраніяхъ словъ и рѣчей Филарета, и потому мы не будемъ, по прежнему, приводить полностью текста ея. По содержанію своему она служитъ какъ-бы

¹⁾ И. А. Чистовичъ. „Ист. Сиб. дух. акад.“, стр. 234.

²⁾ См. Письма Филарета къ роднымъ, стр. 226.

³⁾ Сочин. Филарета. Т. I, стр. 81.

продолженіемъ проповѣди 1812 года: она начипается тамъ, гдѣ та кончается, т. е. изреченіями вышеприведеннаго текста изъ Матѳ. 2, 13. Но между тѣмъ какъ проповѣдь 1812 года указываетъ пути приближенія нашего къ Господу нашему Иисусу Христу, знаменія, увѣряющія насъ въ истинѣ нашего возрожденія, проповѣдь 1814 года вся дышетъ ревностію пастырскою въ изображеніи пути, который, наоборотъ, удаляетъ насъ отъ Господа и царствія небснаго. Прямо ссылаясь на св. Златоуста ¹⁾, она дышетъ Златоустовою и ревностію обличенія любви къ міру, какъ *суеты суетствій* по Екклесіасту, т. е. проповѣднику царственному (Соломону) ²⁾, — любви къ міру во всѣхъ ея видахъ, при всѣхъ положеніяхъ людей, ея страдающихъ, начиная отъ престола до хижины бѣдняка. „Благословенно время и страна, — говоритъ на примѣръ нашъ ревнующій по Богу проповѣдникъ, — гдѣ примѣръ великихъ и сильныхъ земли служитъ свѣтильникомъ для народа и не позволяетъ ступиться тѣмѣ, распространяемой міродержителями тьмы вѣка сего! Но, — доколѣ не придетъ царствіе Отца небснаго, призываемое нами въ молитвѣ, — и подъ видимымъ владычествомъ благочестія всегда есть тайные самовладыки, которымъ Христосъ Царь не угоденъ, поелику Онъ требуетъ совершеннаго повиновенія и отреченія отъ любимыхъ страстей и вождельній: и плѣнники примѣровъ міра послѣдуютъ за оными, не примѣчая, что находятся въ порабощеніи у возмутителей“ ³⁾. Или: „къ сожалѣнію, многіе ближе знаютъ Соломона, подобно прочимъ, обращающагося въ вихрь земли, но теряютъ изъ вида Екклесіаста, стоящаго въ солнцѣ истинны и проповѣдующаго суету земпородныхъ. Бѣдственное ослѣпленіе людей, прельщенныхъ міромъ, увеличивается тѣмъ, что слѣпые слѣпыхъ же избираютъ вождями себѣ, или даютъ влещи себя множеству, на которое опираясь десницею и шуйцею мнятъ быть безопасны отъ паденія. На что же, хрістіане, дано намъ собственное око ума, на что возженъ предъ нами свѣтильникъ.

¹⁾ Тамъ-же, стр. 82 съ указаніемъ на слово противъ Евтропія.

²⁾ Тамъ-же, выше.

³⁾ Тамъ же, стр. 85.

откровенной Богомъ ¹⁾ истины, если-бы мы могли ходить по единому осязанію примѣровъ міра?“ ²⁾ и т. д. По-истинѣ такъ могъ говорить лишь человекъ, самъ совершенно свободный отъ любви къ міру. По-истинѣ такъ могъ говорить русскій Златоустъ ³⁾. Но съ другой стороны, такое слово обличенія дѣйствительно могло смутить слушателей, которымъ не хотѣлось бы отрѣшиться отъ узъ любви къ міру. И не одна императрица Марія Теодоровна могла придти въ смущеніе отъ такой проповѣди. Но значило-ли это, что такая проповѣдь не нужна?—Отнюдь нѣтъ. Филаретъ самъ подтверждаетъ это, допустивъ ее во всѣ позднѣйшія собранія своихъ словъ и рѣчей. Да и имѣлъ-ли онъ въ виду этою проповѣдію оскорбить лично императрицу, добродѣтельную намѣренія которой были искренни и несомнительны и добродѣтели которой простирались широко и далеко не только на Петербургъ, но и на всю Россію? ⁴⁾—Отнюдь нѣтъ. Доказательство—въ рѣчи Филарета, произнесенной 27 мая 1817 года по освященію храма во имя праведныя Елисаветы, устроеннаго при сиротскомъ училищѣ 1812 года, находящемся въ вѣдѣніи С.-Петербургскаго женскаго патріотическаго общества, состоявшаго подъ непосредственнымъ покровительствомъ императрицы Маріи Теодоровны. „Не будемъ здѣсь восхвалять,—говоритъ въ этой рѣчи нашъ проповѣдникъ,—сего благодѣтельнаго сословія, которое въ незабвенные дни общественныхъ бѣдствій, основавъ свой союзъ для того, чтобы тѣмъ внимательнѣе и дѣятельнѣе *разумѣвать на нища и убога* (Псал. 40, 2), съ щедрымъ человеколюбіемъ, свойственнымъ любви къ отечеству, соединяетъ смиренное человеколюбіе хрістіанское, не стыдясь исходить изъ чертоговъ для посѣщенія нищеты подъ ея нагбеннымъ ветхостію кровомъ; и, по внушенію того-же хрістіанскаго духа, и сію обитель человеколюбія украшаетъ и возвеличиваетъ снмъ

1) Въ отд. изд. и собр. 1820 и 1821 гг. слова: „Богомъ“ иѣтъ.

2) См. т. 1 соч. Филарета, стр. 84.

3) Такъ и называли послѣ Филарета. И это названіе конечно лучше, нежели кличка: русскій Массильонъ.

4) См. относящееся къ 1815 году стихотвореніе въ честь императрицы Маріи Теодоровны въ „Синѣ Отечества“ за 1815 годъ ч. XXIV, стр. 56.

святилищемъ благочестія ¹⁾. Не будемъ возносить—вознесеннаго впрочемъ—имени порфиросной матери сиротъ, коея духъ живетъ въ составѣ сего сословія, и дѣйствуетъ въ его дѣяніяхъ. Благодарители христіанскіе конечно и не желаютъ, чтобы мы проповѣдывали ихъ *шуйить*, что *творитъ* ихъ *де-ница* (Матѳ. 6, 3), и скудною мздою хвалы земныя ослабляли ихъ право на мзду многую въ небесахъ ²⁾. Если въ аскетическомъ настроеніи, въ аскетическомъ взглядѣ на *любовь къ міру* Филаретъ и его слушатели въ придворной церкви, по всей вѣроятности, во многомъ значительно разнились, то въ общихъ нравственныхъ началахъ, особенно-же въ любви къ Богу, къ ближнимъ, къ отечеству между ними, безъ сомнѣнія, не существовало, да и не могло быть значительной разности. Любовь къ Богу выражается въ любви къ особымъ мѣстамъ Его таинственнаго присутствія—храмамъ и въ любви къ ближнимъ. *Не любяй бо брата, его-же видѣть, Бога, Его-же не видѣть, како-же можетъ любить?* А объ этомъ нравственномъ началѣ въ лицахъ, теперь сравниваемыхъ, можетъ-ли быть сомнѣніе послѣ того, что исторически о нихъ извѣстно и послѣ того даже, что сейчасъ сказано нами. Любовь къ отечеству въ нихъ также извѣстна. Съ своей стороны Филаретъ выражалъ эту любовь, гдѣ только было возможно, какъ то мы уже и видѣли. Даже такая нравоучительная проповѣдь, какъ извѣстная намъ отчасти, сказанная Филаретомъ, еще іеромонахомъ, въ 1811 году на текстъ: *оброцы грѣха, смерть* и пр., помѣщенная во всѣхъ собраніяхъ словъ и рѣчей его, содержитъ въ себѣ выраженіе этой любви его. Размышляя о нравственныхъ причинахъ недолговѣчности многихъ гражданскихъ обществъ, проповѣдникъ говоритъ здѣсь: „оскуденіе любви къ отечеству и взаимной искренности между членами общества сопровождается слабостію и безпорядкомъ въ его дѣйствіяхъ ³⁾”; роскошь,

¹⁾ Описаніе прекраснаго храма, въ которомъ произносилась настоящая рѣчь, можно видѣть въ VI томѣ „Историко-статистическаго описанія С.-Петербур. епархіи“, стр. 319 и дал. Сиб. 1876.

²⁾ Сочин. Филарета, т. 1, стр. 238 цит. изд.

³⁾ Исходя изъ мысли о томъ, что *оброцы грѣха, смерть*, проповѣдникъ, при переходѣ отъ жизни частной къ жизни общественной, пользуется превосходнымъ

поглощая его истинное довольство, измучиваетъ его вымышленными нуждами; стремленіе къ преобладанію и неправосудіе возбуждаютъ противъ него виѣшнихъ и домашнихъ непріятелей; въ вѣрѣ и благочестіи оно хранитъ или теряетъ основаніе своихъ законовъ, побужденіе дѣятельности, страхъ злодѣйства, награду подвиговъ, залогъ безопасности, — словомъ жизнь и душу“. Изобразивъ столь живыми красками причины разложенія государствъ, образчикъ котораго представлялся во Франціи, проповѣдникъ невольно обращается теперь къ своему отечеству. „Если ты, правобѣрное отечество, — говоритъ онъ, — не старѣясь, переживаешь твоихъ сосѣдовъ и враговъ, то благослови правду и вѣру, которыя Господь Саваоѣ оставилъ тебѣ, какъ сѣмя долгоживотное! Безъ нихъ никакой народъ не можетъ ожидать себѣ лучшей участи, нежели возлюбленный, но невѣрный Богу Израиль“ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, повторяемъ давно высказанную мысль, впечатлѣвіе строго-аскетической проповѣди Филарета въ придворной церкви въ 1814 году не могло не подѣйствовать на впечатлительную и его душу. Оно значительно ослабило его энергію къ проповѣдыванію не только въ придворныхъ сферахъ, но и вообще въ Петербургѣ — этой Сѣверной Пальмиры. вмѣсто 22 проповѣдей, произнесенныхъ за 1810—1814 годы, въ теченіи 1815—1819 годовъ, мы встрѣчаемъ у Филарета только 7 проповѣдей: разница весьма значительная. Къ тому-же на мѣсто прекратившаго почти проповѣдническую дѣятельность свою, еще до прибытія Филарета въ Петербургъ, м. Амвросія, съ 26 марта 1818 года митрополитомъ Петербургскимъ сталъ, какъ мы замѣчали, издавна извѣстный своими поучительными „Бесѣдами“ и теперь не оставившій слова проповѣди Михаилъ Десницкій. Въ виду этого голосъ проповѣди Филарета въ Петербургѣ съ 20 января 1818 года и совсѣмъ замолкъ.

И. Форсуевскій.

(Продолженіе будетъ).

сравненіемъ тѣла каждаго человѣка съ тѣломъ гражданскаго общества, изъ коихъ каждое можетъ приходитъ въ разстройство, ослабленіе и пр.

¹⁾ Сочин. Филарета, т. 1, стр. 12.

ПИСЬМА ИЗЪ ГЕРМАНИИ.

НѢМЕЦКІЙ ШТУНДИЗМЪ И РУССКАЯ ШТУНДА.

(ПИСЬМО 2-е).

Не такъ давно *) въ одномъ изъ №№ „Новаго Времени“ былъ помѣщенъ „краткій очеркъ“ штунды, составленный по словамъ автора, г. Молчанова, на основаніи „изряднаго матеріала“, добытаго имъ во время ежегодныхъ поѣздокъ на югъ Россіи. Въ этомъ очеркѣ намъ довелось между прочимъ прочитать слѣдующій весьма нелестный отзывъ о появившихся доселѣ изслѣдованіяхъ русской штунды: „этой сектѣ, говоритъ авторъ, наша печать посвятила много труда и времени, но не нашлось до сихъ поръ у насъ ни одного серьезнаго изслѣдователя штунды, способовъ ея распространенія и причинъ ея быстраго развитія среди русскаго народа“.

Брошенный г. Молчановымъ упрекъ русской печати, по нашему мнѣнію, вполне справедливъ, если взять во вниманіе отсутствіе въ русской литературѣ одного опредѣленнаго, установившагося взгляда по вопросу о происхожденіи и сущности русскаго штундизма. Одна часть печати разсматриваетъ русскую штунду съ точки зрѣнія *церковно-религіозной* и приходитъ въ своихъ изслѣдованіяхъ къ тому заключенію, что какъ происхожденіе, такъ и характеръ штунды *столна* объясняются религіозно - нравственными причинами, а потому изученіе и

---

*) Писано въ началѣ этого года.

оцѣнка этой *секты* должны сводиться главнымъ, если не исключительно, образомъ къ изученію и критикѣ ея религиозной *системы* и нравственныхъ воззрѣній.

Это *церковно-историческое* направленіе преобладаетъ въ нашей духовной литературѣ; его можно назвать, пожалуй, также *западническимъ*, въ томъ смыслѣ, что изслѣдователи, принадлежащіе къ этой группѣ, признаютъ малорусскую штунду, подобно прочимъ рационалистическимъ сектамъ, продуктомъ иноземныхъ, инославныхъ вліяній.

Свѣтская печать служитъ проводникомъ другаго направленія въ изученіи штунды. На взглядъ большинства свѣтскихъ писателей малорусская штунда представляетъ собою результатъ общественно-экономическаго строя на Руси. Изученіе штунды возможно лишь съ этой точки зрѣнія, религиозно-церковная-же сторона въ данномъ случаѣ вещь второстепенная: это только внѣшняя оболочка факта, знамя, ярлыкъ, подъ которымъ яко-бы скрываются настоящія стремленія и чаянія сектантовъ. Слѣдовательно, чтобы опредѣлить сущность штунды, слѣдуетъ изучить житейскую сторону секты, проводимые ею общественно-экономическіе принципы. Въ противоположность писателямъ духовнаго чина сторонники этого послѣдняго направленія стоятъ за „самобытность“ нашего штундизма, а за западными вліяніями признаютъ чисто внѣшнее значеніе, усвояя имъ роль будильника таящихся въ народѣ позывовъ и стремленій. Само собою понятно, оба указанныя нами типическія направленія въ изученіи русской штунды находятся между собою въ антагонизмѣ.

Спрашивается: гдѣ-же истина?

Истина должна сама собою опредѣлиться какъ результатъ научнаго и всесторонняго изслѣдованія секты. Но въ томъ-то и бѣда, что такихъ изслѣдованій, основательныхъ и дѣйствительно научныхъ, относительно русскаго штундизма, насколько намъ извѣстно, совсѣмъ не существуетъ. Что это правда, достаточно сослаться на появившіяся въ послѣднее время программы или, лучше сказать, конспекты, цѣль коихъ — указать научный методъ изслѣдованія сектантства, и между прочимъ — штунды, въ самыхъ подробныхъ деталяхъ. Появленіе этихъ

конспектовъ было-бы болѣе чѣмъ странно, если-бы въ наличности существовали труды, удовлетворявшіе научнымъ требованіямъ. Просматривая статьи и „очерки“ русской штунды, появляющіеся въ нашей печати, неизбѣжно приходишь къ тому же печальному выводу, къ которому пришелъ и г. Молчановъ, хотя для насъ остается вопросомъ: въ какомъ отношеніи составленный имъ, на основаніи „изряднаго матеріала“, очеркъ штунды отличается отъ прочихъ подобныхъ очерковъ и изслѣдованій *).

Изслѣдователи обоихъ указанныхъ нами выше направленій въ изученіи русской штунды, руководствуясь различными принципами, игнорируютъ тѣ вопросы, которые на ихъ взглядъ не относятся къ существу дѣла. Но этого мало. Даже въ вопросахъ первостепенной важности, рѣшеніе коихъ обязательно для всякаго изслѣдователя секты, даже здѣсь они дозволяютъ себѣ дѣлать такіа опущенія, которыя совершенно не мыслимы въ изслѣдованіяхъ, хотя сколько-нибудь претендующихъ на научность и основательность. Таково именно отношеніе изслѣдователей штунды къ вопросу о происхожденіи этой секты.

Чтобы установить правильный взглядъ на секту, опредѣлить истинный характеръ изучаемаго явленія, необходимо прежде всего уяснить себѣ съ надлежащею основательностію и всесторонне вопросъ о возникновеніи секты и ея *первоначальной* организаціи. То-же самое требуется и отъ изслѣдователя русской штунды.

Научное рѣшеніе вопроса о происхожденіи русской штунды, по нашему убѣжденію, требуетъ отъ изслѣдователя *прежде всего* уясненія и надлежащаго освѣщенія слѣдующихъ трехъ пунктовъ: во 1-хъ необходимо составить себѣ ясное понятіе объ *одноименномъ* явленіи на западѣ, о нѣмецкомъ штунцизмѣ;

---

*) Къ сожалѣнію мы не имѣли возможности познакомиться въ подлинникѣ съ многосодержательною статью г. Петрушевскаго (въ Труд. Кіев. дух. академіи). Впрочемъ, судя по отзыву, помѣщенному въ 1-й январьской книжкѣ (стр. 37 и слѣд.) журнала, взглядъ автора не новъ въ русской печати. Несомнѣнно, самый богатый матеріалъ относительно русской штунды находился въ распоряженіи членовъ Кіевского собора, а потому „Пастырское посланіе“ этого собора имѣетъ для изслѣдователя штунды первостепенное значеніе.

во 2-хъ слѣдуетъ опредѣлить возможность вліянія нѣмецкаго штундизма на образованіе русской штунды: требуется установить внутреннюю и внѣшнюю (географическую) связь между тѣмъ и другимъ явленіемъ, если таковая существуетъ; въ 3-хъ наконецъ, слѣдуетъ познакомиться съ сужденіями о томъ же самомъ предметѣ нѣмецкихъ писателей. Безъ правильнаго рѣшенія этихъ *предварительныхъ* или *подготовительныхъ* пунктовъ, по нашему мнѣнію, невозможно научное рѣшеніе вопроса о происхожденіи и сущности русской штунды. Между тѣмъ, насколько намъ извѣстно, изслѣдователи русской штунды до сихъ поръ почему-то не находятъ нужнымъ останавливаться на этихъ вопросахъ или же удѣляютъ имъ нѣсколько словъ, ничего въ существѣ дѣла не разъясняющихъ и ничего не доказывающихъ.

Въ виду сказаннаго мы рѣшаемся на попытку — хотя въ нѣкоторой степени освѣтить вышеуказанныя темныя стороны столь важнаго явленія, каковымъ несомнѣнно является русская штунда.

I. Нѣмецкій Штундизмъ.

Нѣмецкій штундизмъ играетъ чрезвычайно важную роль въ исторіи протестантства (реформациі). Онъ представляетъ собою *первоначальную форму протеста* религіи противъ „системы“, живой вѣры противъ схоластическихъ тезисовъ, сердца противъ холоднаго разсудка, свободной личности противъ замаскированнаго деспотизма и мертвой ортодоксіи, субъективнаго благочестія противъ гнета отвлеченныхъ предписаній символическихъ протестантскихъ книгъ, — однимъ словомъ, того протеста, который потомъ полнѣе и рельефнѣе нашелъ себѣ выраженіе съ одной стороны въ такъ называемомъ піэтизмѣ, съ другой — въ различнаго рода сектантскихъ и сепаративныхъ обществахъ. Мы разумѣемъ здѣсь подъ штундизмомъ тѣ частныя собранія и организациі, извѣстныя подъ именемъ „*Conventikel*“, „*private Sammlungen*“, „*ecclesiola*“, кои легли въ основу позднѣйшихъ религіозныхъ движеній въ протестантствѣ. Частныя религіозныя собранія и фрейны являются въ протестантствѣ *внѣшнимъ дисциплинарнымъ средствомъ* для достиженія

извѣстныхъ религіозно-нравственныхъ цѣлей, *формой, орудіемъ* религіозно-нравственнаго воспитанія. Не только піэтизмъ, поставившій себѣ задачей нравственное перевоспитаніе протестантскаго общества, и сепаратизмъ, стремящійся на ряду съ различными сектантскими общинами создать совершенное христіанство, но и сама протестантская церковь въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, безъ различія партій и направленій, признаетъ за внѣ-богослужебными собраніями и ихъ организаціей весьма важное воспитательное значеніе. Всякій разъ какъ только заходитъ рѣчь о „возрожденіи“, „пробужденіи“, „подъемѣ“ религіознаго сознанія народа, объ „оживленіи“ нравственныхъ началъ въ обществѣ, — въ ряду предлагаемыхъ мѣръ внѣ-церковнымъ собраніямъ отводится видное мѣсто *).

Въ самое послѣднее время ревностнымъ пропагандистомъ штундизма въ лютеранской церкви выступилъ докторъ Эмиль Зульце, пасторъ одной изъ лютеранскихъ церквей въ Дрезденѣ. Довольно обширная статья его подъ заглавіемъ: „Что препятствуетъ надлежащей организаціи церковныхъ общинъ?“ появилась на дняхъ въ еженедѣльномъ духовномъ журналѣ „*Protestantische Kirchenzeitung für das evangelische Deutschland*“ **)

Въ своей статьѣ авторъ затрогиваетъ одинъ изъ жгучихъ вопросовъ, выдвинутыхъ современною жизнію, а именно вопросъ о наиболѣе цѣлесообразной организаціи церковныхъ общинъ. Находя настоящее положеніе большинства лютеранскихъ приходо́въ весьма неутѣшительнымъ вслѣдствіе пассивнаго, формальнаго отношенія паствы къ своимъ обязанностямъ, Эмиль Зульце предлагаетъ рядъ мѣръ для реорганизаціи церковныхъ общинъ на началахъ, соответствующихъ духу протестантской церкви. Въ числѣ факторовъ, способныхъ „поднять“ церковную жизнь въ приходяхъ и приблизить ее къ идеалу, начертанному отцемъ реформаціи, по мнѣнію автора, первенствующее значеніе должно принадлежать именно внѣ-

*) Подробнѣе смотр. въ «Христ. Чтеніи», въ статьѣ: „Очерки и извѣстія изъ жизни сектантства и сепаратизма въ Германіи“.

**) № 33, 19 августа. *Protestantische Kirchenzeitung*—органъ либеральной фракціи протестантскихъ богослововъ, группирующихся около такъ называемаго „*Protestantenverein*“.

богослужебнымъ собраніямъ. „Подъ ледянымъ дыханіемъ іерархическаго періода, пишеть онъ, церковная жизнь въ общинахъ пришла въ оцѣпенѣніе. Слово Божіе и таинства, возвращенія (?) намъ реформаціей, представляютъ собою живительные солнечные лучи, пытающіеся расплавить ледъ. Но этого недостаточно: ледъ слѣдуетъ разбить, потокъ религіозной жизни долженъ свободно разлиться въ общинахъ; иначе не можетъ быть возрожденія для нашей церкви. Никто не можетъ оспаривать того факта, продолжаетъ авторъ, что нынѣ во всякомъ гимнастическомъ и пѣвческомъ фрейнѣ жизнь пульсируетъ сильнѣе, чѣмъ въ нашихъ церковныхъ общинахъ, что въ первыхъ въ гораздо большей степени примѣняются къ дѣлу слова: „страдаетъ-ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены, славится-ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены. Конечно любовь къ ближнимъ никогда не можетъ изсякнуть въ царствѣ Божіемъ, но церковь, которая не въ состояніи осуществить ее надлежащимъ образомъ въ общинахъ, неминуемо должна погибнуть, и именно потому, что ей недостаетъ необходимой внутренней силы и способности воспитать народъ такъ, чтобы христіанскіе начала проникли во всѣ стороны его жизни и дѣятельности“.

„Итакъ чего-же я хочу? спрашиваетъ Эмиль Зульце и отвѣчаетъ: я не имѣю ни малѣйшаго желанія уменьшать значеніе нашихъ церковныхъ службъ, во время конхъ предлагаются (betätigen)*) Слово Божіе и таинство; онѣ должны оставаться тѣмъ, чѣмъ являются въ настоящее время. Но не желая подвергать ихъ измѣненіямъ, я имѣю въ виду добавить къ нимъ нѣчто новое: помимо церковныхъ богослуженій, рядомъ съ ними (ausser und neben den Gottesdiensten) слѣдуетъ представить членамъ церковныхъ общинъ случай для *свободнаго* церковнаго общенія, благодаря которому они могли-бы ближе узнать другъ друга и пріобрѣсти солидарность интересовъ и стремленій. Такимъ путемъ, по мнѣнію автора, выработается цементъ (Kitt), который будетъ въ состояніи сплотить общину въ одно цѣлое. „Тогда проповѣднику не будетъ болѣе на-

*) Журналъ имѣетъ свою особенную орфографію.

добности употреблять особыя усилія, дабы добыть себѣ слушателей (публику); онъ найдетъ предъ собою уже организованную общину, гдѣ каждый принимаетъ къ сердцу интересы цѣлой общины“. Какимъ же образомъ можно устроить такое свободное общеніе между членами церковной общины? Авторъ полагаетъ, что для рѣшенія этого вопроса слѣдуетъ обратиться къ первоначальнымъ временамъ существованія Церкви Христовой и здѣсь искать себѣ отвѣта. „Вечери любви“ (агапы)—вотъ образецъ такихъ собраний, и нѣтъ ничего легче возобновить ихъ въ лютеранской церкви. Гернгутеры, говоритъ авторъ, отъ которыхъ мы могли-бы многому поучиться, если-бы не удерживала насъ отъ этого всѣмъ извѣстная (!) косность, могутъ служить и въ настоящемъ случаѣ примѣромъ, достойнымъ подражанія: они съ большимъ успѣхомъ возобновили вечера любви. Правда, они устроили ихъ на свой манеръ, которому нѣтъ нужды слѣпо слѣдовать, но „кое-что“ лучше, чѣмъ „ничего“. Въ Саксонской церкви въ былое время также ощущался „огромный пробѣлъ“, вызванный устраненіемъ всякаго общенія членовъ прихода между собою; но теперь отчасти онъ восполненъ благодаря достоинству „семейныхъ вечеровъ“. Это очень простая вещь. Конфирмованные члены прихода приглашаются собраться въ какой-нибудь залъ. Здѣсь церковный хоръ исполняетъ нѣсколько номеровъ церковныхъ пѣснопѣвій, будучи сопровождаемъ музыкой или же безъ оной. Отъ времени до времени заставляютъ пѣть цѣлое собраніе. Тутъ-же устроятся чтенія (Vorträge) по исторіи христіанской Церкви и христіанской жизни, въ короткихъ словахъ сообщается о положеніи прихода, его нуждахъ, и прежде всего о благотворительныхъ дѣлахъ. Здѣсь же присутствующіе свободно заявляютъ о своихъ потребностяхъ и подвергаютъ ихъ совмѣстному обсужденію. Въ началѣ и концѣ собраний присутствующимъ дозволяется за-просто бесѣдовать между собою, въ цѣляхъ ближайшаго знакомства другъ съ другомъ... „Дабы избѣжать всякаго рода возраженій, я еще разъ настойчиво повторяю, говоритъ авторъ, что имѣю въ виду не „всякое“ собраніе, но лишь такое, которое носитъ строго-религіозный и церковный характеръ. Ни

на минуту не слѣдуетъ забывать, что именно члены одного и того-же прихода вступаютъ въ сношеніе между собою и что они образуютъ собою одно цѣлое“. „Для успокоенія боязливыхъ умовъ“ авторъ прибавляетъ, что онъ „впчуть не помышляетъ о церковно-политической организаціи. Я хочу, говоритъ онъ, устроить собранія для всѣхъ корфирмованныхъ членовъ общины—мужчинъ и женщинъ. Цѣль собраній—не въ томъ, чтобы принимать тѣ или другія церковно-политическія рѣшенія, но пробуждать любовь и участіе въ членахъ общины къ богоугоднымъ дѣламъ, напоминать имъ о конечныхъ задачахъ человѣческаго существованія“...

Итакъ, нѣмецкій штундизмъ не есть извѣстная секта или религіозная партія въ протестантствѣ. Это необходимо имѣть въ виду, потому что нѣкоторые изслѣдователи русской штунды, рѣшая вопросъ о зависимости этой послѣдней отъ нѣмецкой, основываются въ своихъ сближеніяхъ и выводахъ исключительно или преимущественно на сходствѣ, какое онѣ подмѣтили во внѣшней организаціи русской штунды и соответствующаго ей нѣмецкаго „прототипа“. Между тѣмъ принятая ими за критерій внѣшняя организація, почти въ одинаковомъ видѣ, свойственна не только всѣмъ родамъ піѣтизма, но какъ мы уже сказали, и многимъ сепаративнымъ обществамъ и даже нѣкоторымъ сектамъ. Поэтому-то нѣтъ ничего удивительнаго, если неустойчивый и фальшивый критерій приводитъ нашихъ изслѣдователей къ различнымъ выводамъ и тѣмъ самымъ даетъ поводъ къ излишнимъ препирательствамъ и бесполезной полемикѣ. Одни (еп. Порфирій, г. Значко-Яворскій, г. Молчановъ) производятъ русскую штунду отъ нѣмецкой, переселившейся съ Вюртембергцами на берега Чернаго моря, другіе (кн. Мещерскій) обвиняютъ въ появленіи штунды г. Цашкова; иные (Г. П. Л...овъ въ „Кіевлянинѣ“) доказываютъ, что русская штунда—ни Шценерова штунда, ни лютеранство, а баптизмъ; существуетъ и такое мнѣніе, что русскіе штундисты не что иное, какъ социалисты и коммунисты.

Нѣтъ сомнѣнія, не вылейся секта въ форму „штундизма“, едва-ли-бы было возможно такое разнорѣчіе въ вопросѣ о происхожденіи и сущности русской штунды.

Другая ошибка, въ которую впадаютъ изслѣдователи штунды,—это то, что они забываютъ принимать во вниманіе совершающійся процессъ развитія секты, что теперешняя малорусская (?) штунда уже далеко не то, чѣмъ была она на первыхъ порахъ. Но при рѣшеніи вопроса о происхожденіи той или другой секты этотъ фактъ необходимо всегда имѣть въ виду, и лишь первичная форма секты можетъ направить наши изысканія на правильный путь.

Если нѣмецкій штундизмъ имѣетъ лишь формальное значеніе,—есть не что иное, какъ только „методъ“ или внѣшняя организація, усвоенная различными религіозными партіями и сектами, то понятно, что въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи русской штунды существенное, рѣшающее значеніе имѣетъ не внѣшняя организація секты, а ея внутренняя сторона: ея ученіе и нравственно-жизненные принципы, т. е. то, что служитъ содержаніемъ данной формы. Въ данномъ случаѣ важно знать не то, что русскіе штундисты „замѣняютъ (всегда-ли?) церковное богослуженіе частными собраніями въ домахъ, гдѣ читаютъ Св. Писаніе, объясняютъ прочитанное, произносятъ молитвы, поютъ стихи и духовныя пѣсни“, а то, *какъ* они объясняютъ Св. Писаніе, *что* предпочтительно читаютъ, *какія* произносятъ молитвы, *какіе* поютъ стихи и псалмы и т. д. и т. д. Впрочемъ знаніе и этого еще недостаточно; оно окажется плодотворнымъ только тогда, когда изслѣдователь будетъ имѣть возможность сопоставить, *сличить* нашу штунду съ нѣмецкимъ штундизмомъ, что въ свою очередь требуетъ близкаго знакомства съ послѣднимъ.

Мы намѣрены дать здѣсь краткую характеристику тѣхъ видовъ нѣмецкаго штундизма, которые, по нашему мнѣнію, имѣютъ извѣстное сродство съ нашею штундою, и потому должны быть приняты во вниманіе при рѣшеніи вопроса о зависимости русской штунды отъ нѣмецкаго штундизма, предоставляя всестороннее изслѣдованіе предмета лицамъ, непосредственно заинтересованнымъ въ рѣшеніи намѣченныхъ нами вопросовъ. Во избѣжаніе недоразумѣній считаемъ необходимымъ сдѣлать слѣдующую оговорку. Говоря о различныхъ типахъ нѣмецкаго штундизма, мы разумѣемъ при этомъ видо-

измѣненіе его, смотря по содержанію, влагаемому тою или другою религіозною партіей, сектою въ штундовую дисциплину; именно это содержаніе, а не форма сама по себѣ, кладетъ извѣстный отпечатокъ на штундовыя собранія и такимъ образомъ даетъ намъ право трактовать о различныхъ типахъ нѣмецкаго штундизма.

1. Штундизмъ піэтистовъ.

Какъ извѣстно, существуетъ три главныхъ вида нѣмецкаго піэтизма: а) Нидерландскій (реформатскій), б) Галльскій (Шпенеро-франксскій) и в) Вюртембергскій. Въ каждомъ изъ нихъ штундизмъ играетъ важную, можно сказать—перведствующую роль, служа средствомъ для проведенія въ жизнь религіозно-нравственныхъ принциповъ піэтизма. Штундизмъ въ піэтизмѣ—это тотъ своеобразный „методъ“, посредствомъ коего члены общества становятся дѣятельными проводниками піэтизма въ семействѣ и обществѣ; частныя собранія служатъ образцомъ дисциплины, которая должна господствовать въ семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ. Однимъ словомъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ своего рода „опытомъ христіанизациі“, причемъ *каждый* является *активнымъ* дѣятелемъ въ томъ кругу, который доступенъ его вліянію.

Вслѣдствіе столь важнаго значенія, какое имѣютъ въ піэтизмѣ „Conventikel“, нѣкоторые изслѣдователи піэтизма рѣшаются даже отождествлять этотъ послѣдній съ штундизмомъ, т. е. весь піэтизмъ сводятъ просто на-просто къ штундизму. Подобный взглядъ высказываетъ и Хр. Пальмеръ, авторъ прекраснаго труда „Die Gemeinschaften und Sekten Württembergs“. Вооружаясь противъ различныхъ *научныхъ* опредѣленій піэтизма *), почтенный авторъ старается доказать, что піэтизмъ

*) Вотъ для примѣра нѣкоторыя изъ этихъ опредѣленій; Pietismus—*malum religiosum* (Ernst Löscher); піэтизмъ тоже, что мистицизмъ (раціоналисты-теологи); піэтизмъ—переходная ступень отъ церковной ортодоксіи къ спекулятивному богословію, отъ Лютера къ Страусу (Bretschneider и Märklin); піэтизмъ—сама въ себѣ замкнутая религіозность (Dorner); піэтизмъ—реакція противъ „sola fide“ (Hengstenberg); піэтизмъ заключается въ нарушеніи равновѣсія между чувствомъ грѣховности и чувствомъ спасенія (Гундесгагенъ)... Пальмеръ, стр. 58—68.

имѣеть лишь чисто формальное, педагогическое значеніе и какъ таковой чуждъ всякой враждебной церкви тенденціи.

„Подъ именемъ піэтизма, говоритъ онъ, разумѣются тѣ обнаруженія религиозной жизни, которыя находятъ себѣ выраженіе въ обществахъ, не имѣющихъ особаго наименованія... Члены этихъ обществъ или фрейновъ усердно посѣщаютъ богослуженіе, вмѣстѣ съ прочими пріемлютъ здѣсь св. тайны и вообще обнаруживаютъ живой, чуждый всякаго своекорыстія, интересъ ко всему, что служитъ къ улучшенію религиознаго состоянія прихода“.

Но кромѣ общественнаго богослуженія они собираются еще регулярно въ частныхъ домахъ „um Stunde zu halten“, т. е. въ цѣляхъ назиданія посредствомъ пѣнія, молитвы, изъясненія библейскаго текста и дружеской бесѣды о пережитыхъ духовныхъ испытаніяхъ *). Въ другомъ мѣстѣ, возражая противъ Бретшнейдера, Пальмеръ заявляетъ, что „піэтизмъ не есть особое ученіе (eine besondere Lehre), а—общество, извѣстная форма жизни“ **). „Если исключить хилиастическія воззрѣнія, укоренившіяся здѣсь (въ Вюртемб. піэтизмѣ) со времени Бенгеля и признаваемые многими за шиболеть правовѣрія, говоритъ онъ еще въ другомъ мѣстѣ, — то окажется, что догматика и мораль піэтизма тѣ-же самыя, что въ протестантской церкви“ ***).

Мы же имѣемъ въ виду входитъ здѣсь въ разсмотрѣніе того, насколько взглядъ почтеннаго автора соответствуетъ дѣйствительности. Для насъ важенъ самый фактъ возможности такого взгляда, достаточно ясно свидѣтельствующій о чрезвычайно важной роли шундизма въ піэтизмѣ ****).

Въ слѣдующихъ письмахъ мы постараемся опредѣлить отличительныя свойства каждаго изъ указанныхъ нами видовъ піэтизма въ связи съ усвоенной ими шундовой организаціей.

Діаконъ П. Булянецвъ.

*) Пальмеръ, стр. 54. **) Тамъ-же, стр. 60. ***) Тамъ-же, стр. 63.

****) Желающихъ познакомиться съ исторіей піэтизма и его историческимъ значеніемъ отсылаемъ къ труду Г. Н. Нецаева: „Піэтизмъ и его историческое значеніе“. Москва. 1873 г.

БЕЗСМЕРТІЕ ДУШИ.

(Продолженіе *)

II.

Психологическое доказательство безсмертія души.

Онтологическое доказательство безсмертія души хотя и приводит насъ къ признанію этой истины, но путемъ косвеннымъ. Отстраняя всѣ возможные предположенія о происхожденіи въ нашемъ умѣ идеи безсмертія изъ причинъ частныхъ и случайныхъ, оно приводитъ насъ къ единственно возможному заключенію, что эта идея есть существенно принадлежащее нашему разуму понятіе и, какъ такое, по своему гносеологическому характеру, есть необходимое выраженіе самосознанія нашей души объ одномъ изъ своихъ существенныхъ свойствъ и потому въ самой себѣ заключаетъ ручательство своей истины. Но оно не указало еще никакихъ положительныхъ основаній для этого вывода. Для этого мы должны обратить вниманіе на самую нашу душу и рѣшить вопросъ: дѣйствительно-ли свойства ея такого рода, что могутъ приводить къ мысли о ея безсмертіи?

Чтобы въ виду факта разрушенія и уничтоженія всѣхъ вещественныхъ, окружающихъ насъ предметовъ и самаго нашего тѣла имѣть право приписывать душѣ противоположное свойство, мы очевидно должны предварительно доказать самостоятельность духовнаго начала въ человѣкѣ и существенное отлічіе его отъ предметовъ матеріальныхъ. Но полное раскрытіе

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 18.

ученія о невещественности души и защита этой истины отъ возраженій матеріалистовъ, признающихъ нашу душу простымъ феноменомъ вещественной природы, составляетъ самостоятельный предметъ изслѣдованія въ раціональной психологіи. Въ ученіи о безсмертіи души мы беремъ эту мысль какъ необходимое *предположеніе* и потому должны ограничиться только краткимъ указаніемъ на главные черты противоположности между душою и тѣломъ, которыя могутъ служить основаніемъ для заключенія и о противоположности ихъ по отношенію къ продолженію бытія.

Самыя общія формы, условливающія собою и опредѣляющія бытіе конкретныхъ предметовъ, суть: пространство, время и зависящее отъ того и другаго — движеніе. Но въ отношеніи къ этимъ формамъ душа и тѣло представляютъ существенныя отличія.

а) Каждое вещественное тѣло занимаетъ опредѣленное мѣсто въ пространствѣ. Ближайшій результатъ ограниченія каждаго предмета пространствомъ есть его слагаемость изъ частей и потому — дѣлимость, которая простирается такъ далеко, сколько можетъ слѣдить за нею наше зрѣніе, само-ли по себѣ или при помощи научныхъ пособій. Душа напротивъ составляетъ недѣлимое цѣлое; никто не можетъ ни механически раздробить, ни химически разложить наше я на нѣсколько отдѣльныхъ частей или указать атомы, изъ которыхъ оно слагается. Далѣе, пространственность предполагаетъ внѣшнее очертаніе или фигуру предмета, понятіе о которой мы получаемъ посредствомъ зрѣнія и осязанія. Но не смотря на близкое отношеніе души и ея различныхъ способностей къ организму и его извѣстнымъ частямъ, мы не можемъ эмпирически опредѣлить ея внѣшнія границы и придать ей какое-либо внѣшнее очертаніе. Наша душа, какъ учили еще древніе философы, безвидна и безобразна (*ἄμορφος*). Наше тѣло и его органы видимы, осязаемы; нашихъ мыслей, представленій, чувствъ, желаній мы не можемъ видѣть глазомъ или улсвить другимъ какимъ-либо внѣшнимъ чувствомъ; о существованіи душевныхъ явленій даетъ намъ знать только внутреннее чувство, самосознаніе, не имѣющее ничего общаго съ отправленіями чувствъ внѣшнихъ. Наконецъ свойство протяженности матеріальныхъ предметовъ выражается въ томъ, что два отдѣльныя тѣла, равно какъ и

двѣ матеріальныя частицы не могутъ одновременно помѣщаться въ томъ-же пространствѣ, по основному физическому закону непроницаемости. Если-бы душа была вещественна, то она не иначе могла-бы существовать въ тѣлѣ, какъ занимая особенное, отдѣльное отъ другихъ органическихъ частей мѣсто, какъ есть въ организмѣ такое мѣсто для каждой изъ его частей и органовъ. Но ни анатомія, ни физиологія не открыли такого незанятаго или пустаго мѣста въ организмѣ, гдѣ-бы могла помѣститься душа. Напротивъ опытъ показываетъ, что психическая жизнь разлита по всему организму, что психическія функціи совершаются параллельно съ функціями органическими и механико-химическими, не выдѣляя для себя въ организмѣ какого-либо мѣста, вопреки физическому закону непроницаемости. То-же явленіе замѣчаемъ мы и во взаимномъ отношеніи частныхъ актовъ душевной жизни. Способности человеческого духа не составляютъ отдѣльныхъ, не смѣшивающихся между собою частей души; они не расходятся и не разъединяются, какъ вѣтви отъ корня или какъ члены въ организмѣ, но совместно дѣйствуютъ въ каждомъ психическомъ актѣ, хотя совместность эта и не ясна непосредственно для сознанія, обращеннаго на одинъ актъ въ одинъ данный моментъ. Мысль, чувство, желаніе, представленіе и пр. взаимно проникаются и существуютъ совместно въ одномъ и томъ-же актѣ душевной жизни. Никогда напр. не бываетъ, что когда я чувствую, то ничего уже не думаю и не представляю, когда я мыслю, то ничего не желаю (въ самомъ мышленіи есть уже желаніе мыслить) и не ощущаю удовольствія или неудовольствія и пр., что необходимо должно-бы быть, если-бы душа была матеріальна и сложна, по вышеупомянутому закону взаимоисключенія протяженныхъ частей, по которому два предмета или двѣ части того-же предмета не могутъ быть въ одно и то-же время въ одномъ и томъ-же мѣстѣ. Вообще должно сказать, что величина экстенсивная, какъ выраженіе пространственности, не имѣетъ приложенія къ душѣ. Ея явленія могутъ быть опредѣляемы только величиною интенсивною, т. е. увеличеніемъ и уменьшеніемъ не объема или количества слагающихся ее частицъ, но силы и напряженности ихъ.

б) Вторая категория, опредѣляющая бытіе вещей, есть категория времени. Самое общее свойство матеріальныхъ предметовъ по отношенію ко времени есть ихъ постоянная измѣчивость. По своему составу ни одинъ вещественный предметъ не остается однимъ и тѣмъ-же, въ немъ постоянно, хотя часто незамѣтно для насъ, дѣйствуютъ химическіе и фізическіе процессы, видоизмѣняющіе и наконецъ разлагающіе и уничтожающіе его. Самое наше тѣло, которое матеріалисты по его природѣ отождествляютъ съ душою, подчинено тому-же закону матеріальнаго бытія. Незмѣнна въ немъ въ теченіи его жизни только образовательная, органическая сила, которая, какъ и въ другихъ органическихъ существахъ, составляетъ низшую степень психическаго начала; матеріальныя же частицы тѣла въ каждый моментъ постоянно мѣняются, прибываютъ и исчезаютъ путемъ ассимилированія и выдѣленія различныхъ неорганическихъ элементовъ. Физиологія говоритъ намъ, что наше тѣло въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ совершенно обновляется и одна масса матеріальныхъ частицъ уступаетъ мѣсто другой. Совершенно другой законъ,—законъ постоянства и неизмѣнности, господствуетъ въ нашей душѣ. Наша личность сохраняется тождественною и неизмѣнною среди самыхъ разнообразныхъ измѣненій тѣла, среди прилива и отлива самыхъ разнородныхъ впечатлѣній. Если-бы она была чѣмъ-либо матеріальнымъ или существенно соединена съ какою-либо матеріальною частью организма, то съ постояннымъ измѣненіемъ ея матеріальнаго субстрата и она не могла бы оставаться тою же личностью; наше сознаніе не могло-бы быть тождественнымъ при постоянной смѣнѣ производящихъ его матеріальныхъ частицъ. Правда, частныя феномены психической жизни, при тождествѣ и постоянствѣ нашего я, служащаго ихъ основою, представляются намъ измѣчивыми. Но эта измѣчивость совершенно иного рода, чѣмъ измѣчивость матеріальныхъ частицъ въ организмѣ; она состоитъ не въ исчезновеніи однихъ психическихъ феноменовъ и замѣнѣ ихъ новыми, но въ ихъ психическомъ видоизмѣненіи и преобразованіи. Разнородная масса впечатлѣній, представленій, которыя душа получаетъ отъ-внѣ, вовсе не находится къ душѣ въ такомъ же отноше-

ни, въ какомъ матеріальныхъ частицы, отъ-внѣ входящія въ составъ нашего организма, къ нашему тѣлу. Эти частицы сперва ассимилируются организмомъ, затѣмъ совершенно извергаются имъ и замѣняются новыми. Напротивъ, все воспринятое отъ-внѣ душою и само одухотворяется, принимая на себя характеръ постоянства и неизмѣнности. Образъ предмета, представленіе его, хранится въ душѣ, тогда какъ самый предметъ измѣнился и исчезъ. Извѣстепъ психологическій фактъ, что ничто пріобрѣтенное душою не теряется; это доказываетъ не только обыкновенное явленіе памятованія, но и случаи внезапнаго почти чудеснаго возникновенія въ нашемъ сознаніи такихъ представленій, которыя повидимому были совершенно забыты или на которыя въ свое время было обращено лишь самое мимолетное вниманіе. Подобное явленіе было-бы невозможно, если-бы наши представленія были привязаны къ матеріальнымъ частицамъ нашего организма (напр. къ частицамъ мозга); они исчезли-бы съ этими частицами, постоянно обновляемыми въ своемъ составѣ. Храненіе ихъ въ душѣ ясно показываетъ нематеріальный характеръ не только субстанціального начала психической жизни, но и частныхъ проявленій этого начала.

в) Третья категорія, прилагаемая нами къ предметамъ матеріальнымъ и условливаемая отношеніемъ ихъ къ пространству и времени, есть, какъ мы сказали, движеніе. Вникая въ причины движеній въ вещественныхъ предметахъ, находимъ, что онѣ происходятъ всегда отъ дѣйствія на нихъ какихъ-либо внѣшнихъ, постороннихъ имъ предметовъ. Такъ, движенія механическія происходятъ отъ внѣшняго толчка, передаваемого другимъ тѣломъ, которое въ свою очередь получило начало своего движенія отъ другихъ двигателей. Химическое измѣненіе также сводится наукою къ молекулярному движенію атомовъ и объясняется измѣненіемъ положенія ихъ относительно другъ друга. На основаніи невозможности движенія въ матеріи безъ ближайшаго или отдаленнаго дѣйствія на нее другихъ движущихъ силъ или элементовъ, матерія сама по себѣ обыкновенно признается недѣятельною; инерція почитается существеннымъ свойствомъ матеріи. Но совершенно иного рода свойство мы замѣчаемъ въ нашей душѣ. Уже въ тѣлѣ нашемъ

подъ вліяніемъ органической силы, постоянно совершаются явленія движенія, не зависящія отъ дѣйствія внѣшнихъ механическихъ или химическихъ агентовъ, совокупность которыхъ мы называемъ жизненными явленіями. Въ нашей душѣ есть конечно своего рода движенія или измѣненія, возбуждаемая дѣйствіемъ внѣшнихъ предметовъ на чувства. Но гораздо больше такихъ явленій, которыя неоспоримо показываютъ, что душа сама въ себѣ заключаетъ силу измѣненія; она выражаетъ себя въ своей дѣятельности независимо отъ принудительныхъ внѣшнихъ вліяній или побужденій, даже вопреки имъ, дѣйствуя единственно изъ своего внутренняго начала. Я могу сдѣлать это и не сдѣлать; могу сдѣлать не только на основаніи внѣшнихъ побужденій, но и на основаніи внутреннихъ мотивовъ моихъ дѣйствій, напр. могу переносить голодь, вопреки требованій организма работать, не смотря на усталость и т. п. Такого рода способность души свободно производить различнаго рода дѣйствія безъ всякихъ внѣшнихъ возбужденій, — способность, ничего подобнаго которой не замѣчаемъ въ предметахъ матеріальныхъ, указываетъ опять на существенное отличіе духовнаго начала отъ матеріальнаго. Немеханическія, жизненныя движенія въ организмѣ, свободныя дѣйствія въ душѣ составляютъ ясный контрастъ съ инерціею матеріальныхъ предметовъ.

Такимъ образомъ, рассматривая всеобщія категорическія опредѣленія бытія: пространство, время, движеніе, въ ихъ отношеніи къ психическимъ и физическимъ явленіямъ, находимъ между тѣми и другими существенное различіе, на основаніи котораго заключаемъ и о различіи началъ (субстанцій), лежащихъ въ основѣ тѣхъ и другихъ. Душѣ мы приписываемъ несложность (простоту), единство, неизмѣнность субстанціи и не механичность совершающихся въ ней движеній, что на нисней и самой общей степени называемъ жизнію, на высшей — свободою.

г) Еще яснѣе выступаетъ на видъ различіе свойствъ психическихъ и физическихъ, когда мы отъ общихъ отношеній ихъ къ пространству и времени обратимся къ качественнымъ опредѣленіямъ тѣхъ и другихъ. Здѣсь, въ обнаруженіяхъ психическаго начала встрѣчаемъ такія качества, ничего подоб-

паго которымъ не находимъ не только въ предметахъ чисто матеріальныхъ, но и органическихъ. О качественныхъ свойствахъ предметовъ вещественныхъ мы получаемъ повятіе посредствомъ чувствъ внѣшнихъ; эти свойства общеизвѣстны; они суть цвѣтъ, плотность, запахъ, вкусъ и пр. Ни одного изъ этихъ свойствъ мы не можемъ приписать явленіямъ психическимъ. Въ замѣнъ этихъ физическихъ свойствъ душа наша обнаруживаетъ такого рода своеобразныя явленія, которыя совершенно не мыслимы въ предметахъ матеріальныхъ, напр. мысли, чувствованія, желанія. Наиболее характеристическое изъ этихъ явленій, лежащее въ основѣ всѣхъ другихъ, есть сознаніе, которое, начиная отъ простаго самоощущенія, постепенно восходитъ до самосознанія. Предъ феноменомъ сознанія слагаютъ свое оружіе наиболее научные матеріалисты, откровенно признаваясь, что его нельзя объяснить, даже и тогда, если-бы матеріализму удалось объяснить съ своей точки зрѣнія всѣ другія психическія явленія *).

Итакъ душа и тѣло противоположны по всѣмъ существеннымъ своимъ свойствамъ. Какого же рода заключеніе мы можемъ вывести отсюда по отношенію къ занимающему насъ вопросу о безсмертіи души?

Такъ какъ душа противоположна матеріальнымъ предметамъ, въ частности нашему тѣлу, въ какой мѣрѣ оно матеріально, по всѣмъ кореннымъ свойствамъ, то мы вправѣ съ вѣроятностію заключить, что она должна быть противоположна и въ отношеніи къ неизвѣстному еще намъ свойству, — продолжасмости бытія по смерти тѣла. Если предметы вещественные, въ слѣдствіе своихъ физическихъ свойствъ, подвержены разрушенію и уничтоженію, то душа въ силу своей особенной природы должна быть неразрушимою, безсмертною. Очевидно, подобнаго рода заключеніе есть своего рода обратная аналогія, то есть, — здѣсь мы изъ несходства или противоположности двухъ предметовъ въ очень многихъ свойствахъ заключаемъ къ ихъ несходству и противоположности въ искомомъ нами, неизвѣстномъ еще свойствѣ. Такого рода умозаключеніе, по теоріи

*) См. замѣчательную рѣчь Дю-Буа-Реймона: „О предѣлахъ естествознанія“, въ приложеніи къ „Прав. Обозрѣнію“ 1878 г., январь.

аналогическихъ умозаключеній, имѣетъ значительную степень вѣроятности, но конечно не болѣе какъ вѣроятности, сообразно логическому значенію подобнаго рода заключеній; потому что сходство (а равно и несходство) двухъ предметовъ во многихъ отношеніяхъ не говоритъ еще, что они сходны или несходны и въ другихъ съ полною несомнѣвностію. Всегда возможно сомнѣвіе и предположеніе, что несходные предметы, при всемъ ихъ несходствѣ, именно въ данномъ искомомъ отношеніи, могутъ оказаться сходными. Конечно, вѣроятность представленнаго нами заключенія очень велика, потому что количество несходныхъ признаковъ между сравниваемыми объектами (душею и тѣломъ) очень значительно и признаки эти не суть случайные, а существенные; тѣмъ не менѣе оно по самому характеру своему въ той аналогической формѣ, въ какой представлено нами, не можетъ имѣть притязанія на полную достовѣрность и доказательность.

Чтобы оно получило такое значеніе, мы должны обратить вниманіе на самыя свойства души, чтобы изъ анализа ихъ вывести необходимость того заключенія, которое простое и общее сравненіе этихъ свойствъ дѣлало только вѣроятнымъ.

Изъ этихъ свойствъ наиболѣе значенія для насъ имѣютъ два: такъ называемая *простота* или несложность души и ея *самодѣятельность*.

Что касается до перваго свойства, то изъ него очевидно слѣдуетъ, что душа, какъ существо простое и несложное, не можетъ быть раздѣлена на части, раздроблена или разложена подобно предметамъ физическимъ. Но съ этимъ вмѣстѣ для нея устраняется и возможность уничтоженія, подобная той, которая имѣетъ мѣсто въ предметахъ матеріальныхъ въ силу ихъ противоположнаго свойства, — дѣлимости. Предметъ вещественный можетъ быть уничтоженъ посредствомъ простаго механическаго раздробленія или посредствомъ химическаго разложенія его частей, вслѣдствіе неблагоприятныхъ для его существованія условій. Такого рода разъединеніе или разложеніе матеріальныхъ частицъ, составляющихъ въ ихъ связи дѣлность предмета, не только есть единственная причина уничтоженія чисто матеріальныхъ, неорганическихъ предметовъ, но и слу-

жить по большей части причиною прекращенія бытія или смерти существъ органическихъ. Результатомъ неблагопріятныхъ вѣдшнихъ вліяній на нашъ напр. организмъ, не говоря о чисто механическихъ его поврежденіяхъ, обыкновенно бываетъ постепенное или быстрое разложеніе химическихъ соединеній, пужныхъ для здоровья и цѣлости организма, дальнѣйшимъ слѣдствіемъ чего бываетъ остановка органической жизнеспособности, смерть и окончательное разложеніе тѣла. Душа, по своей нематеріальной сущности, по своей недѣлимости и неразлагаемости на какіе-либо простые элементы, не можетъ быть доступна и вліянію того разлагающаго дѣйствія физическихъ причинъ, которое производитъ разрушеніе физическое; причины, производящія смерть тѣла, ея не касаются. Не будучи по своей природѣ разложима на составныя части, она могла-бы погибнуть развѣ чрезъ моментальное исчезновеніе или уничтоженіе; но уничтожать душу никакая физическая сила не можетъ, также какъ и въ мірѣ физическомъ никакая сила не можетъ уничтожить простаго и недѣлимаго по своей природѣ, т. е. атома. Возможно разложеніе комплекса или сочетанія атомовъ, слагающихъ извѣстное тѣло, и чрезъ то уничтоженіе этого тѣла; но самыя атомы, какъ элементарныя частицы безусловно недѣлимыя, уничтожены быть не могутъ. Душа, по своей простотѣ и несложности, дѣйствительно можетъ быть въ этомъ отношеніи сравниваема съ физическими атомами, в если наука считаетъ возможнымъ допустить неразрушаемость атомовъ, то она должна допустить и неразрушимость или безсмертіе душъ, какъ духовныхъ, особеннаго рода недѣлимыхъ началъ психической жизни.

Этого рода доказательство безсмертія души, при всемъ своемъ значеніи, не свободно впрочемъ отъ возраженій, указывающихъ на его слабыя стороны.

Мы не считаемъ особенно важнымъ то возраженіе, что въ силу этого доказательства мы должны-бы допустить не только существованіе души послѣ смерти тѣла, но и существованіе ея до соединенія съ тѣломъ,—словомъ вѣчность ея, что слѣдовательно оно доказываетъ, какъ говоритъ логика, „больше надлежащаго“. Если, говорятъ, душа по своей простотѣ и недѣ-

лимости тоже, что атомъ, то она должна имѣть и всѣ свойства атома; но каждый атомъ, прежде чѣмъ вошелъ въ данное физическое или химическое соединеніе, существовалъ и до этого соединенія въ безчисленномъ множествѣ другихъ комбинацій вещества, равно какъ и будетъ существовать въ такихъ-же комбинаціяхъ и въ безконечное, послѣдующее время, потому что атомъ, въ силу своей простоты, вѣченъ. Между тѣмъ ни опытъ ничего намъ не говоритъ о предсуществованіи душъ, ни разумъ не можетъ допустить его, не вызвавъ безчисленныхъ и неразрѣшимыхъ затрудненій *).

Не говоря о ложности основнаго предположенія этого возраженія, о вѣчности атомовъ, оно грѣшитъ тѣмъ, что проводитъ аналогію между физическими атомами и душами дальше, чѣмъ слѣдуетъ. Положимъ, атомы, если и не вѣчны, то какъ первооснова всего матеріальнаго бытія, созданы Богомъ первоначально и прежде опредѣленныхъ вещей. Но нѣтъ никакой необходимости приурочивать происхожденіе душъ къ происхожденію первыхъ элементовъ матеріальнаго бытія, почитать то и другое одновременнымъ. Изъ того, что эти элементы созданы вдругъ, первоначально и затѣмъ отъ начала міра переходятъ изъ одной комбинаціи въ другую, не прибавляясь и не умаляясь въ своемъ числѣ (количество матеріи одинаково), не слѣдуетъ, чтобы такимъ-же образомъ произошли и духовныя простыя сущности (души). Они могутъ являться въ мірѣ, путемъ-ли творенія или происхожденія отъ родителей, послѣдовательно и постепенно; поэтому и продолженіе ихъ бытія, послѣ явленія въ мірѣ, нисколько не обязываетъ насъ допускать ихъ существованіе въ мірѣ до этого явленія,—т. е. безсмертіе души не предполагаетъ ея предсуществованія. Далѣе, аналогія между атомомъ и душою въ представленномъ нами возраженіи проведена невѣрно и въ другомъ еще отношеніи. Физическій атомъ самъ по себѣ безжизненъ и не существуетъ отдѣльно; только известная комбинація атомовъ можетъ образовать какое-либо неорганическое

*) Это возраженіе мы находимъ у Юма въ его трактатѣ о безсмертіи души. (Ubers. v. Paulsen. 1877. p. 157), у Бюхнера въ его: Kraft und Stoff (1864. p. 200) и у другихъ.

тѣло или предметъ природы. Наша душа есть существо живое, заключающее само въ себѣ начало развитія и возможность психической жизни; поэтому для нея вѣтъ нужды, для продолженія своего личнаго существованія по разрушеніи организма, входить въ комбинацію съ какими-либо другими физическими атомами, какъ входить въ такую комбинацію каждый матеріальный элементъ по разрушеніи даннаго предмета.

Важнѣе то возраженіе противъ представленнаго нами доказательства безсмертія души, что допуская такое безсмертіе на основаніи ея невещественности и въ слѣдствіе этого—простоты и несложности, мы должны допустить вмѣстѣ съ тѣмъ и безсмертіе душъ животныхъ. Сходныя съ обнаруженіями духовнаго начала въ человѣкѣ явленія въ жизни животныхъ, на примѣръ разумность дѣйствій, общія съ человѣкомъ чувства радости, гнѣва, страха и т. п., необходимо заставляютъ предполагать и въ нихъ аналогическое съ человѣческимъ начало жизни,—душу; но это начало не можетъ быть матеріальнымъ, слѣдовательно физически дѣлимымъ и разрушимымъ. Поэтому, если простота и несложность души въ человѣкѣ имѣетъ слѣдствіемъ ея безсмертіе, то такое-же слѣдствіе мы должны допустить и относительно души животныхъ,—мысль неудобоприемлемая и не раздѣляемая даже, въ противорѣчіе себѣ, защитниками безсмертія души *). Но возражающіе такимъ образомъ забываютъ о существенномъ, специфическомъ отличіи души человѣка отъ душъ животныхъ. Въ этой особенноти человѣческой души, въ ея самосознаніи, разумѣ, свободѣ, заключается то объединяющее начало, которое сдерживаетъ, такъ сказать, всѣ ея психическія свойства и проявленія въ единомъ и нераздѣльномъ личномъ я, освобождаетъ ихъ отъ узъ зависимости отъ органической жизни, препятствуя имъ исчезать съ прекращеніемъ условій этой жизни, какъ у животныхъ. У животныхъ начало психической жизни конечно есть начало не матеріальное; но обнаруженіе этого начала состоитъ въ тѣсной зависимости отъ организма; поэтому съ разрушеніемъ послѣдняго прекращается и индивидуальная жизнь животнаго. Для продолженія этой жизни необходимо новое соединеніе пси-

*) См. Юма и Бюхнера цит. выше сочлененія.

хического или органическаго начала съ веществомъ, что и достигается путемъ преемственныхъ рожденій однихъ органическихъ существъ отъ другихъ. И у человѣка, въ теченіе его земной жизни, психическое начало находится въ соединеніи съ матеріальными элементами его организма; но превосходство и особенность его духовной природы предъ началомъ психической жизни животныхъ въ томъ именно и состоятъ, что такое соединеніе есть только временная стадія въ его развитіи; его духъ не связанъ съ организмомъ существенно и необходимо, и потому не лишенъ возможности существованія и внѣ организма и матеріальныхъ его условій *).

Болѣе для насъ имѣетъ значеніе то возраженіе противъ доказательства безсмертія души, основаннаго на понятіи ея простоты, что оно хотя обезпечиваетъ неразрушимость души, но не только не въ силахъ доказать сохраненія въ ней самосознанія и личности, но скорѣе ведетъ къ противоположному мнѣнію, слѣдовательно и не доказываетъ безсмертія души въ точномъ смыслѣ слова, какъ продолженія посмертнаго существованія нашего сознательнаго я. Первооснова нашей души или субстанція ея, положимъ, не разрушима и безсмертна; но эта первооснова, это психическое начало, какъ показываетъ опытъ, есть нѣчто совершенно простое и безкачественное при рожденіи человѣка. Дѣйствительная душа, *наша* душа съ разнообразіемъ ея силъ, способностей, индивидуальныхъ чертъ, образуется постепенно въ теченіе жизни и такое развитіе ея

*) Впрочемъ, нѣкоторые философы, на основаніи нематеріальности субстанціонныхъ началъ жизни не только человѣка, но и животныхъ, допускали возможность посмертнаго существованія душъ послѣднихъ. Такъ, по мнѣнію Лейбница свойство неразрушимости обще человѣческой душѣ со всѣми прочими субстанціями,—монадами. Для субстанцій нѣтъ ни рожденія, ни смерти въ строгомъ смыслѣ слова, а только переходъ изъ одного состоянія въ другое; рожденіе есть не что иное, какъ *evolutio* субстанціи *augmentativa*, а смерть ея *involutio diminutiva*. Поэтому не погибаютъ не только души людей, но и животныхъ; вопли естественны, что души животныхъ, будучи сущностями живыми и организованными, остаются такими навсегда. Смерть есть только сонъ, въ которомъ прекращаются лишь ясныя и раздѣльныя перцепціи, но который не долженъ продолжаться на всегда. (Сводъ касающагося этого предмета мнѣств изъ сочиненій Лейбница, см. у Пихлера въ его: *Die Theologie des Leibnitz*, 1 Th. 1869. 1 Th. p. 361. 362). Къ подобной-же мысли, хотя съ осторожностію и болѣе въ гипотетической формѣ, склоняется и Фихте младшій.

зависитъ отъ воздѣйствія на нее окружающихъ ее физическихъ условій бытія, въ частности нашего организма. Уничтожьте теперь эти условія, разрушите организмъ (что и бываетъ съ смертію тѣла) и душа, положимъ, будетъ существовать, какъ сущность простая и недѣлимая, во всѣ разнообразныя проявленія ея, которыя мы называемъ психическою жизнью и совокупность которыхъ характеризуетъ вашу личность, исчезнуть, за исключеніемъ тѣхъ условій, которыя ихъ вызывали. Здѣсь, для поясненія, можно продолжать аналогію души съ атомомъ. Всѣ атомы одинаково просты, несложны, однопобраны; разнообразіе и индивидуальность, такъ сказать, физическихъ предметовъ происходитъ отъ того, что атомы вступаютъ въ извѣстныя комбинаціи и соотношенія между собою. Уничтожьте эти соотношенія, разъедините атомы, — они конечно останутся, но то, что составляло индивидуальное цѣлое, предметъ, исчезнетъ; останется опять нѣчто простое, матерія, годная для новыхъ комбинацій, но совершенно отличная отъ тѣхъ продуктовъ, которые являлись въ силу соединенія атомовъ. Такъ и душа: она, какъ совершенно простой атомъ, жила и обнаруживала особенности индивидуальной жизни, образовала личность человѣка, когда находилась въ соотношеніи и связи съ другими атомами въ той ихъ комбинаціи, которую мы называемъ нашимъ тѣломъ. Уничтожьте это соотношеніе, — и то, что мы называемъ психическою, индивидуальною жизнью, исчезнетъ; останется одна простая, безсодержательная субстанція, безъ всѣхъ тѣхъ особенностей, какими выражалась лучшая жизнь. Правда, можно сказать, что какъ атомы разложеннаго и уничтоженнаго физическаго тѣла могутъ вступить въ новую комбинацію и составить новое тѣло, такъ и душа, при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ, можетъ оживить какой-либо новый организмъ и начать новую жизнь, но очевидно это будетъ не тотъ уже организмъ, какой былъ прежде; слѣдовательно и соединенная съ нимъ душа будетъ не тою же личностью, какою была прежде; прежняя индивидуальная жизнь съ ея личнымъ сознаніемъ безвозвратно погибла; точно также какъ и физическій атомъ, въ какое-бы новое соединеніе не вступалъ послѣ своего выдѣленія изъ разрушеннаго

тѣла, никогда не будетъ уже находиться въ томъ-же тѣлѣ, въ какомъ былъ прежде.

Это возраженіе имѣло-бы полную силу, если-бы мы остановились исключительно на одномъ свойствѣ души, — ея простотѣ или недѣлимости. Но здѣсь предъ нами выступаетъ другое ея существенное свойство, въ отличіи ея отъ предметовъ матеріальныхъ, — ея *самодѣятельность* или точнѣе сказать, — *саможизненность*. Отличаясь этимъ свойствомъ отъ предметовъ вещественныхъ, она существенно отличается и отъ матеріально-простыхъ элементовъ, — атомовъ, съ которыми она имѣла сходство по качеству недѣлимости. Физическій атомъ, дѣйствительно, самъ по себѣ не обнаруживаетъ никакихъ индивидуальныхъ жизненныхъ свойствъ; только известное соотношеніе или комбинація атомовъ возбуждаетъ эти свойства и производитъ различные конкретные предметы и явленія міровой жизни. Но иное дѣло душа; вслѣдствіе своей невещественной натуры, она обладаетъ способностью не только просто существовать, но и жить, развиваться независимо отъ однихъ только внѣшнихъ соотношеній съ другими матеріальными предметами. Правда, въ настоящей жизни ея развитіе условливается отчасти этимъ соотношеніемъ, частнѣе, — соединеніемъ ея съ тѣломъ и чрезъ его посредство со всѣмъ міромъ. Но въ то же время опытъ показываетъ, что это соотношеніе не единственное и не постоянное условіе ея жизни; одно это соотношеніе ничего не могло-бы произвести, если-бы въ то-же время изнутри самой души не развивались и не дѣйствовали ея собственные, чисто духовныя силы. Уже для самаго простаго воспріятія и ощущенія внѣшнихъ предметовъ посредствомъ чувственныхъ органовъ нужно самостоятельное дѣйствіе психическаго начала, — то, что мы называемъ силою или способностью воспріятія, вниманіемъ. Не говоримъ о дальнѣйшемъ ходѣ психической жизни и всемъ многосложномъ строѣ нашихъ душевныхъ явленій; это заставило бы насъ пройти всю область психологіи и указать несомнѣнно субъективный, независящій отъ внѣшнихъ впечатлѣній элементъ въ нашихъ познаніяхъ (категорическія понятія и идеи), въ самостоятельныхъ опредѣленіяхъ нашей воли, въ нашихъ высшихъ чувствава-

піяхъ (напр. чувство пзпцнаго, релігіозное чувство). Мы должны ограничиться здѣсь лишь тѣмъ общимъ выводомъ всѣхъ раціональныхъ психологическихъ изслѣдованій, что наша душа не есть пассивная только хранительница чуждыхъ ей по природѣ впечатлѣній внѣшняго міра, но начало самодѣятельное, развивающее изъ себя самого различные своеобразные феномены психической жизни, хотя и подъ нѣкоторымъ вліяніемъ внѣшнихъ условій. Она не есть *tabula rasa* сенсуалистовъ или мертвое зеркало, въ которомъ мелькаютъ тѣни и образы окружающихъ ее предметовъ и которое остается снова простымъ, безжизненнымъ зеркаломъ, какъ скоро эти предметы отражаться въ ней не будутъ, что случится съ разрушеніемъ организма съ его чувствами, проводниками внѣшнихъ впечатлѣній; но зеркало, такъ сказать, живое, не только остановившее на себѣ и усвоившее эти впечатлѣнія, но и самостоятельно переработавшее ихъ въ различные роды представленій, понятій и пр.

Все это показываетъ, что душа, какъ существо не только простое, но и саможизненное, можетъ не просто лишь существовать послѣ смерти тѣла, какъ безличная и безкачественная субстанція, но и жить съ сохраненіемъ не только своихъ существенныхъ свойствъ, разума, свободы, сознанія, но и всего пріобрѣтеннаго и своеобразно переработаннаго въ періодъ своего земнаго бытія, что и составляетъ ея индивидуальность. Все это пріобрѣтенное въ силу условій настоящей жизни, — конкретныя впечатлѣнія, мысли, чувствованія и пр., не суть какіе-либо внѣшніе, матеріальные приросты, приставшіе къ ней въ слѣдствіе ея связи съ организмомъ и которые сами собою отпадутъ съ разрушеніемъ послѣдняго, но чисто духовные элементы, неразрывно сплавившіеся съ ея сущностью и не отторжимые отъ нея, такъ какъ эти элементы образованы ея собственной силою, хотя и въ слѣдствіе воздѣйствія на нее чувственного міра.

В. Жудравцевъ.

(Продолженіе будетъ).

ЛАКТАНЦІЙ И ЕГО ФИЛОСОФСКІЯ СУЖДЕНІЯ.

Если вопросъ объ отношеніи между вѣрою и знаніемъ, религіею и философіею, самъ въ себѣ заключаетъ достаточно научнаго интереса для того, чтобы его не могъ пройти молчаніемъ ни одинъ серьезный мыслитель, посвятившій себя изслѣдованію высшихъ вопросовъ доступнаго человѣчеству знанія: то въ частности еще болѣе заключаетъ въ себѣ непосредственнаго интереса вопросъ объ отношеніи между знаніемъ и *христіанскою вѣрою* или — что тоже — между философіею и *христіанскою* религіею.

Само собою понятнo, что представить полную и точную характеристику тѣхъ отношеній, въ которыхъ въ теченіи двухъ тысячелѣтій находились между собою философія и христіанская вѣра, — задача въ высшей степени трудная, тѣмъ болѣе, что отношенія эти были не всегда одинаковы: то христіанскіе мыслители нападали на философію, особенно языческую, то они старались подчинить ее христіанскому богословію, трактуя ее какъ „служанку богословія“, то наоборотъ — философія, принявъ ложное направленіе, становилась въ безусловно враждебныя отношенія къ христіанской вѣрѣ, нападая на нее со всѣхъ сторонъ и объявляя ее историческимъ анахронизмомъ.

Въ какой формѣ отношенія между вѣрою и знаніемъ или — что тоже — между религіею и философіею проявлялись въ *последнее время*, мы имѣли уже случай указать въ своей статьѣ — „Вѣра и знанія, вѣра и жизнь“¹⁾. Теперь же мы намѣрены

---

¹⁾ „Вѣра и Разумъ“ 1885 года, № 2, 3 п. 5.

коснуться вопроса о томъ, въ какой формѣ эти отношенія проявлялись въ *первыя вѣка* христіанской эры.

Въ этомъ отношеніи наиболѣе характеристическимъ и полнымъ по своимъ воззрѣніямъ, насколько они изложены въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ, равно какъ и наиболѣе точнымъ христіанскимъ *святскимъ* писателемъ-мыслителемъ нужно, очевидно, признать *Лактанція*. Вотъ почему на немъ-то мы и останавливаемъ свое вниманіе.

Не безъ сожалѣнія, нужно, впрочемъ, сказать, что въ нашемъ распоряженіи слишкомъ мало находится дѣйствительнаго біографическаго матеріала для того, чтобы установить точное понятіе о самой личности Лактанція, вѣрно очертить его нравственный обликъ и съ точностію указать мѣсто и значеніе этой во многихъ отношеніяхъ по-истинѣ замѣчательной личности. Такимъ матеріаломъ главнымъ образомъ могутъ служить самыя творенія Лактанція или—собственно говоря—случайно внесенныя въ нихъ краткія замѣчанія, касающіяся личности самого писателя. Отсюда можно судить уже о томъ, какъ не великъ этотъ матеріалъ. Другихъ біографическихъ данныхъ, относящихся къ жизни и личности Лактанція, почти нѣтъ; если-же кое-что въ этомъ родѣ и можно указать, какъ напр., замѣтки позднѣйшихъ писателей, то, по своей неточности, сбивчивости и противорѣчіямъ, они не выдерживаютъ исторической критики, а потому и не заслуживаютъ особеннаго, серьезнаго вниманія ¹⁾.

Не подлежитъ, впрочемъ, сомнѣнію, что *Луцій Целій Фирмианъ Лактанцій* (таково его полное имя) родился не въ Римѣ или Ляціумѣ, какъ думали когда-то нѣкоторые латинскіе, а за ними и нѣмецкіе писатели, и не въ Германіи, и даже не въ Европѣ, а въ Африкѣ ²⁾, но въ какомъ именно городѣ или мѣстечкѣ,—этого мы не знаемъ и нигдѣ не находимъ на

¹⁾ Краткія замѣтки, касающіяся жизни и дѣятельности Лактанція, можно находить у Евсевія: (Chron. къ 318 г.), Иеронима (Catalogus scriptorum Ecclesiasticorum; epistol. XIII, ad Paulinum, и LXXXIV. ad Magnum), нѣкоторыхъ средне-вѣковыхъ писателей и въ предисловіяхъ къ изданіямъ самыхъ твореній Лактанція.

²⁾ Labbe tom. II. Script. eccles. p. 8; Stephanus Balucius ad libr. de mortibus persecutorum. Confer Possevinum apparat. sacr. tom. II, p. 1, 2. et. Oudin suppl. de Scriptor. ecclesiastic. 26.

это никакого указанія. Предположеніе, что родиною Лактанція былъ Кареагенъ или одно изъ прилегавшихъ къ нему мѣстечекъ, не имѣетъ для себя никакого историческаго основанія ¹⁾ и потому остается только простою догадкою. Неодолимыя затрудненія являются также и при опредѣленіи года рожденія Лактанція. Съ увѣренностію можно утверждать только, что Лактанцій родился не позже конца первой половины третьяго вѣка по Р. Х., но въ какомъ именно году, — опредѣленно неизвѣстно. Кто были его родители, — также неизвѣстно ²⁾; несомнѣнно лишь то, что они были язычники. Своимъ образованіемъ и своею ученостію Лактанцій обязанъ знаменитому ученому того времени — Арнобію, изъ школы котораго онъ вышелъ, пріобрѣвъ славу знаменитаго оратора и прекраснаго преподавателя теоріи ораторскаго искусства. Блестящія природныя дарованія, прекрасный характеръ и отсутствіе всякаго рода своекорыстныхъ и честолюбивыхъ стремленій были истинною причиною того, что имя Лактанція скоро пріобрѣло себѣ полную популярность почти во всей тогдашней римской имперіи и Лактанцій затмилъ собою даже своего знаменитаго учителя. Императоръ Діоклетіанъ, хотѣвшій достигнуть того, „чтобы Никоидія равнялась въ великолѣпіи Риму“, устроившій въ ней роскошный дворецъ для себя, циркъ, монетный дворъ, арсеналь и особые дворцы для своей жены и своей дочери, стремившійся сравнять свою резиденцію съ Римомъ даже и въ отношеніи процвѣтанія наукъ и искусствъ, — счелъ необходимымъ пригласить къ себѣ Лактанція и въ 290 г. предложилъ ему занять публичную кафедру теоріи ораторскаго искусства. Въ книгѣ „О правдѣ“ Лактанцій говоритъ, между прочимъ, что онъ „обучалъ въ Виеннѣ реторику“. У Діоклетіана Лактанцій, не бывшій, конечно, еще христианиномъ, пользовался большою благосклонностію, хотя изъ этого онъ не извлекъ для себя лично никакой выгоды. Своей кафедрой въ Никоидіи Лактанцій не оставилъ и по отреченіи Діоклетіана

¹⁾ Писатели, думающіе, что Лактанцій происходилъ изъ Италіи (изъ древняго Ляціума), родиною его называютъ городъ Firmum Picenum (Фірмионъ).

²⁾ О нихъ не говорится ни одного слова ни въ историческихъ памятникахъ того времени, ни въ твореніяхъ самого Лактанція.

отъ престола. Только въ 315 году, послѣ неоднократнаго приглашенія, онъ изъ Никомидіи отправился въ Галлію къ императору Константину Великому и посвятилъ всѣ свои послѣднія старческія уже силы на воспитаніе сына его — Криспа. Во все время своей жизни, не смотря на всѣ благопріятныя для него лично условія, онъ соблюдалъ во всемъ самую строгую умѣренность, а при концѣ жизни съ удивительною твердостью и великодушіемъ перенесъ и крайнюю бѣдность ¹⁾. Лактанцій умеръ въ Трирѣ, какъ полагаютъ нѣкоторые ученые, около 325 года по Р. Х., достигнувъ весьма глубокой старости. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Лактанцій былъ глубоко вѣрующимъ христіаниномъ. Объ этомъ свидѣлствуетъ почти каждая строка его твореній. Но когда онъ принялъ христіанство, — съ точностію опредѣлить невозможно за неимѣніемъ положительныхъ историческихъ свидѣтельствъ. Нѣкоторые ученые, впрочемъ, полагаютъ, что онъ принялъ христіанскую вѣру еще въ Африкѣ, т. е. еще до 290 года, когда онъ былъ приглашенъ Діоклетіаномъ въ Никомидію на публичную кафедру краснорѣчія. Но противъ такого предположенія слишкомъ много говорятъ тѣ дружественныя отношенія, какія всегда связывали Лактанція съ Діоклетіаномъ, этимъ яростнѣйшимъ гонителемъ всѣхъ безъ исключенія лицъ, исповѣдовавшихъ христіанскую вѣру. Поэтому намъ представляется болѣе правдоподобнымъ мнѣніе другихъ ученыхъ, по которому Лактанцій былъ крещенъ въ Никомидіи въ 300 году по Р. Х., т. е. уже послѣ отреченія Діоклетіана отъ императорскаго престола.

Церковный историкъ Евсевій называетъ Лактанція „человѣкомъ по своему времени образованнѣйшимъ всѣхъ“. Дошедшія до насъ творенія Лактанція вполне подтверждаютъ это свидѣтельство. Реторика или краснорѣчіе, всегда пользовавшіяся особеннымъ уваженіемъ въ Римской имперіи, во времена Лактанція занимали первое мѣсто между всѣми другими науками ²⁾; а

¹⁾ Crispum Lactantius latinis litteris eruditus, vir omnium suo tempore eruditissimus; sed adeo in hac vita pauper, ut plerumque etiam necessariis indigeret. Свидѣтельство Евсевія; ср. Walchius, стр. XXII.

²⁾ Litterae eloquentiae et illo tempore magni habitae sunt et primas partes inter ceteras doctrinae disciplinas tenuerunt. Walch. XXIV.

умѣнье владѣть даромъ слова считалось главнымъ признакомъ высшаго научнаго и практическаго образованія. Ораторъ, какъ человѣкъ, который легче другихъ могъ овладѣвать умами своихъ слушателей и господствовать надъ ними, пользовался особымъ почетомъ и уваженіемъ, считался первымъ кандидатомъ на занятіе высшихъ государственныхъ должностей. Ораторовъ самъ Лактанцій считаетъ „свѣтильниками судопроизводства“, „судьями народовъ и блюстителями правосудія“, однимъ словомъ—„великими мужаами“¹⁾. Такимъ высокимъ значеніемъ своимъ ораторское искусство всецѣло было обязано самому духу времени. Въ книгѣ *De Iustitia* (cap. 1) Лактанцій прямо говоритъ о своихъ современникахъ, что они считаютъ низкимъ, простымъ и негоднымъ все то, что написано не краснорѣчиво, признаютъ истиннымъ лишь то, что льститъ слуху, считаютъ достойнымъ вѣры только то, что доставляетъ имъ удовольствіе, видятъ въ истинѣ не сущность вѣры, но однѣ прикрасы. Отсюда—возможность злоупотребленія искусствомъ краснорѣчія, на что указываетъ и Лактанцій, когда, характеризуя далѣе современное общество, говоритъ слѣдующее: „вѣку благопріятствуетъ ораторство,—оно доставляетъ удовольствіе народу и льститъ дурнымъ дѣламъ его, иногда даже начинаетъ бороться съ истиною, чтобы показать силу свою надъ умами, ищетъ богатства, жаждетъ почестей и наградъ, нашу религію и ея правила считаетъ низкими и противными для себя, заботясь всего болѣе объ общей молвѣ и славѣ“. Поэтому ораторы и поэты, по замѣчанію Лактанція, тѣмъ именно и бываютъ опасны для истины, что неопытныхъ они легко могутъ соблазнять своими рѣчами и стихотвореніями, которыя можно сравнить съ медомъ, прикрывающимъ ядъ²⁾.

Лактанцій также получилъ блестящее ораторское образованіе и даже самъ былъ много лѣтъ знаменитымъ публичнымъ профессоромъ искусства краснорѣчія,—профессоромъ, которому императоръ поручилъ воспитаніе даже своего сына. Но онъ не походилъ на своихъ современниковъ—товарищей по про-

¹⁾ *Divin. Institut. lib. 1. c. 1.*

²⁾ *Ср. lib. VI. cap. XXI.*

фессіи. Ораторство онъ цѣнилъ высоко, какъ даръ Божій, данный ему для сообщенія толпѣ высокихъ истинъ; и онъ не запыталъ его угожденіемъ вѣку или какими-либо нечестными побужденіями. „Я старался, говоритъ онъ ¹⁾, соединить мудрость съ религіею, дабы искусство это не могло вредить лицамъ, предающимся ученію, а дабы словесныя науки приносили религіи и правдѣ пользу, а не вредъ, когда занимающіеся ими будутъ руководствоваться добродѣтелію и истинною. Хотя-бы трудъ мой оказался и бесполезнымъ для другихъ,—онъ будетъ полезенъ собственно для меня самого, потому что усладить совѣсть мою и просвѣтитъ умъ мой свѣтомъ истины, составляющимъ пищу души и приводящимъ невѣрующихъ въ передумѣніе“. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что хотя онъ и обладаетъ искусствомъ краснорѣчія, но по судамъ никогда не ходилъ и даннымъ ему отъ Бога даромъ никогда не злоупотреблялъ. Силу краснорѣчія онъ полагалъ не въ усвоеніи только теоріи ораторскаго искусства, различныхъ фигурахъ и другихъ украшеніяхъ рѣчи, а въ истинѣ и правдѣ, составляющихъ содержаніе самой рѣчи и дѣлающихъ ее убѣдительною. „Хотя упражненія мои въ словесности, говоритъ Лактанцій ²⁾, и доставили мнѣ нѣкоторую способность легко говорить, но я признаюсь, что отъ этого я не сталъ краснорѣчивѣе, и потому никогда не посѣщалъ судебныхъ мѣстъ, чтобы тамъ ораторствовать. Только дѣйствительное превосходство самаго предмета моего можетъ внушить мнѣ даръ краснорѣчія, такъ напр., познаніе мое объ истинномъ Богѣ вполне достаточно для того, чтобы заставить меня витійствовать съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и убѣдительностію“.

Вмѣстѣ съ ораторскимъ искусствомъ Лактанцій обучалъ никомидійское юношество, а потомъ и Криспа различнымъ языкамъ ³⁾, изъ которыхъ онъ самъ превосходно владѣлъ не только латинскимъ и греческимъ, но и еврейскимъ. Но ему были небезызвѣстны и другіе языки, въ томъ числѣ и восточные.

¹⁾ lib. V. cap. 1.

²⁾ Div. Inst. lib. III. cap. XIII.

³⁾ Ср. De opificio Dei, cap. 1.

Знаніе иностранныхъ языковъ давало Лактанцію возможность усовершенствовать свое научное образованіе чтеніемъ въ подлинникѣ множества самыхъ серьезныхъ и рѣдкихъ твореній. Изучая творенія Лактанція, мы не можемъ не удивляться той обширной начитанности, которою онъ обладалъ. Въ своихъ книгахъ онъ свободно цитуетъ по подлинникамъ самыхъ разнообразныхъ писателей какъ языческихъ, такъ и христіанскихъ. Изъ послѣднихъ онъ съ особеннымъ уваженіемъ относится къ св. Кипріану, Тертуллиану и Минуцію Феликсу, хотя въ сочиненіяхъ ихъ находятъ и немалые недостатки. Интересенъ его отзывъ объ этихъ писателяхъ. „Мудрость и истина, говоритъ онъ ¹⁾, часто имѣютъ недостатокъ въ своихъ защитникахъ и даже кто изъ писателей возьмется за это, не вполне удовлетворяетъ ожиданію. Изъ такихъ мнѣ извѣстенъ, напр., *Минуцій Феликсъ*, знаменитый ораторъ, книга котораго подъ заглавіемъ *Октавіи* показываетъ, какимъ-бы онъ могъ быть защитникомъ истины, если бы употребилъ къ тому всего себя и все свое знаніе. *Септимій Тертуллианъ* былъ свѣдуецъ во всѣхъ наукахъ; но слогъ его тяжелъ, нечистъ и весьма теменъ, а потому онъ и не приобрѣлъ достаточной славы. *Святой Кипріанъ* былъ самымъ основательпѣйшимъ и знаменитѣйшимъ защитникомъ истины. Онъ прославился своимъ искусствомъ краснорѣчія и написалъ въ этомъ родѣ много сочиненій. Умъ у него былъ великій, многосторонній, а что всего важнѣе—убѣдительный, такъ что трудно рѣшить, яснѣе-ли онъ былъ въ изложеніи своихъ мыслей или сильнѣе въ своихъ доводахъ. Впрочемъ, нужно сказать правду, творенія его не могли понравиться людямъ, не знакомымъ съ нашими таинствами, потому что писаны въ мистическомъ духѣ и назначены были къ тому, чтобы ихъ могли понимать только одни вѣрующіе уже. Вотъ почему многіе ученые язычники вздумали надъ нимъ даже насмѣхаться. Я зналъ одного изъ тѣхъ, который, перемѣнивъ одну букву (*и* на *о*), назвалъ его *Копріаномъ* ²⁾, какъ бы желая сдѣлать ему

¹⁾ Div. Inst. lib. V. cap. 1.

²⁾ *Κοπρολόγοι* и *κοπρίαί* названіе спкофантовъ; *κόπρος* или *κοπρία* — stercus, шугъ. Ср. Welch. стр. 515.

упрекъ за то, что свой прекрасный умъ онъ тратилъ на баснословіе, хотя онъ былъ годенъ для лучшаго употребленія“.

Самъ Лактанцій, принявъ христіанскую вѣру, рѣшился быть продолжателемъ работъ предшествовавшихъ ему христіанскихъ писателей, хотя и нѣсколько въ другомъ направленіи. Поставивъ своею задачею—защищать христіанскую истину „изобличеніемъ первыхъ мудрствователей (т. е. предшествовавшихъ языческихъ философовъ), дабы тѣмъ самымъ отвѣчь всякое противорѣчіе у ихъ будущихъ послѣдователей“,—Лактанцій говоритъ между прочимъ слѣдующее: „Хотя *Тертуліанъ* и изложилъ вполне этотъ предметъ въ своей книгѣ, которую онъ назвалъ *Апологіею*; но иное дѣло отвѣчать на обвиненія, гдѣ нужно только опровергнуть ихъ и защитить себя, и иное дѣло установить правила жизни, гдѣ надобно объяснить всѣ основныя начала ученія; вотъ почему я и рѣшился взять на себя трудъ восполнить то прекрасное твореніе, которое *св. Кипріанъ* не докончилъ въ своей рѣчи противъ *Деметріана*, который, по словамъ его, лаялъ и жужжалъ на истину. Онъ не употребилъ надлежащей методы. Тутъ надлежало дѣйствовать разсужденіями и доказательствами, а не приведеніемъ только однихъ текстовъ изъ Священнаго Писанія, которое *Деметріанъ* считалъ ничего незначащимъ, измышленнымъ, ложнымъ. Вооружаясь противъ человѣка, невѣдающаго истины, надлежало постепенно приводить его къ божественному ученію и постепенно открывать ему свѣтъ основныхъ началъ, дабы онъ не былъ вдругъ ослѣпленъ полнотою сего свѣта. Подобно тому какъ дитя не можетъ переносить крѣпкой и сильной пищи по слабости своего желудка, во сперва кормится молокомъ и мякотью, пока не укрѣпится въ силахъ, — такъ и сего человѣка слѣдовало-бы, такъ какъ онъ не могъ переваривать божественныхъ яствъ, вразумлять сперва человѣческими средствами и предлагать ему свидѣтельства философовъ и историковъ, дабы онъ былъ уличенъ главнымъ образомъ собственными писателями. *Св. Кипріанъ*, проникнутый глубокимъ изученіемъ священныхъ книгъ, вмѣсто того считалъ достаточнымъ ограничиться изложеніемъ такихъ доказательствъ, которыя основаны на одной вѣрѣ. Вотъ почему я и рѣшился,

надѣясь на вдохновеніе Божіе, восполнить то, что онъ упустилъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ представить другимъ примѣръ подражанія“ ¹⁾). Мы нарочито останавливаемъ вниманіе читателей на этой выдержкѣ, которая, помимо отзывовъ о Тертуліанѣ и Кипріанѣ, является, какъ увидимъ ниже, характеристическою и для трудовъ самого Лактанція.

Что касается научной подготовки, то дѣйствительно трудно предположить, какъ утверждаетъ и Евсевій, чтобы въ этомъ отношеніи съ Лактанціемъ могъ равняться кто-либо изъ его современниковъ. Судя по дошедшимъ до насъ твореніямъ Лактанція, онъ основательно былъ знакомъ съ міровоззрѣніями всѣхъ древнихъ и современныхъ ему философовъ. Такъ, въ своихъ „Божественныхъ наставленіяхъ“ онъ на каждой почти страницѣ цитуетъ сочиненія, приводя нерѣдко довольно значительныя выдержки по подлинникамъ, и разбираетъ воззрѣнія Платона, Аристотеля, Сократа, Цицерона, Демокрита, Эпикура, Протагора, Діагора, Фалеса, Пифагора, Анаксагора, Клеанѳа, Анаксимена, Хризиппа, Зенона, Сенеки, Портика, Варрона, Еврипида, Фалла, Лукилія, Трисмегиста, Эмпедокла, Асклепія, Аркезилая, Аристиппа, Каллифона, Диномана, Діодора, Иеронима, Герилла, Аристолея, Эвклида, Левкиппа, Дицеарха, Діогена, Карнеада, Гераклита и др. Кромѣ того Лактанцій, какъ свидѣтельствуютъ его творенія, достаточно посвятилъ времени на изученіе трудовъ древнихъ историковъ, біографовъ и міеологовъ и правописателей, въ томъ числѣ и такихъ, какъ Гезіодъ, Сивиллы, Никаноръ, Пизонъ, Аполлодоръ, Эратосеецъ, Дамофилъ, Герофилъ, Тарквитій, Неспосъ, Кассій, Титъ Ливій, Саллюстій, Дидимъ, Эвермеръ, Теофилъ, Проперцій, Корнелій Непотъ и др. Наконецъ, ему были знакомы, а нѣкоторыя онъ зналъ даже на память, и произведенія древнихъ поэтовъ, какъ напр. Гомера, Виргилія, Эннія, Овидія, Невія, Лукреція, Квинтиліана, Арата, Горація, Ювенала и др.

Обладая такою научною подготовкою и прекрасными природными дарованіями, Лактанцій написалъ и самъ не мало сочиненій какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ. Къ сожалѣнію

¹⁾ Div. Inst. lib. V, cap. IV.

до насъ дошли только нѣкоторыя изъ сочиненій Лактанція, а именно: 1) *Divinae institutiones* (Божественныя наставленія) въ семи книгахъ: 1-я книга—*De falsa religione*—„о ложной религии“, 2-я—*De origine erroris*—„о происхожденіи заблужденія“, 3-я—*De falsa sapientia*—„о ложной мудрости“, 4-я—*De vera sapientia*—„объ истинной мудрости“, 5-я—*De justitia*—„о справедливости“, 6-я—*De vero cultu*—„объ истинномъ почитаніи“ и 7-я—*De vita beata*—„о блаженной жизни“; 2) одна книга—*De ira Dei*—„о гнѣвѣ Божіемъ“; 3) одна книга—*De officio Dei*—„о творествѣ Божіемъ“; 4) *Liber de mortibus persecutorum*—„о смерти гонителей“; 5) *Epitome institutionum divinarum*—„извлечение изъ Божественныхъ наставленій“; 6) *Carmen de Phoenice*—„стихотвореніе о фениксѣ“ (фениксъ—это баснословная арабійская птица, которая, по сказанію, живетъ 300 лѣтъ и изъ пепла которой является молодой фениксъ); 7) *De pascha*—„о пасхѣ“ (стихотвореніе); 8) *Carmen de passione Domini*—„стихотвореніе о страданіи Господа“; 9) *Fragmentum de extremo iudicio*—„о страшномъ судѣ“ (отрывокъ). 10) *De spectaculis*—„о зрѣлищахъ“. Кромѣ того, Лактанцію приписываются и еще нѣкоторыя дошедшія до насъ изъ древности творенія, какъ напр. *Itinerarius de Africa usque Nicomediam*, написанное гекзаметромъ; книга подъ заглавіемъ *Grammaticus* и двѣ книги *ad Asclepiadem*. Накопецъ, Лактанцію приписываютъ еще нѣсколько писемъ или посланій, какъ напр. *ad Probum* (четыре посланія), *ad Severum* (два посланія) и два посланія къ Деметріану. Изъ сочиненій Лактанція видно, что онъ думалъ писать еще одно большое сочиненіе, въ которомъ намѣревался „пространнѣе и точнѣе опровергнуть ложныя умствованія всѣхъ сектъ какъ вообще, такъ и каждую въ частности“¹⁾, въ томъ числѣ нападки и клеветы „раговъ самаго имени христіанскаго, іудеевъ“. Но осуществилось-ли это намѣреніе Лактанція,—неизвѣстно.

Въ указанномъ нами порядкѣ сочиненія Лактанція расположены и въ нѣкоторыхъ изданіяхъ; но порядокъ этотъ едва ли можетъ имѣть хронологическое значеніе. Вѣроятнѣе всего,

¹⁾ *Div. Instit. lib. IV, cap. XXX.*

что первымъ по времени написанія должно быть признано рассужденіе Лактанція De orificio Dei (о творествѣ Божіемъ); по крайней мѣрѣ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что рассужденіе это было написано Лактанціемъ раньше его „Божественныхъ наставленій“. Это заключеніе вытекаетъ изъ собственныхъ словъ Лактанція, когда, говоря (въ книгѣ „о происхожденіи заблужденія“, гл. XI) объ отношеніи Бога къ человѣку, онъ, между прочимъ, дѣлаетъ такое замѣчаніе: „я не стану здѣсь останавливаться на немъ, такъ какъ предметъ этотъ уже *обсужденъ мною* полно и въ книгѣ, посвященной отъ меня Деметріану, ученику моему“ (т. е. въ книгѣ о творествѣ Божіемъ, которая Лактанціемъ дѣйствительно посвящена Деметріану и раскрываетъ довольно полно понятіе объ отношеніи Бога къ человѣку). Въ самой книгѣ о творествѣ Божіемъ (гл. XX) Лактанцій также даетъ ясное указаніе, что книга эта написана имъ раньше по меньшей мѣрѣ седьмой книги „Божественныхъ наставленій“, т. е. раньше написанія его рассужденія „о блаженной жизни“. Въ указанномъ мѣстѣ онъ говоритъ именно слѣдующее: „я рѣшился, насколько это для меня возможно, написать книгу о блаженной жизни противъ философовъ, самыхъ опасныхъ и страшныхъ враговъ истины“.

„Божественныя наставленія“ Лактанцій посвятилъ императору Константину; въ своемъ посвященіи онъ называетъ Константина „тѣмъ религіознымъ государемъ, который, отрекшись отъ заблужденій, первый изъ всѣхъ царствовавшихъ предъ нимъ монарховъ позвалъ истиннаго Бога и воздалъ Ему подобающее служеніе“, далѣе говоритъ только о „благомъ началѣ христіанскаго царствованія“ Константина, который „открылъ царство, *долженствующее* составить счастье народовъ, соотвѣтственно всеобщимъ желаніямъ“ (дѣлается, очевидно, указаніе на эдиктъ 312 г.) и желаетъ Константину дожить до глубокой старости. Если къ этому присоединить, что въ 315 году Лактанцій обратилъ на себя вниманіе Константина настолько, что послѣдній вызвалъ его въ Галлію и поручилъ ему воспитаніе сына своего Криспа, то можно считать за несомнѣнное, что временемъ написанія „Божественныхъ наставленій“

должно признать промежутокъ между 312 и 315 годами,— время, когда дѣйствительно смѣло и безбоязненно могъ раздаться голосъ умнаго Лактанція какъ противъ языческой религіи, такъ и противъ языческой философіи, изъ всѣхъ силъ стремившейся еще поддерживать нѣкоторую связь между развалинами языческаго міра.

Что касается остальныхъ сочиненій Лактанція, то время написанія ихъ опредѣлить довольно трудно. Между прочимъ, здѣсь кстати слѣдуетъ замѣтить, что многіе ученые даже отрицаютъ и то, чтобы эти сочиненія дѣйствительно принадлежали Лактанцію. Какъ на главное основаніе для своего мнѣнія, ученые эти ссылаются на несходство стиля отвергаемыхъ ими сочиненій съ подлинными твореніями Лактанція („Божественными наставленіями“ и разсужденіемъ „о творествѣ Божіемъ“). Такъ какъ для насъ въ настоящій разъ имѣютъ непосредственное значеніе только несомнѣнно подлинныя сочиненія Лактанція, то мы не считаемъ нужнымъ входить здѣсь въ специальное рѣшеніе вопроса о подлинности тѣхъ сочиненій, относительно которыхъ многіе ученые высказываютъ свое сомнѣніе. Скажемъ только, между прочимъ, что подлинность нѣкоторыхъ изъ этихъ сочиненій засвидѣтельствована еще блаженнымъ Иеронимомъ. Такъ напр., онъ утверждаетъ, что Лактанціей написана одна книга о гоненіи (*Lactantium scripsisse de persecutione librum unum*). И до насъ дѣйствительно дошла одна книга, приписываемая Лактанцію и излагающая исторію гоненій на христіанъ со стороны римскихъ императоровъ — книга „О смерти гонителей, Исповѣднику Донату“. Въ другомъ мѣстѣ Иеронимъ свидѣтельствуетъ о подлинности и другаго сочиненія Лактанція—*Epitome institutionum divinarum*,—говоря, что „произведеніе это было издано самимъ Лактанціемъ“ (*partum hunc ab ipso Lactantio editum esse*). Вообще же нужно сказать, что подлинность нѣкоторыхъ твореній, издавна приписываемыхъ Лактанцію, была заподозрѣна писателями, жившими уже довольно долгое время спустя послѣ смерти самого Лактанція.

Направленіе, духъ и характеръ твореній Лактанція, равно какъ и самыя воззрѣнія его могутъ быть поняты и точно опредѣлены только въ непосредственной связи съ вызвавшими и обусловливавшими ихъ современными автору обстоятельствами. Состояніе общества, господствовавшіе въ немъ взгляды и понятія языческой философіи, отношеніе послѣдней къ христіанскому вѣроученію, политическое и соціальное положеніе, столь различное для язычниковъ и христіанъ первыхъ вѣковъ,—всѣ эти и подобныя имъ историческіе моменты яркими красками отразились на твореніяхъ Лактанція. Въ первые три вѣка своего существованія христіанство должно было вести упорную и ожесточенную борьбу съ ожесточенными своими противниками—іудействомъ и язычествомъ. Язычники и іудеи съ ревностію, достойною лучшаго назначенія, нападали и клеветали на христіанъ. Сказалась нужда въ соотвѣтствующей защитѣ; явились первые христіанскіе апологеты: св. Іустинъ мученикъ, Аѳнагоръ, Тертуліанъ и Оригенъ. Побѣжденные въ борьбѣ на полѣ науки и литературы, язычники обращаются къ насилію внѣшнему, къ преслѣдованіямъ политическимъ. Въ такомъ именно отношеніи къ христіанству стоялъ язычскій міръ и во времена Лактанція. Еще и при Лактанціи язычники не перестали распространять гнусную ложь и постыдную клевету на христіанство, хотя и нѣсколько въ другой формѣ, чѣмъ въ первое время. Въ своемъ разсужденіи „de Justitia“ Лактанцій приводитъ два примѣра подобныхъ хулителей, прикрывавшихъ свои гнусныя стремленія философскою мантиею. „Когда я преподавалъ въ Виѳиніи реторику, говоритъ Лактанцій (сар. 2), и когда тамошній храмъ Божій былъ разрушенъ, въ то время проживали тамъ два человѣка, которые напали на угнетаемую и отвергаемую истину и нападки свои производили, не знаю, изъ тщеславія-ли, или изъ наглости“. Одинъ изъ этихъ хулителей,—по всей вѣроятности Максимъ, а, можетъ быть, и Порфірій,—былъ даже преподавателемъ философіи, но жизнь велъ самую порочную: другихъ училъ воздержанію, а самъ предавался корыстолюбію и сластолюбію; проповѣдуя въ школѣ своей добродѣтель, бережливость и бѣдность, самъ велъ такой пышный образъ жизни, что

столь его походилъ болѣе на царскій, нежели обыкновенный; свои пороки онъ, впрочемъ, умѣлъ прикрывать, по выраженію Лактанція, философскою бородою и мантиею, а больше всего своимъ богатствомъ, для пріобрѣтенія котораго онъ удивительнымъ образомъ умѣлъ пользоваться дружбою судей и другихъ оффиціальныхъ властей, измѣннически торгуя ихъ рѣшешіями, посредствомъ хитрости захватывая у сосѣдей земли и поля и удерживая ихъ насильно въ своемъ владѣніи. Такой-то человекъ во времена Лактанція, будучи неспособнымъ вслѣдствіе своей нравственной развращенности, усвоить высокія христіанскія истины, сталъ нападать на христіанское ученіе и даже написалъ цѣлыхъ три книги противъ христіанской религіи, въ которыхъ свои нападки онъ объясняетъ не ненавистью своею къ христіанству, а своею обязанностию какъ философа—спасти людей отъ заблужденія и наставить ихъ на путь истины (т. е. снова возвратитъ къ поклоненію богамъ), дабы заблудшіеся (т. е. христіане) по простотѣ своей не стали добычею и пищею хитрыхъ и коварныхъ, такъ какъ „онъ ничего не считаетъ достохвальнѣе и свойственнѣе философу, какъ невидящимъ и слѣпымъ представить свѣтъ мудрости, съ тѣмъ, чтобы они не только обратились къ служенію богамъ, но, отложивши всякое упрямство, постарались избѣгнуть тѣлесныхъ истязаній (т. е. гоненій) и напрасно не предавали членовъ своихъ на растерзаніе“. На самомъ дѣлѣ впрочемъ, онъ, „разсыпается только въ похвалахъ императорамъ, которые благочестіемъ и предусмотрительностію своею отличались какъ въ прочихъ дѣлахъ, такъ особенно въ возстановленіи древняго богослуженія, дабы каждый удалялся отъ злочестія и суетвѣрія (т. е. христіанства) и, соблюдая закономъ установленныя священныя правила, привлекалъ къ себѣ покровительство боговъ“. Этотъ противникъ христіанства былъ настолько слабъ и плохъ, что надъ его нападками посмѣивались даже и христіане, хотя, конечно, только въ своемъ обществѣ. „Многіе изъ нашихъ, говоритъ Лактанцій, будучи въ то время принуждены хранить молчаніе, въ душѣ своей смѣялись надъ нимъ, видя, какъ человекъ хочетъ просвѣщать другихъ, когда самъ слѣпъ, хочетъ ихъ выводить изъ заблужденія, когда самъ не знаетъ, куда

ноги свои обратить,—хочетъ направить ихъ на истину, когда самъ нигдѣ не видѣлъ даже и пылинки ея,—считаясь профессоромъ мудрости, хочетъ и покушается ниспровергнуть мудрость“. „Всѣ порвцали его, по замѣчанію Лактанція, за то, что онъ принялся за трудъ этотъ въ такое время, когда свирѣяло богоненавистное легковѣріе“.

Гораздо злѣе былъ другой клеветникъ христіанъ, упоминаемый Лактанціемъ, по всей вѣроятности, Героклъ, бывшій въ то время префектомъ въ Александріи. По словамъ Лактанція, онъ принадлежалъ къ числу судей и былъ въ собственномъ смыслѣ гонителемъ христіанъ, приводя въ исполненіе правительственныя распоряженія. Но не довольствуясь своими злодѣяніями, т. е. гоненіями въ собственномъ смыслѣ, онъ началъ преслѣдовать притѣсняемыхъ имъ еще и письменно. „Онъ сочинилъ, говоритъ Лактанцій, двѣ книги не *противъ христіанъ*, дабы кто не подумалъ, что онъ гонитъ ихъ, какъ враговъ, но *къ христіанамъ*, дабы всякій былъ увѣренъ, что онъ подаетъ имъ благіе и человѣколюбивыя совѣты“. Главною своею задачею онъ поставилъ—доказать несостоятельность христіанскаго вѣроученія, какъ оно излагается въ книгахъ Священнаго Писанія. Для этого онъ приводитъ такое множество текстовъ Св. Писанія, другъ другу якобы противорѣчащихъ, и разсуждаетъ о нихъ, по замѣчанію Лактанція, съ такою разборчивостію, что кто его не знаетъ, тотъ можетъ подумать, не былъ-ли онъ прежде христіаниномъ. Въ особенности-же онъ нападалъ на Петра, Павла и другихъ апостоловъ, какъ первоначальныхъ сѣятелей ложнаго, по его словамъ, ученія, называетъ ихъ невѣждами и людьми грубыми, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ занимались рыбачьимъ промысломъ, „какъ будто-бы, говоритъ Лактанцій, ему жаль было, почему этимъ ученіемъ не занялся какой-нибудь Аристофанъ или Аристархъ“. Между прочимъ, онъ утверждаетъ, будто-бы Иисусъ Христосъ, по изгнаніи его іудеями, набравъ себѣ шайку до девяти сотъ человѣкъ, занимался разбоями. Говоря о чудесахъ Спасителя, клеветникъ этотъ не отвергаетъ ихъ исторической дѣйствительности, но старается затмить ихъ, представить ихъ дѣйствіями незначительными, стоящими даже ниже баснословныхъ чу-

десъ Аполлонія. Удивительно, съ какою точностію въ наше время критическіе приемы этого клеветника были повторены пресловутымъ Штраусомъ.

Нападки на христіанъ со стороны этихъ-то двухъ языческихъ философовъ—этихъ „профессоровъ мудрости“ и послужили поводомъ къ написанію Лактанціемъ лучшихъ изъ его произведеній; они-же сообщили трудамъ Лактанція и то особое направленіе, которое можетъ быть названо философскимъ критицизмомъ. Такъ объ этомъ свидѣтельствуется и самъ Лактанцій. „Въ то время, какъ упомянутые мною здѣсь писатели, говоритъ онъ ¹⁾, трудились надъ изданіемъ святотатственныхъ своихъ твореній, гордое ихъ злочестіе—познавая мною истина и, какъ думаю, самое провидѣніе Божіе подвигли меня всѣми силами ума моего возстать противъ обвинителей правды и правосудія, не для того, чтобы коснуться только тѣхъ, которыхъ легко обличить краткими словами, но чтобъ однимъ ударомъ поразить всѣхъ другихъ подобаго рода хулителей, гдѣ-бы то ни было; ибо я не сомнѣваюсь, чтобы въ разныхъ мѣстахъ не покусились многіе греческіе и латинскіе писатели оставить по себѣ памятники своей неправды. А какъ нельзя-бы мнѣ было противъ каждаго изъ нихъ возражать особо, то я ограничился только изобличеніемъ первыхъ мудрствователей, дабы тѣмъ самымъ отсѣчь всякое противорѣчіе у будущихъ ихъ послѣдователей“.

Нельзя не согласиться, что путь, избранный Лактанціемъ, есть путь самый естественный и вполне соответствующій духу и требованіямъ того времени. Съ самаго перваго появленія христіанскаго вѣроученія язычество оказалось безсильнымъ вести борьбу съ нимъ на религіозной почвѣ и тѣмъ отстаивать свое существованіе; вспыхнувшія повсюду вѣшнія гоненія противъ христіанъ также не привели къ желанной язычниками цѣли. Поэтому язычникамъ оставалось одно—прибѣгнуть къ помощи своей философіи съ тѣмъ, чтобы съ одной стороны дать другой смыслъ (научный, философскій) своей религіи и своимъ мнѣямъ, а съ другой—нападать на христіанство, по-

¹⁾ De Just. cap. IV.

нимая его уже какъ философскую доктрину и представляя его не выдерживающимъ философской критики, несоотвѣтствующимъ разсудочнымъ требованіямъ, однимъ словомъ—неукладывающимся въ рамки тогдашней философіи, этого высшаго мѣрила истины. Отсюда,—критическій анализъ языческой философіи по самымъ основнымъ ея принципамъ, само собою понятно, долженъ былъ явиться самымъ существеннымъ приѣмомъ тогдашней христіанской апологетики. Этимъ-же объясняется преобладаніе критическихъ приѣмовъ предъ всѣми другими приѣмами и въ твореніяхъ Лактанція. При этомъ нужно замѣтить, что философскіе критическіе приѣмы Лактанція, по самому характеру своему, имѣютъ весьма важное значеніе не только въ интересахъ христіанской апологетики, но и въ философской наукѣ вообще, такъ какъ въ твореніяхъ Лактанція философія въ первый разъ во всемъ своемъ объемѣ и во всѣхъ своихъ частяхъ, вмѣстѣ со всѣми своими разнообразными направленіями и оттѣнками, подвергается самой безощадной, но въ то-же время и самой безпристрастной критикѣ лица, счумѣвшаго не только возвыситься, но и стать твердою ногою если не надъ всѣми, то надъ весьма многими философскими предразсудками своего времени. Но съ другой стороны нельзя, впрочемъ, не пожалѣть и о томъ, что вслѣдствіе преобладающаго господства критическихъ приѣмовъ, философскія воззрѣнія самого Лактанція, насколько мы можемъ судить о нихъ по его твореніямъ, имѣютъ болѣе отрицательный, чѣмъ положительный характеръ.

Къ истинной философіи, разумѣя подъ нею теоретическую и практическую мудрость, проявляющуюся какъ въ области познанія истины, такъ и въ области нравственной жизни, Лактанцій относится съ величайшимъ уваженіемъ, даже благоговѣніемъ и, вопреки господствовавшему въ то время взгляду, ставитъ ее даже выше самаго ораторскаго искусства. „Мы ищемъ, говоритъ онъ ¹⁾, не грамматика и не оратора, которые только о томъ и заботятся, чтобы хорошо говорить; мы

¹⁾ Div. Inst. lib. III. c. 13.

ищемъ мудреца, который-бы умѣлъ хорошо жить“. „Нѣтъ сомнѣнія, утверждаетъ Лактанцій и въ другомъ мѣстѣ ¹⁾,—что тотъ, кто учитъ жить хорошо, достоинъ болѣе хвалы, нежели тотъ, кто учитъ хорошо говорить. Это самое у грековъ доставило столько славы философамъ, доставило имъ столько преимущества предъ ораторами: искусство говорить ораторски есть удѣлъ малаго числа людей, а наука соблюдать нравственность принадлежитъ всѣмъ“. „Этотъ трудъ (философскія занятія, которымъ предавался Лактанцій ради указанія „ученымъ людямъ“ истинной мудрости) кажется намъ, говоритъ онъ тамъ-же, похвальнѣе и полезнѣе, нежели тотъ трудъ, который занималъ всю нашу молодость и состоялъ въ упражненіяхъ декламаци и софизмахъ, споспѣшествующихъ не столько образованію ума, сколько его утонченности и развитію въ немъ способности питаться злобою, менѣе грубою“. Послѣ этого не трудно понять, какимъ образомъ, составивъ себѣ такое высокое понятіе о философіи, Лактанцій бросилъ свое ораторское искусство и всецѣло предался философскимъ занятіямъ, поставивъ философію въ смыслѣ отысканія и сообщенія людямъ истинной мудрости даже цѣлю всей своей жизни. „Если умному человѣку позволительно желать жить долго на землѣ, говоритъ онъ въ своей книгѣ *De orificiis Dei* (сар. XX), то я хотѣлъ-бы удостоиться сего дара для того только, чтобы сдѣлать изъ него достойное употребленіе и поработать надъ такими сочиненіями, которыя могли бы быть полезны читателямъ и внушили-бы имъ правила не краснорѣчія, которымъ я теперь мало интересуюсь, но правила добрыхъ нравовъ, какъ средствъ самыхъ важныхъ и необходимыхъ. И если я буду настолько счастливымъ, что извлеку нѣкоторыхъ людей изъ ихъ заблужденій и направлю на путь неба, то могу льстить себя надеждою, что я не напрасно жилъ на семь свѣтѣ и не совершенно оставилъ въ пренебреженіи свой долгъ“.

Бъ философамъ, которые дѣйствительно стремились къ истинѣ ради самой истины, ради припесенія на землю хотя одной искры этого „божественнаго огня“, не руководствуясь въ сво-

---

¹⁾ Div. Inst. lib. I. Praef.

ихъ тихихъ занятіяхъ никакими сторонними побужденіями и не злоупотребляя философіею для достиженія недостойныхъ ея цѣлей, Лактанцій, понятно, также относится съ самымъ искреннимъ и глубокимъ уваженіемъ, почти идеализируя ихъ въ образы языческихъ пророковъ. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ характеризуетъ ихъ въ своей книгѣ *De falsa religione*. „Во всѣ вѣка, говоритъ онъ, существовали люди отличнаго ума, которые, предавшись совершенно изученію мудрости и отрекшись отъ всякихъ обязательствъ общественной жизни, употребляли всѣ свои познанія и усилія къ открытію истины. Они считали для себя гораздо полезнѣе и достойнѣе вникать въ причины явленій и разсматривать чудесныя дѣйствія Божіи въ видимой природѣ, нежели заниматься собираніемъ богатствъ и приобрѣтеніемъ суетныхъ почестей, которыя, будучи земными и скоро преходящими благами, не могутъ сдѣлать человека ни лучшимъ, ни счастливѣйшимъ. Эти великіе люди дѣйствительно стояли того, чтобы найти то, чего искали съ такою ревностію и съ такимъ малымъ успѣхомъ, потому что обрѣтеніе того предпочитали всему, что въ мірѣ есть самаго привлекательнаго. Извѣстно, что нѣкоторые изъ нихъ оставляли все и лишали себя добровольно самыхъ невинныхъ удовольствій, чтобы безъ помѣхи и безъ всякаго развлеченія послѣдовать нагой и чистой добродѣтели. Они имѣли къ ней почти религіозное уваженіе, такъ что даже воздавали имени ея нѣкоторый родъ особаго богослуженія и не признавали на землѣ иной законной власти, кромѣ нея... Мы видимъ вседневнo, какъ иногда знаменитые ораторы, свѣтильники судопроизводства, при концѣ дней своихъ, такъ сказать, угасаютъ и удаляются отъ общественныхъ занятій, чтобы предаться единственно изученію философіи и обрѣсти въ ней покой, заслуженный ими ради ихъ достославныхъ подвиговъ. И эти столь великіе люди однакоже не только не наслаждаются пріятностями покоя, такъ давно ими ожидаемаго и такихъ трудовъ имъ стоившаго, но напротивъ того находятъ новыя для ума своего пытки и мученія, потому что ищутъ того, чего пайти не могутъ одними своими силами“.

Цитая глубокое уваженіе въ истинной философіи, самъ Лак-

танцій всегда „сильно“ и „убѣдительно“ „увѣщевалъ прилѣпиться къ истинной философіи и своихъ учениковъ ¹⁾).

Впрочемъ, по взгляду Лактанція, абсолютная мудрость недоступна для философіи; абсолютная истина не можетъ быть постигнута человѣческимъ разсудкомъ, она можетъ быть открыта человѣку только Богомъ, а потому и владѣть ею можетъ не философія, а одна только религія. Границы философіи должны быть строго опредѣлены, ей принадлежатъ только область естественнаго знанія и логическихъ выводовъ; переступивъ эти границы, философія перестаетъ быть сокровищницею мудрости и становится философіею ложною, пустою, а всѣ труды даже лучшихъ изъ философовъ въ этомъ случаѣ являются тщетными и бесполезными, такъ какъ недоступнаго познать или сдѣлать доступнымъ нельзя. „Такъ какъ высшая истина, которая есть не что иное, какъ Самъ Богъ, говоритъ Лактанцій ²⁾, не можетъ быть предметомъ чувствъ, не можетъ быть постигнута человѣческимъ умомъ, озареннымъ одними познаніями разсудка, то всѣ изысканія философовъ, стоившія имъ столь многихъ трудовъ и усилій, оставались для нихъ бесполезными. Между Богомъ и человѣкомъ такъ велико различіе, что собственными силами человѣкъ не въ состояніи достигнуть до познанія истины“.

Понятно, что съ этой точки зрѣнія не только современная Лактанцію, но и вся древняя языческая философія должна быть признаваема ложною философіею, обѣщающею дать больше, чѣмъ сколько она можетъ дать на самомъ дѣлѣ. Такъ дѣйствительно Лактанцій и смотрѣлъ на философію древнихъ и особенно на философію современную ему, вполне заслуживавшую то саркастическое, насмѣшливое отношеніе, которымъ иногда даритъ ее Лактанцій въ своихъ твореніяхъ.

Во времена Лактанція философами назывались скорѣе какіе-то государственные чиновники, образовавшіе изъ себя даже особое сословіе, чѣмъ дѣйствительные мыслители по призванію, посвятившіе себя философскимъ изслѣдованіямъ. Слово „философъ“ было скорѣе ученымъ званіемъ или степеню,

¹⁾ De opificio Dei, cap. XX.

²⁾ De falsa religione, cap. I.

чѣмъ обозначеніемъ мыслителей звѣстнаго рода. Тогдашніе философы имѣли даже свою особую *форму* (*habitus*), которую главнымъ образомъ составляли: философская мантия или плащъ (*pallium philosophorum*) ¹⁾ и длинная широкая борода (*barba philosophica*), которую за неимѣніемъ естественной иногда замѣняли даже поддѣльною, привѣшанною. У франковъ борода пользовалась большимъ уваженіемъ; отсутствіе, незначительность или даже только подстриганіе бороды считалось признакомъ человѣка легкомысленнаго, похотливаго и непостояннаго. Само собою понятно, что современные Лактанцію „философы“ своимъ костюмомъ и бородою хотѣли снискать себѣ хотя внѣшній авторитетъ ²⁾, котораго не заслуживали сами по себѣ, такъ какъ вся таинственность, которую придавали тогда философѣи, состояла, по словамъ Лактанція ³⁾, лишь въ томъ, что „люди носили длинную бороду и мантию“. Но не сумѣвъ сохранить за собою авторитета, трудно пріобрѣсти его какими-бы то ни было внѣшними, а тѣмъ болѣе искусственными средствами, которыя на самомъ дѣлѣ и не могли имѣть никакого серьезнаго значенія. Для того, чтобы быть способнымъ къ философскому мышленію, необходима предварительная научная подготовка. Эта подготовка, по взгляду Лактанція, должна состоять въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, надобно научиться чтенію и письму, чтобы изучить многія книги, потому что нѣтъ никакой возможности изустно узнать разнообразное множество правилъ и удержать ихъ въ памяти. Потомъ нужно употребить много времени на изученіе грамматики, чтобы умѣть говорить. Нельзя также обойтись и безъ риторики, потому что безъ нея нельзя изящно излагать своихъ мыслей. Геометрія, музыка и астрологія нужны по тѣсной связи ихъ съ философіею. Отсутствіе такой подготовки нельзя прикрыть ни философскою бородою, ни философскою мантиею.

Свой критическій анализъ языческой философѣи Лактанцій начинаетъ разборомъ самаго названія (имени, *nomen*) или опредѣленія философѣи и такой пріемъ свой мотивируетъ слѣ-

1) Vide Buddaei diatriben de ἀσκήσει philosophica, n. XV.

2) Per barbam volebant sibi auctoritatem conciliare. Lact. De Just. c. II. Пріявч.

3) Div. Instit. lib. III. Cap. 25.

дующимъ образомъ. „Я начну, горорить онъ ¹⁾, съ имени философіи на тотъ конецъ, чтобы по отрѣзаніи головы легче было покончить съ тѣломъ, если только можно назвать тѣломъ отдѣльныя и разбросанныя части его, лишеныя начала жизни и обнаруживающія лишь признаки трепетанія“.—Какимъ же образомъ Лактанцій думаетъ отрѣзать философіи ея голову?—По самому своему названію, равно какъ и по общепринятому опредѣленію, философія есть только изученіе (*studium*), стремленіе или исканіе мудрости. Изъ воздержанія и скромности философы, вмѣсто того, чтобы называться мудрецами, считаютъ себя только искателями мудрости. *Пифагоръ* первый выдумалъ такое названіе. Будучи умнѣе другихъ, мечтавшихъ быть мудрыми, онъ разсудилъ совершенно вѣрно, что человѣку нельзя собственными силами и ученіемъ достигнуть мудрости и потому не посмѣлъ присвоить себѣ имени мудреца, на которое онъ дѣйствительно и не имѣлъ никакого права. Если кто спрашивалъ его, чѣмъ онъ занимается,—онъ всегда отвѣчалъ, что занимается исканіемъ мудрости. Но если философія есть только исканіе мудрости, то стало быть она не есть еще сама мудрость, потому что исканіе вещи и искомая вещь—далеко не одно и тоже. Искать же того, чего найти нельзя, не разумно и недостойно разсудительнаго человѣка. Вотъ почему Лактанцій прямо утверждаетъ, что философы и не ищутъ мудрости, когда найти ее не могутъ. Если-бы они могли найти ее, то уже давнымъ давно нашли-бы ее съ тѣхъ поръ какъ стали искать. Такимъ образомъ, заключаетъ Лактанцій, философы собственно не занимаются даже и изученіемъ мудрости, хотя, быть можетъ, и думаютъ, что занимаются имъ. Они напрасно только мучатъ себя исканіемъ, не зная ни того, чего ищутъ, ни мѣста, гдѣ что найти. Однимъ словомъ, философы, ищутъ-ли, или не ищутъ мудрости, но только ею не обладаютъ. Известно, что нельзя найти вещи, когда мы ее не ищемъ или когда ищемъ ее другимъ образомъ, чѣмъ слѣдуетъ.

Такъ покаячиваетъ Лактанцій съ общепринятымъ въ то время опредѣленіемъ философіи, виновникомъ котораго дѣйствительно считаютъ философа *Пифагора*. Но если, по взгляду

1) Div. Institut. lib. III. Cap. 2.

Лактанція, не выдерживаетъ критики опредѣленіе философіи, указанное Пинагоромъ, то еще менѣе состоятельнымъ предъ его судомъ оказывается опредѣленіе философіи, данное Сенекою. „Философія, говоритъ Сенека, есть не что иное, какъ умѣнье жить хорошо, наука жить честно, искусство хорошо управлять своими дѣйствіями. Мы не ошибемся, если скажемъ, что философія есть такой законъ, который обязываетъ насъ жить сообразно честности и добродѣтели; и кто назвалъ се правиломъ жизни человѣческой, тотъ далъ ей весьма собственное имя“ ¹⁾. Но какъ-же, спрашивается, сами философы могли послѣ этого проводить такую безнравственную и развратную жизнь, которая поражала и возмущала всѣхъ болѣе или менѣе честныхъ людей, въ томъ числѣ и Цицерона, и Корнелія Непота и даже самого Сенеку? Въ отвѣтъ на это Сенека говоритъ такъ: „Для достиженія важной цѣли мудрецъ можетъ иногда рѣшиться и на такія дѣйствія, которыхъ онъ внутренно и не одобряетъ. Этимъ однако-же онъ вовсе не отрекается отъ добрыхъ нравовъ; тутъ онъ лишь соображается съ обстоятельствами. Онъ употребляетъ для исполненія дѣлъ своихъ такія-же средства, какія и другіе люди употребляютъ для того, чтобы насладиться удовольствіями и приобрести славу. Мудрецъ будетъ дѣлать то-же самое, что дѣлаютъ невѣжда и развратный человѣкъ, но не тѣмъ способомъ и не съ тѣмъ намѣреніемъ“. Едва-ли кто станетъ спорить съ Лактанціемъ, когда онъ объявляетъ это ученіе положительно безнравственнымъ и оскорбительнымъ для человѣческаго достоинства. „Какая намъ нужда, говоритъ онъ, съ какимъ намѣреніемъ дѣлается то, что не позволено? Видны дѣла, но не видно намѣренія. *Аристиппъ*, глава Киренейцевъ, старался оправдать преступную связь свою съ знаменитою Лансою, утверждая, что большая разница между нимъ и другими волокитами Лансы отъ того, что будто-бы онъ обладаетъ ею, тогда какъ другими обладаетъ она. Какая дивная и достойная подражанія мудрость! Надобно вручить ему дѣтей вашихъ, если вы хотите, чтобы они были хорошо воспитаны“... Между тѣмъ, не только циники, справедливо заслужившіе данное имъ имя ско-

¹⁾ Div. Instit. lib. III. Cap. 25.

товъ, но даже и Цицеронъ былъ недалекъ отъ только что приведеннаго ученія Сенеки, по крайней мѣрѣ въ отношеніи его взгляда на языческую религію. Коснувшись нѣкоторыхъ обстоятельствъ, обличающихъ и опровергающихъ языческую религію римлянъ, Цицеронъ, между прочимъ, говоритъ: „не надобно однако-же спорить о семъ предметѣ передъ народомъ, дабы подобные споры не разрушили совершенно религіи, дѣлая ее подозрительною“. По поводу этихъ словъ Лактанцій высказываетъ слѣдующее прекрасное замѣчаніе: „Что дѣлать съ человѣкомъ, добровольно заблуждающимся, который нарочно закрываетъ себѣ глаза, чтобы и другіе оставались слѣпыми, который не приноситъ пользы ни себѣ, ни другимъ, слѣдуя заблужденіямъ послѣднихъ, который не пользуется своими познаніями и не хочетъ подѣлиться открытымъ имъ добромъ и который самъ запутывается въ тѣхъ сѣтяхъ, изъ которыхъ долженъ-бы былъ извлечь народъ? О Цицеронъ! употреби данія тебѣ небомъ дарованія на то, чтобы вселить въ согражданъ твоихъ нѣкоторое понятіе о мудрости. Предметъ этотъ заслуживаетъ того, чтобы мы истощили тутъ всю силу твоего краснорѣчія. Нельзя опасаться, чтобы у тебя недостало дара слова къ защищенію столь прекраснаго дѣла, когда ты изливалъ его обильно, защищая дѣла самыя недобрыя. Но ты затрудняешься отстаивать истину, потому что боишься попасть въ темницу, подобно *Сократу*. Любовь къ мудрости должна была-бы поселить въ тебѣ презрѣніе къ смерти, и для тебя лучше было-бы претерпѣть ее за то, что писалъ разсужденія, полезныя для всего свѣта, нежели за то, что произнесъ нѣсколько сильныхъ браанныхъ рѣчей. Какую славу ни пріобрѣли тебѣ твои филиппики, но несравненно большую честь доставило-бы тебѣ то, если-бы ты сумѣлъ вывести людей изъ заблужденія“ ¹⁾).

Свѣц. М. Буткевичъ.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Div. Instit. lib. II, cap. 3.

ИЗРЕЧЕНІЯ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ МЫСЛИТЕЛЕЙ,

выбранныя изъ сочиненій

Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др.

(Продолженіе *).

16. П и е а г о р ъ.

Если всё, доселѣ разсмотрѣнные мыслители и философы, обыкновенно причисляемые къ Іонійской школѣ, имѣли тѣ или другія точки соприкосновенія между собою, то совершенно особымъ отъ нихъ представляется Пифагоръ и его школа. Его можно въ нѣкоторомъ отношеніи сопоставлять только развѣ съ такими мыслителями, какъ Ферекидъ или Эпименидъ, да и то лишь со стороны нѣкоторыхъ чертъ жизни, а не образа міровоззрѣнія. Самая личность Пифагора скрывается въ туманѣ малоизвѣстности и чудесной обстановки. Родился онъ, по однимъ, около второй четверти, а по другимъ около половины VI столѣтія до Р. Хр. на островѣ Самосѣ. Имя отца его также указываютъ различно. Одни называютъ его скульпторомъ Мнисархомъ, другіе Мармакомъ, третьи еще иначе. Во всякомъ случаѣ то несомнѣнно, что родители Пифагора имѣли достаточныя средства на то, чтобы дать ему прочное начальное образованіе, а затѣмъ—дать ему возможность довершить свое образованіе съ помощію путешествій по разнымъ странамъ извѣстнаго тогда міра. Пифагоръ посѣтилъ разныя страны

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 16.

Малой Азіи, гдѣ познакомился съ различными отраслями наукъ и искусствъ, съ различными философскими ученіями и религіозными культурами. Съ тою-же цѣлю посѣтить онъ и страну чудесъ—Египеть. Лѣтъ сорока отъ роду онъ прибылъ въ такъ называемую Великую Грецію, что въ нижней Италиі, и поселился въ Кротонѣ. Здѣсь основалъ онъ свою общину, члены которой принимались по извѣстному обряду, вели жизнь уединенную, обставленную строгими правилами, были преданы своему учителю до такой степени, что всякое слово его считалось для нихъ закономъ. Если что „самъ сказалъ“ (αὐτὸς ἔφη), т. е. Пифагоръ, то сказанное было свято для нихъ и имѣло значеніе доказательства неопровержимаго. Полный таинственности обрядовъ, религіозный культъ пифагорейцевъ довершалъ особность характера общины, основанной Пифагоромъ. Глубокое изученіе математики и музыки самимъ Пифагоромъ во время путешествій его въ разныя страны легло въ основу философскаго міровоззрѣнія его и его школы. Въ этомъ воззрѣніи все опирается на числа и музыкальной гармоніи, все изъ нихъ выводится и къ нимъ сводится. Не менѣе характерною чертою въ этомъ воззрѣніи является и ученіе о переселеніи душъ, также заимствованное съ востока. Самъ Пифагоръ едва-ли что-либо написалъ. Онъ излагалъ свое ученіе по большей части устно. И познаемъ мы это ученіе главнымъ образомъ изъ сочиненій учениковъ его школы, къ числу которыхъ принадлежатъ, какъ особенно выдающіеся мыслители, слѣдующіе: Евритъ, Архитъ, Филолай и Клиній, а по нѣкоторымъ и Эмпедоклъ. Что сказано относительно цѣлой системы ученія Пифагора, тоже должно сказать и относительно отдѣльныхъ изреченій, приписываемыхъ Пифагору ¹⁾. Въ нихъ также иногда бываетъ трудно отличить принадлежащее ему самому лично отъ принадлежащаго его школѣ. Тѣмъ не менѣе эти изреченія отъ того нисколько не теряютъ въ своемъ внутреннемъ достоинствѣ и потому заслуживаютъ полнаго вниманія на ряду съ изреченіями другихъ мыслителей древней Греціи. Вотъ эти изреченія:

¹⁾ Свѣдѣнія о жизни и ученіи Пифагора см. у Діогена Лаэртія VIII, 1 и дал., у Ямвлиха, въ приложеніи къ сочиненію того-же Діогена Лаэртія и др.

Самъ Пифагоръ говорилъ о себѣ, что онъ нѣкогда былъ Эвалидъ и считался сыномъ Ерма (Меркурія) ¹⁾.

Онъ же говорилъ, что Ерма предлагалъ ему получить, что только хочетъ, за исключеніемъ лишь безсмертія. Пифагоръ попросилъ у него того, чтобы ему дано было и при жизни и послѣ смерти памятовать обо всемъ, чтобы ни случилось. Но это было, когда Пифагоръ не былъ еще Пифагоромъ, а Эвалидомъ. Тогда Ерма, послѣ смерти Эвалида, душу его помѣстилъ въ Евфорва; послѣ смерти Евфорва—въ Ермотима; послѣ смерти Ермотима—въ Делосскаго рыбака Пирра; а уже послѣ смерти Пирра—въ Пифагора, душа котораго поэтому помнила все, что пережила во всѣхъ предшествующихъ лицахъ, начиная съ Эвалида. — Пифагоръ, въ самомъ началѣ приписываемаго ему сочиненія о природѣ, говорилъ: клянусь воздухомъ, которымъ я дышу, и водою, которую я пью, я не буду произносить порицанія на эту рѣчь, которую буду излагать далѣе.

Въ началѣ другаго сочиненія, также приписываемаго Пифагору, тотъ-же мудрецъ говорилъ: о юноши, все то, что здѣсь написано, спокойно прочтите и отнеситесь къ тому съ уваженіемъ. — Когда Леопъ, тиранъ Фліасійскій ²⁾, спросилъ Пифагора, кто онъ такой, Пифагоръ отвѣтилъ: философъ, и затѣмъ продолжалъ: „жизнь человѣческая подобна торжеству собравшихся на общественныя игры. Какъ на таковое торжество одни приходятъ для состязанія, другіе для торговыхъ цѣлей, а третьи—лучшіе являются лишь въ качествѣ зрителей, такъ и въ жизни одни бываютъ съ рабскою душою, гоняются только за славою и возможно большимъ пріобрѣтеніемъ денегъ, а другіе—философы, которые стремятся только къ отысканію истины.

Пифагоръ не позволялъ своимъ ученикамъ молиться каждому за себя, такъ какъ человѣкъ не знаетъ, что полезно ему.

¹⁾ Эвалидъ былъ сынъ Ерма и считался однимъ изъ участниковъ похода Аргонавтовъ (См. Апол. Род. I, 54; Орф. Аргон. ст. 133). Согласно нижеслѣдующему въ этомъ заявленіи проглядываетъ ученіе о переселеніи душъ.

²⁾ Фліасія—область, лежавшая между Сикіономъ и Арголидою на Пелопонезскомъ полуостровѣ.

Отвѣчая на вопросъ о пьянствѣ, онъ называлъ его пагубнымъ, да и всякаго излишества не одобрялъ, говоря: никто не долженъ преступать мѣры ни въ пищѣ, ни въ питіи.

О супружескихъ отношеніяхъ онъ говорилъ, что ихъ лучше имѣть зимою, нежели лѣтомъ; также и осенью и весною они легче; но вообще они во всякое время тяжелы и на здоровье дѣйствуютъ неблагопріятно.

Разъ кто-то спросилъ Пифагора: когда должно имѣть супружескія отношенія къ женѣ? Философъ отвѣтилъ: когда ты хочешь быть слабѣе себя самого ¹⁾.

Тотъ-же философъ такъ раздѣлялъ періоды жизни человѣческой: дитя—двадцать лѣтъ; юноша—двадцать лѣтъ; молодой человѣкъ—двадцать лѣтъ; старикъ—двадцать лѣтъ. Эти возрасты соотвѣтствовали у него временамъ года слѣдующимъ образомъ: дѣтскій—веснѣ; юношескій—лѣту; возрастъ молодого человѣка—осени; старость—зимѣ. Юношею у него назывался мальчикъ, а молодымъ человѣкомъ мужчина.

Онъ же первый сказалъ, что у друзей должно быть все общее и что дружба есть равенство.

Извѣстную теорему свою, что гипотенуза прямоугольнаго треугольника равна двумъ другимъ сторонамъ (катетамъ) того-же треугольника, Пифагоръ нашелъ, когда закалалъ гекатомбу ²⁾.

Онъ же запрещалъ убивать животныхъ, дабы не ѣсть ихъ, на томъ основаніи, что они имѣютъ также, какъ и мы, душу.

Онъ запрещалъ прикасаться къ мясу одушевленныхъ животныхъ, упражняя и приучая людей къ болѣе легкой жизни, дабы они какъ можно легче могли добывать себѣ пищу, дабы не нуждались въ огнѣ и пили одну простую воду. Отъ этого и тѣлеснаго здоровья прибудетъ и душа получить болѣе свободное употребленіе своихъ силъ ³⁾.

Пифагоръ первый высказалъ, что душа, въ теченіи извѣст-

¹⁾ Это, равно какъ и предшествующее изреченіе, указываетъ отчасти на аскетическія воззрѣнія Пифагора и его школы.

²⁾ Гекатомба—жертва, состоявшая изъ ста быковъ.

³⁾ Въ этомъ находится также подтвержденіе высказанной нами выше мысли объ аскетическомъ направленіи жизни въ общинѣ Пифагора.

наго періода времени, необходимо должна переселяться изъ одного животнаго въ другое.

Онъ-же первый сказалъ, что Венера и Зарница есть одна и та же звѣзда.

Пифагоръ основалъ обособленную отъ всѣхъ общину, потому что былъ увѣренъ, что иначе онъ не могъ-бы имѣть учениковъ, воспитанныхъ совершенно въ его духѣ. Поэтому-то когда пифагорейца Ксенофила кто-то спросилъ, какимъ образомъ лучше всего можно было-бы воспитать сына, онъ отвѣтилъ: если онъ былъ-бы рожденъ въ городѣ, хорошо управляемомъ законами.

Пифагоръ часто говорилъ загадками, сравненіями и притчами. Вотъ нѣкоторыя изъ его загадочныхъ изреченій:

Огонь рубить мечемъ не должно.

Черезъ вѣсы переступать не нужно.

На хиникѣ ¹⁾ сидѣть не слѣдуетъ.

Сердца ѣсть не должно.

Бремени не должно поднимать вмѣстѣ съ кѣмъ-либо, а возлагать, кромѣ себя, и на кого-либо другаго можно.

Постели нужно имѣть всегда связанными.

На кольцѣ изображенія Бога носить не должно.

Слѣдъ горшка въ пеплѣ (въ золѣ) нужно уничтожать.

По публичнымъ мѣстамъ не слѣдуетъ ходить.

Легко бросать правую руку не должно.

Подъ одной съ собою кровлей-ласточекъ ²⁾ имѣть не должно.

Птицъ съ длинными загнутыми когтями воспитывать не слѣдуетъ.

Острый мечъ должно отвращать.

Уѣзжающему за-границу оглядываться назадъ не слѣдуетъ ³⁾.

¹⁾ Хиникъ—хлѣбная мѣра, содержащая въ себѣ $\frac{1}{3}$ осмины. Смыслъ загадочнаго изреченія теперь ясенъ. Да и всѣ, кстати скажемъ, приводимыя здѣсь загадочныя изреченія имѣютъ обоюдное значеніе и въ этой обоюдности—разгадка ихъ. Впрочемъ дабы не придавать нѣкоторымъ изъ нихъ то значеніе, какого не соединялъ съ ними самъ Пифагоръ, мы въ концѣ сдѣлаемъ къ нимъ поясненіе.

²⁾ Съ представленіемъ о ласточкѣ у древнихъ соединялось представленіе о болтливости, въ виду ея частаго щебетанья.

³⁾ Вотъ какое значеніе съ нѣкоторыми изъ этихъ изреченій соединяли сами пифагорейцы:

Пинеагоръ говорилъ, что вразумленіе есть поднятіе на ноги, выпрямленіе, исправленіе.

Ученикамъ своимъ онъ внушалъ, чтобы они каждый разъ, когда возвращаются домой, задавали себѣ вопросы: въ чемъ я преступилъ заповѣданное мнѣ? Что я успѣлъ сдѣлать? Чего я не сдѣлалъ изъ того, что долженъ былъ сдѣлать?

Онъ запрещалъ имъ приносить богамъ въ жертву закалаемое; а позволялъ приносить только безкровныя жертвы.

Запрещалъ имъ также клясться богами, говоря, что должно стараться дѣлать свое собственное имя заслуживающимъ полнаго довѣрія.

Старшихъ внушалъ онъ почитать на томъ основаніи, что предшествующее по времени почтеннѣе настоящаго, какъ на примѣръ въ природѣ востокъ почтеннѣе запада, въ теченіи жизни начало важнѣе конца, въ жизни животной рожденіе лучше истлѣнія. На томъ-же основаніи боговъ должно предпочитать геніямъ (полубогамъ), героевъ людямъ, а изъ людей предпочтеніе должно оказывать родителямъ.

Взаимную бесѣду должно вести такъ, чтобы собесѣдниковъ изъ враговъ дѣлать друзьями, а не изъ друзей—врагами.

Своимъ ничего не должно считать.

Закону должно идти на помощь, а съ беззаконіемъ ратоборствовать.

Скромно стоящее растеніе не должно ни портить, ни повреждать, равнымъ образомъ и животное, которое само не приноситъ вреда людямъ.

„Огонь рубить мечемъ не должно“—не раздражать больше разгнѣвавшихся уже начальниковъ.

„Черезъ вѣсы не преступать“—не выступать изъ мѣры справедливости и долга.

„На хиникѣ не сидѣть“—заботиться не только о настоящемъ днѣ, но и о будущемъ, такъ какъ хиникъ представлялъ собою мѣру ежедневнаго пропитанія.

„Сердца не ѣсть“—не сокрушать его скорбями и огорченіями.

„Убѣжавшій за-границу не долженъ оглядываться назадъ“—отходящій отъ сей жизни не долженъ желать возвратиться къ ней изъ-за временныхъ удовольствій.

„Легко бросать правую руку“, т. е. друзей, не должно.

Стыдливость и уваженіе должны состоять въ томъ, чтобы ни смѣяться, когда не нужно, ни дѣлать слишкомъ строгимъ лица.

Нужно избѣгать ѣсть много мяса.

При напряженіи силъ во время путешествія нужно дѣлать отдыхъ.

Память нужно упражнять.

Во время гнѣва не должно ни говорить, ни дѣйствовать.

Не всякое прорицаніе заслуживаетъ почтенія.

Пѣснями на лирѣ можно улаждаться, также какъ и гимнами въ честь боговъ.

Людямъ добрымъ пужно воздавать благодарность съ благо-разуміемъ.

Отъ употребленія въ пищу бобовъ нужно удерживаться, такъ какъ они, будучи духовидны, преимущественно предъ другими стручковыми плодами, причастны души ¹⁾. Къ тому-же воздержаніе отъ нихъ дѣлаетъ и чрево болѣе скромнымъ ²⁾, а затѣмъ и сновидѣнія оттого дѣлаются болѣе легкими и не страшными.

Ц. Ж.

(Продолженіе будетъ.)

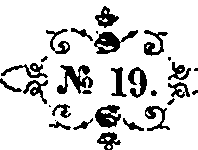

¹⁾ Далѣе у Діогена Лаэртія, изъ котораго заимствовано это, какъ и все предшествующее, приводится объясненіе Аристотеля, почему запрещалъ Пифагоръ ѣсть бобы: потому-де, что они похожи или на пзвѣстныя дѣтородныя части тѣла или же на врата ада. Но не повскаль-ли объясненія въ томъ свойствѣ ихъ, на которое отчасти намекается здѣсь же, т. е. въ способности производить вѣтры, что могло дать мысль о душѣ, въ нихъ заключающейся?

²⁾ То-есть не производитъ вѣтровъ.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Октября № 19. 1885 года.

Содержаніе: Циркулярный указъ за № 9 о доставленіи изъ всѣхъ епархій свѣдѣній о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности.—Распоряженіе Епархіальнаго начальства о точномъ исполненіи 67 ст. Зак. Гражд. Г. X, ч. 1.—Журналь сѣзда духовенства Ахтырскаго училищнаго округа отъ 3—4 сентября 1885 года.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Совѣта Пятигорскаго Общества помощи недостаточнымъ больнымъ.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Циркулярный указъ за № 9 о доставленіи изъ всѣхъ епархій свѣдѣній о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Предсѣдателя Училищнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣта, отъ 27 іюля сего года № 43, съ журналомъ Совѣта о напечатаніи и разсылкѣ по Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтамъ вопроснаго листка о состояніи церковно-приходскихъ школъ. Приказали: Имѣя потребность въ подробныхъ статистическихъ свѣдѣніяхъ о церковно-приходскихъ школахъ всѣхъ епархій и находя выработанный для сего Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ проектъ вопроснаго листка цѣли соотвѣтствующимъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: напечатать означенные листки и препроводить оныя къ Епархіальнымъ Пресвященнымъ при циркулярныхъ указахъ для разсылки Епархіальными Училищными Совѣтами завѣдующимъ церковно-приходскими школами и школами грамотности, съ тѣмъ, чтобы по собраніи одновременно 25 ноября сего года свѣдѣній о состояніи церковно-приходскихъ школъ, и по удостовѣреніи сихъ свѣдѣній наблюдателями школъ, гдѣ учреждены таковыя должности, а въ другихъ епархіяхъ по удостовѣреніи Епархіальными Училищными Совѣтами, собранные листки были препровождены въ Училищный при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣтъ. Сентября 17 дня 1885 года.

На сѣмъ указѣ послѣдовала таковая резолюція Преосвященнѣйшаго Амвросія, Епископа Харьковскаго и Ахтырскаго:

„Въ Епархіальный Училищный Совѣтъ. Предлагаю Совѣту 1) распорядиться напечатаніемъ сего указа и вопроснаго листка въ „Листокъ Епархіальномъ“; 2) при спискѣ доселѣ открытыхъ церковно-приходскихъ школъ препроводить въ Консисторію соотвѣтствующее число экземпляровъ вопроснаго листка для отсылки къ приходскимъ священникамъ и другимъ лицамъ, открывшимъ школы съ надлежащимъ разъясненіемъ ихъ назначенія и 3) въ Консисторію же сдать и остальные экземпляры онаго для приложенія къ указамъ о разрѣшеніи на открытіе новыхъ школъ и приложить копию съ сего Указа“.

Приложеніе къ циркулярному указу
Св. Синода отъ 17 сентября 1885 года за № 9.

По (такой-то) епархіи (такому-то) уѣзду.

ВОПРОСНЫЙ ЛИСТОКЪ

о состояніи (такой-то) церковно-приходской школы (или школы грамотности).

(Къ 25 ноября 1885 года).

ВОПРОСЫ:

ОТВѢТЫ:

1) Гдѣ школа находится (село или деревня, посадъ, погость, хуторъ, выселокъ и т. п., уѣздъ и губернія; если школа находится въ городѣ, то указать улицу и № дома, или фамилію домовладѣльца)?

2) Означенная школа церковно-приходская или школа грамотности?

Примѣчаніе. Школами грамотности именованы домашнія крестьянскія школы, въ коихъ лица обоюго пола, подъ наблюденіемъ священника, обучаютъ чтенію и письму.

3) Время открытія школы (годъ, мѣсяцъ и число) и кѣмъ школа учреждена?

4) Мужская или женская школа, или для обоихъ половъ вмѣстѣ?

5) Обучающіяся въ школѣ дѣти исключительно-ли приходящія, нѣтъ-ли постоянно живущихъ въ школѣ дѣтей, или есть въ школѣ тѣ и другія?

6) Возникается-ли плата за ученіе, или какое иное вознагражденіе, и въ какомъ разиѣрѣ съ приходящихъ и съ постоянно или временно живущихъ въ школѣ?

7) Продолжительность учебного года (какого мѣсяца и числа начинаются и прекращаются учебныя занятія въ школѣ)?

8) Одноклассная или двухклассная школа?

9) Если преподаваніе въ школѣ ведется не на русскомъ языкѣ, то на какомъ именно?

10) Число учащихся (мальчиковъ и дѣвочекъ отдѣльно) въ день собранія свѣдѣній:

а) по списку или по журналу?

б) состоятъ на лицо?

11) Число окончившихъ ученіе въ школѣ за послѣдній отчетный годъ:

а) съ льготнымъ правомъ по воинской повинности?

б) безъ этого права?

12) Распредѣленіе учащихся:

а) по вѣроисповѣданію:

б) по возрасту (*по каждому возрастному году отдѣльно*):

в) по сословію или званію родителей.

13) Есть-ли особое помѣщеніе для школы и удобно-ли оно, когда, кѣмъ и на какія средства устроено? Если особаго зданія для школы нѣтъ, то гдѣ она помѣщается и на какихъ условіяхъ?

14) Средства содержанія школы:

а) постоянное или единовременное отъ правительства пособіе и въ какомъ размѣрѣ?

б) пособіе отъ земства.

в) пособіе изъ церковныхъ или монастырскихъ суммъ.

г) постоянное или единовременное пособіе отъ волостныхъ правленій, или отъ сельскихъ обществъ.

д) постоянное или единовременное пособіе отъ частныхъ лицъ, отъ кого именно и въ какомъ размѣрѣ?

е) постоянное или единовременное пособіе отъ церковно-приходскихъ попечительствъ, братствъ, приходскихъ благотворительныхъ обществъ и т. п. учреждений, отъ какихъ именно и въ какомъ размѣрѣ?

ж) сумма платы, получаемой за ученіе.

з) другіе источники содержанія школы и какіе именно?

15) Если недостаетъ въ школѣ учебниковъ и учебныхъ пособій, то какихъ именно и въ какомъ количествѣ, и какія имѣются въ виду мѣстныя средства къ восполненію этого недостатка?

16) Кто обучаетъ въ школѣ Закону Божію и другимъ предметамъ и кто завѣдуетъ школою?

17) Получаютъ-ли обучающіе въ школѣ вознагражденіе, изъ какого источника и въ какомъ размѣрѣ?

„ 00 “ ноября 1885 года.

Подпись завѣдующаго школою:

Удостовереніе наблюдателя въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ учреждена такая должность, а въ другихъ—удостовереніе Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Статьею 67-ю Зак. Гражд. Свода 1857 г. т. X ч. 1 (по продолж. 1876 г.) постановлено: „Если женихъ или невѣста принадлежитъ къ православному исповѣданію, въ семъ случаѣ вездѣ, кромѣ Финляндіи (для коренныхъ жителей которой постановлено въ статьѣ 68 изъятіе), требуется, между прочимъ, чтобы лица другихъ исповѣданій, вступающія въ бракъ съ лицами православнаго исповѣданія, дали подписку, что не будутъ ни поносить своихъ супруговъ за православіе, ни склонять ихъ чрезъ прельщеніе, угрозы или инымъ образомъ, къ принятію своей вѣры, и что рожденныя въ семъ бракѣ дѣти крещены и воспитаны будутъ въ правилахъ православнаго исповѣданія; подписка сія берется священникомъ предъ совершеніемъ брака по формѣ (къ статьѣ сей приложенной). По совершеніи брака подписка представляется епархіальному архіерею“. Имѣя въ виду, что сему закону присвоена общая обязательная сила въ Россіи повсюду, за исключеніемъ лишь Финляндіи (68 ст. того-же тома), для коей по мѣстнымъ обстоятельствамъ существуетъ особое законное правило, и что сей законъ остается донынѣ неизмѣннымъ въ своей силѣ, Епархіальное Начальство сямъ подтверждаетъ духовенству Харьковской епархіи при совершеніи браковъ лицъ православныхъ съ лицами другихъ христіанскихъ исповѣданій точно исполнять выше приведенную статью закона.

Ж У Р Н А Л Ъ

съѣзда духовенства Ахтырскаго училищнаго округа отъ 3—4 сентября 1885 года.

1885 года сентября 3 дня, поутру въ 10 часовъ, уполномоченные Ахтырскаго училищнаго округа отъ духовенства, собравшись въ количествѣ двадцати, по молитвѣ, большинствомъ голосовъ, посредствомъ закрытой

баллотировки, избрали изъ среды себя предсѣдателямъ священника о. Павла Клементьева и единогласно дѣлопроизводителями священниковъ Андрея Салухина и Николая Эллипскаго. По открытіи собранія отобраны были свидѣтельства на право уполномоченія и оказалось, что уполномоченные отъ духовенства 9 и 11 десятковъ, по неизвѣстнымъ съѣзду причинамъ, не явились и затѣмъ приступлено было къ разсмотрѣнію подлежащихъ обсужденію съѣзда дѣлъ.

1. По выслушаніи отношенія Ахтырскаго духовнаго училищнаго правленія, отъ 3 сентября текущаго 1885 года за № 604, и по прочтеніи приложенной при отношеніи смѣты прихода и расхода на 1886 годъ, постановили: смѣту принять безъ измѣненія, кромѣ пункта 3 въ 1 статьѣ о назначеніи жалованья эконому.

2. По выслушаніи отношенія училищнаго правленія, отъ того же числа за № 605, и приложеннаго при этомъ журнала о приходѣ и расходѣ суммъ по содержанію училища за 1883 годъ и 1884 годъ членовъ временно-ревизіоннаго комитета, постановили: благодарить за трудъ членовъ коммисіи, и журналы принять къ свѣдѣвію.

3. По выслушаніи отношенія училищнаго правленія, отъ 3 сентября текущаго года за №№ 606—607, объ избраніи членовъ правленія отъ духовенства на будущее трехлѣтіе и членовъ отъ духовенства временно-ревизіоннаго комитета, для повѣрки отчетовъ о приходѣ и расходѣ суммъ по содержанію училища за 1886 и 1887 годы, постановили: произвести избраніе членовъ правленія и временно-ревизіоннаго комитета, которое и было произведено посредствомъ закрытой баллотировки.

3-го сентября того же года 5—10 часовъ вечера.

4) По прочтеніи и подписаніи баллотировочнаго листа приступлено было къ разсмотрѣнію подлежащихъ сужденію слѣдующихъ вопросовъ, и по выслушаніи отношенія училищнаго правленія, отъ 3 сентября текущаго года за № 608, о добавкѣ 50 руб. къ получаемымъ 250 руб. жалованья училищнымъ врачомъ г. Ососковымъ, просивыхъ имъ у правленія училища, постановили: благодарить г. врача Ососкова за оказываемое имъ вниманіе къ больнымъ воспитанникамъ училища и добавить ему, согласно ходатайству училищнаго правленія, 50 руб. съ будущаго 1886 года изъ смѣтныхъ назначеній будущаго года.

5. По выслушаніи отношенія училищнаго правленія, за № 609 отъ того же числа, о добавленіи жалованья училищному эконому въ количествѣ 150 руб. къ получаемымъ имъ 150 руб. въ годъ и прошенія эконома училища Василія Шаповалова о добавленіи къ получаемымъ имъ 150 руб. еще 250 руб., постановили: съ будущаго 1886 года добавить эконому училища 50 руб., находя такую добавку достаточной.

6. По выслушаніи отъ того же числа отношенія правленія училища за № 610, о выдачѣ казенно-коштнымъ воспитанникамъ бѣлья, суконныхъ сюртуковъ, платковъ и галстуконъ въ началѣ каждаго учебнаго, а не экономическаго года, въ виду крайнихъ въ этомъ нуждъ, испытываемыхъ вновь поступающими въ училище воспитанниками, — сиротами и дѣтьми бѣдныхъ родителей, — постановили: единовременный расходъ суммъ употребить на это изъ смѣтнаго назначенія за 1885 годъ съ тѣмъ, что если изъ остатковъ текущаго года предполагаемый расходъ не покроется, то можетъ быть покрытымъ средствами отъ остатковъ будущаго 1886 года, значащихся подъ статьями ζ , ψ , ρ , γ , δ , ε , 100 руб. отъ остатковъ жалованья эконома, 89 руб. 81 коп. изъ остатковъ по содержанію училища, 90 коп. отъ остатка освѣщенія восковыми свѣчами (при утренней и вечерней молитвахъ учениковъ).

7. По выслушаніи отношенія правленія училища, за № 611 отъ того же числа, о взиманіи платы за право обученія съ вновь поступающихъ въ училище дѣтей не духовнаго званія немедленно по опредѣленіи ихъ въ училище, для прочихъ же воспитанниковъ того же сословія, состоящихъ въ училищѣ, объ ограниченіи срока взноса платы за обученіе первою половиною третнаго мѣсяца (15 августа), примѣнительно къ § 107 училищнаго устава и о взиманіи платы за обученіе дѣтей свѣтскаго сословія сполна за весь учебный годъ, не раздѣляя ея по третямъ года, — постановили: предоставить на благоусмотрѣніе училищнаго правленія.

8) По выслушаніи прошенія надзирателя, репетитора приготовительнаго класса училища, Іоанна Пономарева объ уравниеніи ему жалованья съ надзирателями другихъ классовъ училища, именно: къ получаемымъ имъ 250 рублямъ добавить ему еще 50 руб., — постановили: за неизмѣніемъ особыхъ средствъ оставить прошеніе безъ удовлетворенія.

9. По выслушаніи прошенія г. помощника смотрителя училища Алексѣя Угриновича объ увеличеніи ему содержанія къ 588 руб., по крайней мѣрѣ, добавкою квартирнаго пособія, получаемого наставниками училища, или о дозволеніи ему продовольствовать свою прислугу, состоящую изъ 2 лицъ, тою пищею изъ училищной кухни, какою пользуется вся училищная прислуга, — постановили: принимая во вниманіе, что помощникъ смотрителя г. Угриновичъ только послѣдніе годы состоитъ на службѣ при Ахтырскомъ духовномъ училищѣ и на оной, кромѣ 588 руб. жалованья, пользуется даровою квартирою, отопленіемъ и освѣщеніемъ, а равнымъ образомъ можетъ пользоваться безвозмездно совѣтами врача и медицинскимъ пособіемъ изъ училищной аптеки какъ, для поддержанія личнаго своего здоровья, такъ и здоровья своего семейства, означенную его просьбу оставить безъ удовлетворенія.

10. По выслушаніи отношенія училищнаго правленія, за № 613 отъ того же числа, съ представленіемъ училищному окружному съѣзду отъ духовенства прошенія священника Кунопскаго уѣзда слободы Мѣловатки, о. Іакова Филевскаго и по прочтеніи таковаго прошенія объ освобожденіи его отъ платы за право ученія его сына въ Ахтырскомъ духовномъ училищѣ,— постановили: просить правленіе училища объ удовлетвореніи просьбы священника Филевскаго.

На вышеизложенныхъ постановленіяхъ резолюція Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Амвросія, послѣдовало таково: „Сентября 10. Постановленія первыхъ двухъ собраній утверждаются“.

4 сентября, 8 часовъ утра.

11. Выслушана копія отношенія хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Синодѣ и при оной приложенная расчетная таблица, препровожденная въ съѣздъ духовенства при отношеніи Ахтырскаго училищнаго правленія, за № 612 отъ 3 сентября нынѣшняго года, о томъ, что по ходатайству Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Амвросія, епископа Харьковскаго и Ахтырскаго, Святѣйшій Синодъ нашелъ возможнымъ отпустить займообразно 30.000 р. изъ 6% годовыхъ на устройство и разширеніе зданій Ахтырскаго училища въ два срока, именно: въ январѣ 1886 и въ январѣ 1887 годовъ по 15.000 р. сер. Принося искренною признательность Его Преосвященству, Преосвященнѣйшему Амвросію за его архипастырскую заботливость о нашихъ нуждахъ и разсудивши, что уплата этихъ 30.000 р. съ 6% на нихъ въ продолженіи 26 лѣтъ можетъ лечь не малою тяжестью на церкви и безъ того обремененныя налогами, а именно: прійдется уплатить вмѣсто 30.000 р. 58,022 р., что составитъ 28.000 р. напраснаго излишка, могущаго пойти съ пользою на наши училищныя нужды въ будущемъ, между тѣмъ какъ разложивши эти 30.000 руб. по количеству въ округѣ 222 церквей на церковь въ годъ 134 р. $\frac{1}{4}$ к. и произведши въ 2 года, можно сберечь 28.000 р., которые на занятыя у Святѣйшаго Синода (30.000 р.) должны уплатить церкви и притомъ уплатить непроязвительно для округа. Постановили: просить Его Преосвященство, Преосвященнѣйшаго Амвросія, сдѣлать распоряженіе о немедленномъ созывѣ о.о. благочинными Ахтырскаго училищнаго округа благочинническихъ съѣздовъ, для разложенія суммы въ количествѣ 30.000 руб., по числу и состоянію церквей Ахтырскаго училищнаго округа и взносу ихъ въ два срока: въ январѣ 1886 г. и 1887 года по 15.000 руб. сереб. въ каждый срокъ.

12. По выслушаніи заявленія члена правленія отъ духовенства священника о. Адріана Мухина о томъ, что г. смотритель училища и его помощникъ, какъ случайно оны узналъ 4 сего сентября, пользуются отомле-

ніемъ и освѣщеніемъ, не просивши о томъ духовенство, проситъ обсудить, насколько законно такое право,—постановили: такъ какъ заявленіе священника Мухина поступило несвоевременно и кромѣ того г. смотритель училища и его помощникъ пользуются отопленіемъ и освѣщеніемъ съ согласія духовенства, что подтверждается принятіемъ назначеній на означенные предметы по прежнимъ смѣтамъ, а такъ-же и по смѣтѣ на будущій 1886 г., то и оставить заявленіе о. Мухина безъ послѣдствій; а во избѣжаніе подобныхъ заявленій на будущее время считать назначенія по смѣтѣ на отопленіе и освѣщеніе квартиръ какъ смотрителя училища, такъ и его помощника не подлежащими отиѣнѣ.

13. По выслушаніи личнаго заявленія предсѣдателя сѣзда о томъ, что изъ программы вопросовъ, подлежащихъ обсужденію сѣзда, отпечатанныхъ въ 13 № журнала „Вѣра и Разумъ“ за текущій годъ остался безъ обсужденія вопросъ о назначеніи особаго вознагражденія дѣлопроизводителю правленія,—постановили: такъ какъ отъ училищнаго правленія не поступило въ сѣздъ никакого доклада по этому вопросу, то и оставить оный открытымъ до будущаго сѣзда.

14. Днемъ сѣзда въ будущемъ 1886 году назначается 2 сентября.

По статьямъ: 11, 12, 13 и 14 сего журнала резолюція Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Амвросія, послѣдовала такъ: „Сентября 10. Мѣра несвоевременная. Некогда разсуждать, когда нужно платитъ деньги за постройку. Въ послѣдствіи можно придумывать мѣры для ускоренія уплаты долга. При томъ извѣстно изъ опыта, что съ разсрочкою и по немногу и излишнее платится легче, чѣмъ большая сумма единовременно. На этомъ основаны всѣ займы. Остальное утверждается“.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Священникъ слоб. Смольяниновой, Старобѣльскаго уѣзда, *Стефанъ Крыжановскій* утвержденъ законоучителемъ Смольяниновской народной школы.

— Священникъ Успенской церкви слободы Рубежной, Волчанскаго уѣзда, утвержденъ законоучителемъ Рубежанскаго народнаго училища.

— Священникъ церкви слободы Райгородки, Изюмскаго уѣзда, *Василій Ступищевъ*, утвержденъ законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

— На священническое мѣсто къ Рождество-Богородичной церкви слободы Боровой, Купянскаго уѣзда, опредѣленъ студентъ Харьковской духовной семинаріи, *Иванъ Торанскій*.

— Псаломщикъ Петро-Павловской церкви слободы Велякотской, Старобѣльскаго уѣзда, діаконъ *Александръ Воскобойниковъ* утвержденъ 2 сего октября штатнымъ діакономъ.

— 8 октября діаконъ Золочевской Успенской церкви, *Михаилъ Стефаненко*, состоявшій на псаломщицкой вакансіи, утвержденъ штатнымъ діакономъ при приходской церкви.

— На псаломщицкое мѣсто къ Петро-Павловской церкви слободы Дружелюбовки, Купянскаго уѣзда, опредѣленъ священнической сынъ *Николай Поповъ*.

— Псаломщикъ Троицкой церкви слободы Перекопа, Валковскаго уѣзда, *Іоаннъ Ходскій* рукоположенъ во діакона къ означенной церкви, 15 сентября 1885 года.

— Псаломщикъ Валковской соборной Преображенской церкви, *Георгій Улановъ* рукоположенъ во діакона къ Валковской Георгіевской церкви, 26 сентября 1885 года.

— 3 октября опредѣленъ исправляющимъ должность псаломщика, бывшій воспитанникъ семинаріи, *Николай Шикинъ* къ Іоанно-Богословской церкви слободы Основы, Харьковскаго уѣзда.

— Псаломщикъ слободы Основы, Харьковскаго уѣзда, *Іоаннъ Кунинъ* рукоположенъ во діакона къ приходской своей церкви.

— Псаломщикъ Архангело-Михаиловской церкви слободы Бабаевъ, Харьковскаго уѣзда, *Василій Брайловскій* перемѣщенъ на праздное псаломщицкое мѣсто къ Все-Святской Холодногорской церкви г. Харькова.

— Псаломщикъ Покровской церкви слободы Чепеля, Изюмскаго уѣзда, *Андрей Гончаревскій* умеръ, а вмѣсто его опредѣленъ псаломщикомъ къ той-же церкви, сынъ его *Алексій Гончаревскій*.

— Уволенный изъ 3 класса Ахтырскаго духовнаго училища, *Іаковъ Чиговцевъ* опредѣленъ псаломщикомъ къ Іоанно-Богословской церкви села Черемушнаго, Валковскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Троицкой церкви села Поповки, Богодуховскаго уѣзда, *Алексій Дзюбановъ*, согласно прошенію, уволенъ за штатъ, а на мѣсто его опредѣленъ псаломщикъ Успенской церкви слободы Коломака, Валковскаго уѣзда, *Стефанъ Дзюбановъ*, 2 октября 1885 года.

— Діаконскій сынъ *Порфирій Котляревскій* опредѣленъ псаломщикомъ къ Успенской церкви слободы Коломака, Валковскаго уѣзда, 7 октября.

— Псаломщикомъ къ Воскресенской церкви села Ясеноваго, Лебедянскаго уѣзда, опредѣленъ сынъ причетника, *Іванъ Шьчкинъ*.

— Псаломщикъ Ильинской церкви села Угроидъ, Ахтырскаго уѣзда, *Іоаннъ Стровскій* по прошенію уволенъ 7 сего октября за штатъ, а на его мѣсто опредѣленъ сынъ его *Михаилъ Стровскій*.

— Сынъ псаломщика *Сергій Хорошковъ* $\frac{4}{8}$ октября н. г. опредѣленъ псаломщикомъ къ Вознесенской церкви г. Лебедина.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: Вознесенской цер-

кви слободы Старо-Салтова, Волчанскаго уѣзда, крестьянинъ *Лаврентій Мурзинъ*; Александро-Невскаго молитвеннаго дома селенія Рогова, Старобѣльскаго уѣзда, крестьянинъ *Семенъ Ковалевъ*; Александро-Невской церкви Лимаревскаго конскаго завода, того-же уѣзда, отставной конюхъ *Семенъ Ходаковъ*; Успенской церкви слободы Поповки, того-же уѣзда, крестьянинъ *Гурій Сосиковъ*; Архангело-Михайловской церкви слободы Даниловка, того-же уѣзда, крестьянинъ *Іоаннъ Попелухинъ*; Архангело-Михайловской церкви слободы Козинка, Волчанскаго уѣзда, крестьянинъ *Корнилій Севрюковъ*; Благовѣщенской церкви слободы Благодатной, того-же уѣзда, крестьянинъ *Назарій Шителенко*; Николаевской церкви слободы Николаевки 1, того-же уѣзда, мѣщанинъ *Іоаннъ Подльскій*; къ церквамъ Зміевскаго уѣзда: Іоанно-Богословской церкви села Тетльги, крестьянинъ *Яковъ Машиковъ*; Николаевской города Чугуева, крестьянинъ *Автономъ Заволокинъ*; Преображенской села Борокъ, крестьянинъ *Алексій Тельскій*; Архангело-Михайловской слободы Соколова, крестьянинъ *Василій Радченко*, Георгіевской села Мосьпанова, крестьянинъ *Іосифъ Колышанъ*, Архангело-Михайловской села Лебляжяго, крестьянинъ *Іосифъ Чаша* и Николаевской церкви заштатнаго города Краснокутска, Богодуховскаго уѣзда, цеховой *Серій Кошій*, 29 сентября 1885 года; къ церкви св. Маріи Магдалины села Бобрюка, Лебединскаго уѣзда, утвержденъ крестьянинъ *Михаилъ Дроздъ*; къ Успенской церкви села Климовки, Сумскаго уѣзда, утвержденъ крестьянинъ *Андрей Тесленко*; къ Рождество-Богородичной церкви слободы Боромли, Ахтырскаго уѣзда, утвержденъ купецъ *Василій Григорьевъ*; къ Троицкой церкви слободы Боромли, Ахтырскаго уѣзда, утвержденъ крестьянинъ *Іоакимъ Буденный*; къ Крестовоздвиженской церкви слободы Боромли, Ахтырскаго уѣзда, утвержденъ крестьянинъ *Михаилъ Скрынька*; къ Троицкой церкви слободы Проруба, Сумскаго уѣзда, утвержденъ мѣщанинъ *Іванъ Саланевъ*; къ Варваровской церкви села Искрисковщины, Сумскаго уѣзда, утвержденъ крестьянинъ *Петръ Солянинъ*.

— Староста Николаевской церкви слободы Терновъ, Лебединскаго уѣзда, *Стефанъ Цыганенко* награжденъ похвальнымъ листомъ.

— Церковный староста Предтечевской церкви с. Основы, Харьковскаго уѣзда, крестьянинъ *Василій Золотаревъ* награжденъ похвальнымъ листомъ.

— Утверждены церковными старостами къ церквамъ Изюмскаго уѣзда: Николаевской слободы Спѣваковки, крестьянинъ *Акимъ Бацай на второе трехмѣтіе* и Акилининской села Небременнаго, крестьянинъ *Романъ Соловей на шестое трехмѣтіе*.

Отъ Совѣта Пятигорскаго Общества помощи недостаточнымъ больнымъ.

Совѣтъ Пятигорскаго Общества помощи недостаточнымъ больнымъ, пріѣзжающимъ на Кавказъ, для пользованія минеральными водами, состоящаго подъ Августѣйшимъ попечительствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Михаила Николаевича, избралъ единогласно въ почетные члены Общества: Епископа Харьковскаго и Ахтырскаго Амвросія и г. Харьковскаго Губернатора Барона А. А. Искуль-Фонъ-Гильдебрандта.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

Содержаніе: Новыя испытанія для православной Церкви на славянскомъ югѣ.—Постановленія сѣзда преосвященныхъ юго-западнаго края.—Впечатлѣніе произведенное сѣздомъ преосвященныхъ въ Казани.—Ходатайство Святѣйшаго Синода о кредитѣ на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній.—По поводу епархіальныхъ сѣздовъ духовенства.—Общества взаимнаго вспоможенія среди духовенства.—О церковно-приходскихъ школахъ.

— Почти каждый день приносятъ все новыя горькія и непріятныя вѣсти о положеніи православной Церкви на славянскомъ югѣ. Въ настоящій разъ мы имѣемъ въ виду здѣсь несчастныя сербскія земли, Боснію и Герцеговину, равно также и юго-славянскія съ православнымъ населеніемъ провинціи Австріи со включеніемъ православной Буковины. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ за послѣднее время происходили и сейчасъ продолжаютъ оставаться неотрадныя для православной Церкви явленія, о которыхъ печать заграничная и наша успѣла уже сообщить нѣсколько данныхъ и въ объясненіе самой причины явленій предлагала тѣ или другія свои соображенія и домыслы.

Прежде всего, въ Босніи славный борець и защитникъ православія Сараевскій митрополитъ Савва Косановичъ подалъ Царьградскому патріарху просьбу объ отставкѣ. Австро-мадьярское правительство приняло эту отставку, но патріархъ, согласно съ нуждами мѣстнаго православнаго населенія и его искренно-настоятельными требованіями, отставки не принялъ и по этому поводу отъ имени всего патріаршаго синода послалъ митрополиту Саввѣ посланіе, которое, при всей своей краткости, будучи проникнуто искреннимъ материнскимъ соболѣзнованіемъ великой Христовой Церкви, содержитъ въ себѣ ясный, недвусмысленный намекъ на причину, вынудившую Боснійскаго митрополита просить себѣ отставку. Въ виду важности этого документа приводимъ его въ русскомъ переводѣ съ сербскаго:

„Іоакимъ Божією милостію архіепископъ Константинопольскій, новаго Рима, и вселенскій патріархъ.

„Преосвященному митрополиту Боснійскому и экзарху всей Далмаціи во Святомъ Духѣ возлюбленному нашему брату и сослужителю нашего смиренія господину Саввѣ.

„Благодать вамъ и миръ отъ Бога, возлюбленное намъ ваше преосвященство! Въ святѣйшемъ нашемъ синодѣ мы прочитали ваше

братское письмо отъ 14 іюня текущаго года, равно какъ и телеграмму отъ 8 числа. Въ первомъ вы излагали намъ, какъ подвергаетесь вы всякаго рода неприятностямъ и какъ, вслѣдствіе этого, тяжело ваше положеніе, и просите св. мать великую Церковь принять во вниманіе вашу отставку. А въ другомъ телеграфически просите отвѣтить на ваше письмо.

„Телеграммою мы вамъ отвѣтили, что ваша просьба объ отставкѣ не можетъ быть уважена: поэтому сегодня посылаемъ вашему преосвященству эту нашу патріаршую синодальную грамоту, въ которой рекомендуемъ вамъ, какъ вѣрному и испытанному воину св. православной Церкви, вспомнить того, кто сказалъ: *я бланодушествую въ немощахъ, въ обидахъ, въ нуждахъ, въ гоненіяхъ, въ притлсненіяхъ за Христа; ибо, когда я немощенъ, тогда силенъ* (2 Кор. XII, 10), и оставьте всякую мысль объ отставкѣ; но теперь же приложите руку вашу къ плугу, не взирая на тѣ причины, которыя, по вашему мнѣнію, дали поводъ къ вашей отставкѣ, ибо въ самыя тяжелыя времена св. Христова Церковь и православный народъ имѣютъ большую нужду въ достойныхъ и способныхъ служителяхъ и пастыряхъ, а это засвидѣтельствовано и вашимъ преосвященствомъ, такъ какъ вы съ успѣхомъ можете защищать истинныя интересы своей благочестивой паствы и право св. православной Церкви. Въ такихъ богоугодныхъ трудахъ и подвигахъ испытываются и познаются добрые пастыри.

„Надѣмся, что и вы, ваше преосвященство, какъ добрый и испытанный воинъ св. православной Церкви, послушаете нашего голоса и продолжите свой трудъ на пользу нерушимой нашей православной вѣры и напряжете свои силы ради ввѣреннаго вамъ отъ Господа народа, которымъ вы разумно будете руководить, а такъ поступая, вы будете пользоваться благорасположеніемъ его императорскаго величества, боголюбивѣйшаго австрійскаго императора и короля Угорскаго, который нѣсколько разъ благоизволилъ очевиднѣйшимъ и официальнѣйшимъ образомъ засвидѣтельствовать, что православная боснійско-герцеговинская Церковь можетъ разсчитывать и во всякомъ случаѣ твердо положиться на поддержку и защиту императорско-королевскаго правительства.

„И, такъ поступая, получите благословеніе св. матери Церкви и сподобитесь достойнаго вѣнца отъ праведнаго Мздовоздавателя Бога, Коего благодать и многая милость да будетъ съ вами. 1885 г. 12 іюля“.

(Затѣмъ слѣдуютъ подписи патріарха Іоакима и митрополитовъ—

членовъ святѣйшаго сѹнода: Кизинскаго Никодима, Халкидонскаго Каллиника, Амасійскаго Софронія, Серезскаго Наѳанаила, Мелникскаго Проконія, Меѳимискаго Никифора, Дебрскаго Никифора, Самосскаго Гавріила и Литицкаго Игнатія).

Содержаніе приведенной грамоты, въ которой патріаршій сѹводъ указываетъ между прочимъ на тяжелыя испытанія для православной Церкви вообще и для православныхъ пастырей въ частности и въ которой еще объщаетъ митрополиту Саввѣ официально подтвержденное благорасположеніе къ его дѣятельности со стороны австрійскаго императора (разумѣется конвенція австрійскаго правительства съ царьградскимъ патріархомъ), это содержаніе, повторяемъ, даетъ недвусмысленный намекъ на причину отставки Сараевскаго митрополита и ясно опровергаетъ догадки на этотъ счетъ официозной австрійско-мадьярской печати. Между тѣмъ какъ официозная австрійско-мадьярская печать и ея славянскіе прихвостни (какъ напр. „Српски Народ“—органъ Карловацкаго патріарха Ангелича, „Наше доба“, „Просвјета“ и др.) причину отставки Саввы Косановича усматривали главнымъ образомъ въ какихъ-то недоразумѣніяхъ (?) у него съ паствою, патріаршая сѹнодальная грамота, на основаніи собственнаго письменнаго увѣдомленія митр. Саввы, причину эту ставитъ въ связь съ правительственными австрійскими отношеніями къ дѣятельности православнаго Сараевскаго митрополита, какъ борца и защитника православія противъ козней и наглыхъ происковъ покровительствуемой австрійскимъ правительствомъ латинской пропаганды. Правда, загребскій „Србобран“ (№ 84, 1885 г.) въ одной корреспонденціи изъ Босніи указываетъ между прочимъ на нѣкоторыя агитаціи противъ Саввы Косановича со стороны мѣстныхъ сербовъ, австрійскихъ чиновниковъ и продажныхъ измѣнниковъ своему народу, газета поименовываетъ даже главныхъ изъ нихъ, которые возбуждаютъ народъ противъ православнаго духовенства и это послѣднее вмѣстѣ съ народомъ противъ митрополита. Тѣмъ не менѣе эти агитаціи, какъ только частныя интриги нѣсколькихъ измѣнниковъ православнаго сербства, не составляютъ еще главной причины отставки митрополита Саввы Косановича: онѣ въ свою очередь сами суть слѣдствія другой главной причины, на которую указываетъ патріаршая сѹнодальная грамота и которую достаточно разъясняетъ независимая сербская и отчасти нѣмецкая печать въ Австріи. Причина эта—борьба митрополита Саввы противъ латинской пропаганды, которая, пользуясь покровительствомъ австрійскаго правительства, все болѣе и болѣе

усиливаетъ свою дѣятельность въ Босніи и Герцеговинѣ. Извѣстно, что одинъ высокопоставленный австрійскій чиновникъ, польскій графъ Мѣрозовскій, открыто, съ явнымъ нахальствомъ, предлагалъ митрополиту Саввѣ унію съ Римомъ и всѣ ея горькія послѣдствія для православной ея паствы. Митрополитъ рѣшительно отвергъ это наглое предложеніе, сдѣлавъ о томъ представленіе самому австрійскому императору. Но дѣло такъ и осталось безъ послѣдствій. А между тѣмъ латинская пропаганда снова вызвала митрополита Савву на открытую полемику съ Боснійскимъ латинскимъ архіепископомъ Іосифомъ Стадлеромъ. Къ сожалѣнію, то, что позволено было латинскому архіепископу, запрещено было православному митрополиту: открытое письмо митрополита Саввы (отъ 10 сент. 1883 г.) Стадлеру, который хулитъ православную вѣру и Церковь, было въ свое время конфисковано австрійскою властію и только недавно къ неудовольствію австрійскихъ властей было обнародовано одною изъ сербскихъ газетъ (см. „Застава“, № 110, за 1885 г.). Мы не излагаемъ здѣсь содержанія этого столь умѣреннаго и правдиваго отвѣта назойливому и дерзкому латинскому архіепископу и его сторонникамъ, но замѣтимъ только, что митрополитъ Савва, видя невозможность бороться свободно съ пропагандою, обратился за помощію къ Царьградскому патриарху. Но пропаганда и на этомъ не останавливалась, продолжая развиваться далѣе: по словамъ австрійскихъ сербскихъ газетъ, она и до сихъ поръ дѣйствуетъ въ прежнемъ направленіи, „раздаютъ дѣтямъ разныя картины и медали, на которыхъ написаны или вырѣзаны разныя священныя пѣсни латинской церкви и изображенія въ духѣ римскомъ, а чрезъ учителей въ коммунальныхъ школахъ раздаютъ дѣтямъ латинскіе молитвенники, изъ которыхъ учатъ познавать православную Христову вѣру“ („Србобран“ 1885 г. № 84: „Гласи из Босне“ *). Кроме того, „правительство, по словамъ той-же газеты, давленіемъ на священниковъ и учителей, школу и церковь, на церковно-школьныя общины и народъ продолжало дѣлать свое дѣло: оно тайно отнимало старыя книги (т. е. церковно-богослужебныя), книги православныя, и замѣняло ихъ уніатскими, изъ Львова; затѣмъ дѣлаетъ измѣненія въ самой одеждѣ и вообще въ церковной утвари, раздаетъ въ видѣ помощи деньги священникамъ безъ вѣдома митрополита“. А недавно тотъ же „Србобран“ и затѣмъ другія сербскія газеты („Српски Лист“, „Застава“ и др.)

---

*) То же указывалъ раѣе лат. архіеп. Стадлеру митр. Савва Косановичъ.

обнародовали письмо одного члена римско-католической пропаганды на Балканскомъ полуостровѣ одной также высокопоставленной особѣ въ Босніи и Герцеговинѣ. „Србобран“ имѣетъ оригиналъ этого письма и знаетъ его автора и лицо, кому послано, и, обѣщая въ случаѣ нужды раскрыть всю эту тайну, теперь пока печатаетъ только самый текстъ письма для доказательства существованія латинской пропаганды среди православныхъ босняковъ и герцеговинцевъ.

„Многоуважаемый господинъ! Прежде всего радуюсь, что вы здоровѣли. Да дастъ вамъ милостивый Богъ пожить еще много лѣтъ! Радуюсь и тому, что вы столь мудро и разсудительно написали о той (?) исторіи. Да благословитъ Богъ вашъ трудъ!

„По одному экземпляру вашего полезнѣйшаго произведенія я вручилъ кардиналамъ Симеону, Говарду и Бартолинію, а одинъ монсиньору Рамболли. Всѣ благодарили васъ за этотъ подарокъ. А пятый экземпляръ я удержалъ у себя и за него лично вамъ благодаренъ; прошу васъ принять отъ меня одинъ экземпляръ Ассеманіева Евангелія, который посылаю вамъ по почтѣ.

„А о чемъ вы мнѣ писали, то находилось въ пропагандѣ два мѣсяца;—читалъ это кардиналъ Симеонъ, секретарь монсиньоръ Кретоній и еще нѣкоторые. По моему мнѣнію, это письмо многозначительно, поэтому я и передалъ его для прочтенія кардиналу Симеону, а этотъ послѣдній тому монсиньору, теперь секретарю по дѣламъ восточнымъ (равно какъ и болгарскимъ). Этотъ секретарь, по истеченіи двухъ мѣсяцевъ, возвращая мнѣ ваше многозначительное письмо, спрашивалъ у меня вашъ адресъ для того, чтобы вамъ писать,—и я сообщилъ ему вашъ адресъ. Я думаю, что въ пропагандѣ оставили копію съ вашего письма. Надѣйтесь, мы твердо надѣемся! Не только кардиналъ, но и св. отецъ (т. е. папа) много думаетъ о томъ, какъ-бы обратить (т. е. въ латинство) нашихъ раскольниковъ (т. е. православныхъ).

„И я соболѣзную о томъ, сколько могу; полагаю, что мнѣ повѣрите!

„Желая вамъ отъ Бога всякаго блага и поручая себя вашимъ молитвамъ, остаюсь вашъ нижайшій слуга. Въ Римѣ 23 февраля 1881 г.“

Это письмо, только что теперь обнародованное, ясно показываетъ, что латинская пропаганда въ Босніи и Герцеговинѣ, равно какъ и въ другихъ православно-восточныхъ странахъ, слѣдуетъ извѣстной строгой системѣ, со всею послѣдовательностію ведется людьми компетентными въ своемъ дѣлѣ, знающими мѣстные обычаи странъ и народовъ.

Какъ можно догадываться по содержанію вышеприведеннаго письма и какъ извѣстно изъ другихъ многочисленныхъ фактовъ, главными дѣятелями австрійско-латинской пропаганды въ Босніи и Герцеговинѣ, вмѣстѣ съ іезуитами, пассіонистами и другими латинскими монашескими орденами, являются также австрійскіе чиновники изъ хорватовъ, съ нѣкоторыми регентами изъ православныхъ сербовъ, которые, продавая свой народъ Австріи и Риму за деньги и австрійскія чиновныя отличія, иногда даже усерднѣе своихъ главныхъ вожаковъ-латиниковъ подвизаются съ цѣлію угнетенія православной Церкви.

Повидимому странно, что *свои* угнетаютъ *своихъ*; тѣмъ не менѣе это фактъ, фактъ печальный, между прочимъ у всѣхъ вообще славянъ и въ особенности славянъ, деморализованныхъ австрійскимъ и турецкимъ гнетомъ; враги здѣсь разными средствами стремятся раздѣлить славянство, чтобы скорѣе захватить его въ свои руки и затѣмъ уничтожить его собственнымъ оружіемъ. Это средство они примѣняютъ и въ данномъ случаѣ по отношенію къ Босніи и Герцеговинѣ: враги вмѣсто себя открыто ставятъ въ ряды борцовъ противъ православнаго сербскаго народа его народныхъ измѣнниковъ и такимъ образомъ ловко за ними прикрываютъ свои собственные коварныя махинаціи. Поэтому между прочимъ и выходитъ, что причину отставки митрополита Саввы Косановича официозныя вѣнскія и хорватскія газеты приписываютъ его недоразумѣніямъ съ народомъ, хотя изъ этого народа только незначительные его измѣнники стали въ ряды враговъ-латинниковъ и вмѣстѣ съ ними агитируютъ противъ православнаго митрополита, своимъ образомъ дѣйствій вынуждая его просить себя отставки. Въ основѣ-же всѣхъ этихъ смутъ лежитъ латинская пропаганда, которая уже столько безпокойствъ причинила митрополиту Саввѣ Косановичу и въ послѣднее время своими агитаціями вынудила его просить себя временнаго успокоенія отъ непріятныхъ столкновеній съ австрійскимъ правительствомъ. Вотъ истинный смыслъ и главная причина отставки Саввы Косановича. Такъ заключаютъ нѣкоторые сербскіе органы, посвященные въ церковно-административную дѣятельность и вообще служебныя отношенія Сараевскаго митрополита Саввы Косановича.

Та-же самая причина, которая произвела недавно новыя замѣнательства въ боснійско-герцеговинской церкви съ митрополитомъ Саввою Косановичемъ, дѣйствуетъ съ прежнею послѣдовательностью среди православныхъ и въ другихъ мѣстахъ Австро-Угорской монархіи: вліянію ей нужно приписывать и смуты среди православнаго

австро-угорскаго сербства въ ожиданіи народно-церковнаго собора, который былъ назначенъ на 1-е сентябрь. Мы не утверждаемъ, что патриархъ Ангеличъ—орудіе латинской пропаганды, какъ думаютъ противники его изъ такъ называемой народной партіи (см. напр. цѣлую брошюру „У обрану народно-црквене автономије“ од д-ра Паје Јанновича, у Новом Саду, 1885 года), но съ вѣроятностію можемъ предполагать, что австрійское и панское „divide et impera“ является главнымъ источникомъ смуть, происходящихъ среди православныхъ сербовъ: та и другая партія, партія Ангелича и партія такъ называемая народная, сами хорошо не взвѣсивая результата своей борьбы, обѣ одинаково дѣйствуютъ въ пользу своихъ враговъ и на радость своего, въ существѣ дѣла всегда къ нимъ однимъ враждебнаго, австро-мадьярскаго правительства. Поэтому неудивительно, что нѣкоторыя изъ австрійскихъ газетъ, враждебныхъ православію и слѣдовательно православнымъ сербамъ, теперь становятся какъ-бы на защиту интересовъ сербства, на защиту его народно-церковной автономіи въ виду правительственныхъ на нее посягательствъ. Въ дѣйствительности-же, всѣ подобныя апологіи—только извѣстное приспособленіе къ современнымъ волненіямъ народныхъ умовъ и страстей въ средѣ австро-угорскаго сербства, чтобы легче и рѣзче разбить его на два враждебные лагеря и затѣмъ приготовить окончательную надъ нимъ побѣду. Такъ мы смотримъ даже на благопожеланія сербской народной партіи и со стороны хорватской газеты „Розог“, который видимо сочувствуетъ народно-церковной автономіи сербовъ въ Австро-Угріи и который между прочимъ по дѣлу объ отставкѣ Саввы Косановича, вмѣстѣ съ органами сербской народной партіи, обвиняетъ патриарха Ангелича за то, что своими дѣйствіями въ пользу аннексіи Сараевской митрополіи къ Карловацкой, онъ будто-бы довелъ митрополита Савву до рѣшительнаго шага—выхода въ отставку.

Если-бы эти предложенія были такъ наивны, какъ они кажутся, то можно было-бы повѣрить нѣкоторой искренности подобныхъ завѣщаній; въ дѣйствительности-же, какъ мы замѣтили выше, они рассчитаны на извѣстный модный успѣхъ всякаго рода протестовъ и заявленій противъ патриарха Ангелича, только въ настоящемъ случаѣ не для его уязвленія, а для произведенія смуть вообще внутри православнаго австро-угорскаго сербства. Эти смуты, особенно сильно обнаружившіяся съ наимепованіемъ Ангелича патриархомъ Карловацкимъ, достигли наканунѣ народно-церковнаго собора 1 сентября своего печальнаго апогея: одна партія сербовъ во всеу-

слышаніе кричить и пищеть въ своихъ органахъ „побѣда“ (пока въ выборахъ кандидатовъ на церковно-народный соборъ), какъ-бы невольно подобнымъ образомъ дѣйствій угождая своимъ врагамъ-латинщикамъ, всегда злобно работающимъ надъ уничтоженіемъ православнаго сербства. Впрочемъ, чѣмъ эти смуты разрѣшились на сербскомъ народно-церковномъ соборѣ 1 сентября, мы нынѣ не знаемъ, но предполагаемъ только, что вслѣдствіе этихъ смуть православное сербство въ Австро-Угріи будетъ еще болѣе ослаблено. Такимъ образомъ то, чего нельзя было австрійской латинской пропагандѣ достигнуть путемъ прямаго воздѣйствія и открытыхъ репрессалій, теиерь достигается благодаря давнишнему уже испытанному приему „divide et impera“!

Таже латинская пропаганда опять съ такою назойливостію бросилась въ послѣднее время на православную Буковину, что Черновицкій митрополитъ Сильвестръ Андревичъ — Морарю издалъ дѣлую апологію въ защиту православія противъ нападеній латиниковъ, напрасно взывая при этомъ о помощи къ самому австрійскому правительству. Мы еще не имѣемъ полнаго текста этой апологіи, но по сообщеніямъ австрійскихъ сербскихъ газетъ можемъ передать общее ея содержаніе.

„Восточно-православная Церковь, говорится въ апологіи, протестуетъ противъ всего (есть-ли то прежде открытое посягательство на вѣру, или какое-либо непрямое покушеніе), что было-бы опасно для ея существованія или служило-бы препятствіемъ для ея развитія, равно также и противъ всего, что вообще вредитъ ея положенію, какъ Церкви православно-христіанской. Но особенно протестуетъ восточно-православная Церковь въ Буковинѣ:

1) противъ названій „схизматическая церковь и схизматики“, каковыя названія придаются самой Церкви и ея вѣрнымъ сынамъ въ схематизмахъ и другихъ официальныхъ и полуофициальныхъ публикаціяхъ римскаго и униатскаго архіепископства Львовскаго и въ ихъ органахъ;

2) противъ умаленья числа душъ православно-восточной Церкви въ ежегодныхъ схематизмахъ римско-католическаго архіепископства Львовскаго;

3) противъ принятія дѣвицъ православнаго восточнаго исповѣданія въ монастыри римско-католическихъ сестеръ уреулинокъ и противъ дальнѣйшаго существованія этого ордена, равно какъ и противъ учрежденія всякихъ другихъ восточныхъ монастырскихъ общинъ въ Буковинѣ;

4) противъ пребыванія и проповѣди оо. іезуитовъ въ Буковинѣ, гдѣ они возбуждаютъ противъ себя общее негодованіе;

5) противъ пребыванія и вообще остановки изгнаннаго изъ Россіи польско-латинскаго архіепископа Фелинскаго, равно какъ и противъ предполагаемаго учрежденія римско-католической епископіи въ Черновцахъ со включеніемъ въ нее нѣкоторыхъ сосѣднихъ деканатовъ въ Галичинѣ;

6) противъ совращенія въ римско-католическую и униатскую вѣру арестантовъ православной вѣры въ домѣ тюремнаго заключенія во Львовѣ, въ женскомъ отдѣленіи св. Магдалины, равно какъ и вообще противъ вѣроисповѣдной агитаціи между православнымъ народонаселеніемъ Буковины;

7) противъ употребленнаго въ обвинительномъ актѣ отъ 10 мая 1882 г. по дѣлу Добрянскаго названія „схизмы“ и „схизматическая вѣра“, равно какъ и противъ другихъ разныхъ низшихъ злословій во времена суда вообще на православную Церковь и ея вѣрныхъ сыновъ въ Буковинѣ“.

Въ заключеніе апологія напрасно ищетъ законнаго огражденія правъ и положенія православной Церкви въ виду противозаконныхъ на нее посягательствъ со стороны церкви римской и униатской. (Кромѣ подписи митрополита Андревича, другія подписи слѣдующія: Аркадія Чуперновича, д-ра Ивана Зуркана, д-ра Василя Илашіевича, архим. Мирона Калинеску, Діонисія барона Бейна, Исидора барона Огіула. Въ Черновцахъ 20 іюня—2 іюля 1885 г.).

Вотъ какія вѣсти о себѣ сообщаетъ намъ православная Буковинская церковь: она страдаетъ отъ тѣхъ-же назойливыхъ враговъ, какіе издавна и до сихъ поръ дерзко и подчасъ съ неслышаннымъ нахальствомъ воюютъ противъ православной Церкви вездѣ и въ особенности среди православнаго населенія Австро-Угріи.

— Въ послѣднихъ номерахъ „Кіевлянина“ опубликованы постановленія бывшаго въ прошломъ году въ Кіевѣ съѣзда преосвященныхъ юго-западнаго края. Главной заботой этого съѣзда, какъ извѣстно, было изысканіе мѣръ къ ослабленію мѣстнаго сектантства вообще и шундизма въ особенности. Въ этихъ именно видахъ съѣздомъ архипастырей между прочимъ постановлено: „въ духовныхъ семинаріяхъ юго-западнаго края ввести по предмету исторіи и обличенія русскаго раскола преподаваніе о мѣстныхъ ересьяхъ и расколахъ, съ подробнымъ изложеніемъ историческихъ о нихъ свѣдѣній, и въ особенности о шундизмѣ, съ тѣмъ чтобы при этомъ преподаваніи воспитанникамъ старшихъ классовъ тщательно были разъяснены

самые способы собесѣдованій съ заблуждающимися. Составлять и распространять въ народѣ сочиненія и печатные листки, содержащія въ себѣ благоразумное обличеніе иновѣрческихъ ученій и выѣсть съ тѣмъ общедоступное изложеніе тѣхъ частей православнаго ученія, которыя отвергаются или извращаются иновѣрцами. Въ приходы, зараженные штицдою и сродными съ нею сектами, опредѣлять священниковъ лучшихъ во всѣхъ отношеніяхъ: если скудно ихъ содержаніе, то давать имъ пособіе изъ епархіальныхъ суммъ, а въ случаѣ неимѣнія ихъ—испрашивать таковыя у Св. Синода, съ тѣмъ однако, чтобы пособія, которыя могутъ быть выдаваемы священникамъ, не обращались въ жалованье“.

Такъ какъ себтанство между прочимъ оказывается часто притягательнымъ для бѣднаго люда своею корпоративною самопомощью, то, чтобы бѣдные не увлекались приманкою корысти въ штицизмъ и другія секты, съѣздъ внушаетъ пастырямъ—располагать церковно-приходскія попечительства, чтобы они усилили сборъ денегъ на приходскія нужды и употребляли оныя между прочимъ на пособіе бѣднымъ прихожанамъ, а также давали или указывали симъ послѣднимъ занятія, которыми бы они могли содержать себя.

— Какое сильное впечатлѣніе производятъ вообще помѣстные соборы преосвященныхъ, показываетъ тотъ фактъ, что общественное мнѣніе въ Казани доселѣ живетъ впечатлѣніями бывшаго тамъ съѣзда архипастырей. Особенно благоприятное впечатлѣніе производилъ тотъ „духъ единенія, духъ истиннаго братства, который свидѣтельствовалъ о незыблемомъ порядкѣ и самоотверженномъ служеніи св. интересамъ вѣры, царствующемъ въ церковномъ управленіи; ибо какіе вопросы ни были обсуждаемы на засѣданіяхъ собора, всѣ они были рѣшаемы въ духѣ мира и взаимной любви и пламеннаго желанія, чтобы царствовала въ Церкви Христовой вѣчная богооткровенная истина и вѣчная правда и всеобъемлющая любовь христіанская“.

— Въ качествѣ выѣшняго выраженія этого братскаго единодушія и апостольской ревности къ торжеству православія, а также въ память собора, преосвященные члены его поднесли высокопреосвященному предсѣдателю съѣзда, архіепископу Казанскому Палладію, икону Богоматери съ вычеканенною на оборотѣ металлической доски слѣдующею предваряемою крестомъ надписью: „9—25 іюля 1885 года. Въ молитвенное воспоминаніе отъ собиравшихся во градѣ Казани, подъ предсѣдательствомъ вашего высокопреосвященства, для обсуждения мѣръ къ утвержденію пра-

вославія и для борьбы съ расколомъ и иновѣріемъ, епископовъ: Діонисія Уфимскаго и Мецзелинскаго, Евгенія Астраханскаго и Енотаевскаго, Ефрема Пермскаго и Соликамскаго, Варсонофія Сибирскаго и Сызранскаго, Веніаміна Оренбургскаго и Уральскаго, Павла Саратовскаго и Царицынскаго, Павлаиила Екатеринбургскаго и Ирбитскаго, Кирилла Чебоксарскаго и Тихона Сарапульскаго, — его высокопреосвященству, высокопреосвященнѣйшему Палладію, архіепископу Казанскому и Свѣяжскому“.

— Святѣйшій Синодъ вошелъ въ государственный совѣтъ съ представленіемъ, въ которомъ испрашиваетъ кредитъ на будущій годъ въ 4.657,000 руб. на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній. Прежде всего составленъ проектъ финансовыхъ смѣтъ для высшихъ учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства, а именно: для четырехъ духовныхъ академій, изъ коихъ на содержаніе Петербургской испрашивается—146,878 р., Московской—148,789 руб., Казанской—131,709 руб. и Кіевской—143,903 руб. За симъ слѣдуютъ духовныя средне-учебныя заведенія, т. е. семинаріи, число которыхъ составляетъ 54. Въ виду новаго положенія о церковно-приходскихъ школахъ, начиная съ будущаго года, число послѣднихъ предположено значительно увеличить. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ число учениковъ достигнетъ 15-ти человекъ, школа будетъ открываться съ разрѣшенія мѣстнаго епархіальнаго начальства. Во всѣхъ-же городахъ, гдѣ имѣются семинаріи, существованіе мужскихъ и женскихъ школъ духовнаго вѣдомства будетъ обязательно.

— Епархіальные съѣзды духовенства, имѣвшіе въ прежнее время столь широкое примѣненіе, нынѣ признаны излишними. Новыя уставы духовныхъ семинарій и училищъ, изданные въ 1884 году оставили за съѣздами одну заботу: объ изысканіи матеріальныхъ средствъ на нужды этихъ учебныхъ заведеній посредствомъ правильной раскладки по церквамъ каждой епархіи денежныхъ взносовъ на этотъ предметъ. Но такъ какъ платежныя средства церквей въ этомъ отношеніи уже выяснились для епархіальныхъ начальствъ, то отъ послѣднихъ будетъ зависѣть собирать эти средства административнымъ порядкомъ, не требуя вновь созыва духовенства на съѣзды. За то слѣдуетъ отмѣтить вновь предпринятую нынѣ мѣру по церковному вѣдомству, это—установленіе съѣздовъ архіереевъ по разнымъ церковнымъ дѣламъ и вопросамъ. До этого было 4 такихъ съѣзда: въ Петербургѣ, Кіевѣ, Казани и Иркутскѣ. По мѣрѣ надобности, они будутъ открываться и впредь въ разныхъ мѣстностяхъ.

— Въ видахъ улучшенія матеріальнаго быта духовенства вообще въ настоящее время съ разрѣшенія Св. Синода въ пѣкоторыхъ епархіяхъ приступлено къ учрежденію обществъ взаимнаго вспоможенія духовенству и ссудо-сберегательныхъ кассъ. Изъ эмеритальныхъ кассъ обращаетъ на себя вниманіе Саратовская. За 15 лѣтъ своего существованія она дала слѣдующіе результаты: всѣхъ ссудъ выдано 842,597 р.; возвращено обратно ссудъ 641,000. Число прибыли касса получила за всѣми расходами, сдѣланными въ разное время, 348,000 р. Затѣмъ московское духовенство недавно выработало уставъ эмеритальной кассы для служащихъ по духовному вѣдомству и для священно-церковнослужителей Московской епархіи. Уставъ былъ представленъ епархіальнымъ начальствомъ въ Св. Синодъ, который разрѣшилъ московскому духовенству ввести въ дѣйствіе уставъ кассы въ видѣ опыта на 10 лѣтъ. Къ концу этого срока, когда уже имѣеть накопиться значительный капиталъ для выдачи пенсій участникамъ кассы и ихъ семействамъ, уставъ Московской духовной кассы долженъ быть снова представленъ на разсмотрѣніе Св. Синода, для исправленія его по указаніямъ 10-лѣтняго опыта и для окончательнаго затѣмъ утвержденія. Наконецъ въ Рижской епархіи существуетъ „погребальная касса“, изъ которой выдаются пособія по случаю смерти и на погребеніе участниковъ кассы.

— Духовно-просвѣтительная дѣятельность духовенства между тѣмъ развивается и крѣпнетъ. Число церковно-приходскихъ школъ въ Калужской губерніи, какъ видно изъ свѣдѣній Калужскаго епархіальнаго училищнаго совѣта, постепенно возрастаетъ. Въ началѣ текущаго года, по сообщенію мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей, церковно-приходскихъ школъ было болѣе полутора; въ настоящее время вновь открыто еще 15. Всѣ эти вновь открытыя школы устроены болѣе или менѣе правильно. Учащихся въ нихъ 373 человека, въ томъ числѣ—мальчиковъ 345 и дѣвочекъ 28. Самая обширная школа устроена въ с. Мокромъ, учащихся въ ней 62 мальчика и 4 дѣвочки.

СУНОДАЛЬНЫЯ КНИГИ.

Въ синодальн. книжныхъ лавкахъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ

(въ Москвѣ въ здавіи синодальной типографіи и въ С.-Петербургѣ въ здавіи Св. Синода)

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Сокровище духовное, отъ міра собираемое, твор. св. Тихона Задонскаго, епископа Воронежскаго, гр. печ. въ 8 д. на бѣлой бумагѣ въ 2 кн.: I и II ч., въ бумагѣ 60 коп., III и IV ч., въ бум. 50 коп. За обѣ книги вмѣстѣ 1 руб. Отдѣльныя брошюры изъ сей книги: гр. въ 16 д. л. въ бум. кореш. 2 коп. Алфавитъ. Ученіе 2 коп. Десница. Хищникъ. Долгъ 2 коп. Кто что любитъ, того и щеть. Кого-жь мнѣ и любить, какъ не его 2 коп. Миръ. Отецъ и дѣти. Госнодищъ и рабъ. Преступный подданный, 2 коп. Осужденникъ и казнь его смертная. Царь, ожидаемый отъ гражданъ, и пришествіе его во градъ и его отъ гражданъ пріятіе. Подлый человекъ, высокому лицу усыновленный. О томъ-же 2 коп. Пѣнники и освободитель ихъ. Пѣнникъ и освободитель. Преступные осужденные и радостная имъ вѣсть. Вѣдствующие люди и царь ихъ посѣтитель и имъ сострадающій, 2 коп. Познаніе бесѣды или неблагополучіе убѣждаетъ искать избавленія, 2 коп. Познанное добро ищется. Познаннаго зла всякъ уклоняется, 2 коп. Царь, входящій во градъ яля домъ. Царь подданнаго своего къ себѣ указомъ зоветь. Царь и подданный его, отъ него просящій милостины. Милость царская, законопреступникамъ обѣщанная и опубликованная по обращающимся являемая, 2 коп. Человекъ, впадшій въ разбойничьи и отъ нихъ узвѣленный. Человекъ въ рапахъ. Госпиталь или лазаретъ. Пластырь живительный, 2 коп. Отдѣльныя статьи изъ твореній св. Тихона Задонскаго (епископа Воронежскаго): Христосъ грѣшную душу къ Себѣ призываетъ, 1 коп. О почитаніи страстей Христовыхъ, 1 коп. О грѣхахъ и вѣки ихъ особенно, 1 коп. О пьянствѣ, 1 коп. О томъ, како христіанинъ долженъ воздерживать и похотямъ плотскимъ противиться, 1 коп. Слово о спасительномъ Божіемъ въ роду человѣческомъ смотрѣніи, 1 коп. Слово о сырой седмицѣ, 1 коп. Слово о хищеніи, 1 коп. Краткое наставленіе, како подобаетъ себя въ христіанской должности содержать, 1 коп. Помилуй мя, Боже, помилуй мя, 1 коп. Изъясненіе молитвы Господней, 2 коп. О концѣ добрыхъ дѣлъ, 2 коп. Канонъ покаянный, 2 коп. О вѣрѣ, 3 коп. Како христіанинъ можетъ себе утѣшать въ привлекающихся скорбѣхъ, 4 коп. Случай и духовное отъ того разсужденіе, 15 коп.

Съ разрѣшенія Св. Синода духовнымъ учрежденіямъ и лицамъ, а равно благотворительнымъ обществамъ, выписывающимъ синодальныя изданія не для торговыхъ цѣлей, а въ видахъ благотворительнаго снабженія таковыми изданіями народа по возможно дешевымъ цѣнамъ, дѣлается 10% уступка, съ даровою пересылкою книгъ, но съ тѣмъ, чтобы таковыя требованія дѣлаемы были за наличныя деньги и при томъ на сумму не менѣе 25 руб. въ одинъ разъ; книгопродавцамъ-же, а равно и прочимъ мѣстамъ и лицамъ при покупкѣ синодальныхъ изданій за наличныя деньги и на сумму не менѣе 25 руб. въ одинъ разъ, дѣлается 10% уступка, безъ даровой пересылки.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

ВѢРА И РАЗУМЪ

въ 1886 году.

Благодареніе Богу, журналъ „Вѣра и Разумъ“ въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ со времени своего появленія въ свѣтъ успѣлъ обратить на себя вниманіе нашего образованнаго общества. Его главная задача, при уваженіи къ философіи, какъ наукѣ, освѣщать ея пути свѣтомъ христіанства и при благоговѣніи къ христіанству выяснять его основанія философскими познаніями и философскимъ мышленіемъ,—эта задача понята и опѣнена какъ должно. Ободренная такимъ сочувствіемъ общества, редакція журнала „Вѣра и Разумъ“ съ новою ревностію принимается за продолженіе своего изданія въ будущемъ 1886 году. Программа журнала по прежнему будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: 1) церковнаго, 2) философскаго и 3) листка для Харьковской епархіи. Журналъ будетъ выходить ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ Архіерейскомъ Монастырѣ; въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжномъ магазинѣ В. А. Бирюковыхъ Московская, № 7; въ Москвѣ: къ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Феранонтова; въ Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получить немногіе остающіеся экземпляры ся изданія за прошлый и настоящей годы по прежней цѣнѣ.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1885 году будетъ состоять изъ 24 №№ или полу-
мѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять час-
тей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части.
Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла,
вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую
часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епар-
хіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ
особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою последней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.

Редакторъ, Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ Кратировъ.